

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ПРАВО

Tomsk State University Journal of Law

Научный журнал

2023

№ 50

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором)

ПИ № ФС77-45814 от 8 июля 2011 г.

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель – Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Уткин В.А. (главный редактор, председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Азаров В.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, заслуженный юрист Российской Федерации; **Гайстлингер Михаэль** – доктор юридических наук, профессор Зальцбургского университета (Австрия); **Мазуркевич Яцек** – доктор юридических наук, профессор Зеленогурского университета (Польша); **Мешко Горазд** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминологии Мариборского университета (Словения); **Працко Г.С.** – доктор юридических наук, доктор философских наук, зам. начальника по науке Ростовского юридического института МВД России; **Рабец А.М.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Юридического факультета Российского государственного социального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук; **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации; **Старостин С.А.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, председатель Комитета экспертов-советников Постоянно действующего Третейского суда JSM в г. Цюрих (Швейцария) Института международного коммерческого арбитража; **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, государственный советник юстиции 3-го класса, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации; **Чанхай Лун** – доктор юридических наук, профессор, проректор Маньчжурского института Университета Внутренней Монголии (Китай); **Шафиров В.М.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории государства и права Юридического института Сибирского федерального университета, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Уткин В.А. (председатель редколлегии) – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заслуженный юрист Российской Федерации; **Ольховик Н.В.** (зам. председателя редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зам. директора по научной работе Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Геймбух Н.Г.** (ответственный секретарь редколлегии) – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета; **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности; **Болтанова Е.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, профессор кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Ведяшкин С.В.** – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права, административного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Князьков А.С.** – доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета; **Мананкова Р.П.** – доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Осокина Г.Л.** – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета; **Савицкая И.С.** – старший преподаватель кафедры английской филологии факультета иностранных языков Национального исследовательского Томского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В, Ведерников Н.Т. О проблемах криминалистического профилирования серийных преступников	5
Верещагина А.В. Противодействие экстремизму через призму статистики и судебной практики: некоторые моменты	15
Геймбух Н.Г. Новеллы в вопросах разграничения компетенции Германской федерации	33
Зорина Е.А., Метельков А.Н., Трапезникова М.М., Медведева А.А. Уголовно-правовые аспекты нарушения трудовых прав в современном российском и зарубежном законодательстве	43
Кожевников В.В. О государственно-правовом компоненте доктринальных (научных) правовых понятий и категорий	62
Кукушкина А.В. Экологическая функция государства	76
Маслов В.А. Уголовная политика: дефиниция и цель	89

ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Авакян А.М. Понятие и виды страхования ответственности за причинение вреда	100\
Булгаков В.В., Бросалина А.А. Экологический комплаенс: понятие, особенности, роль в снижении эколого-правовых рисков и обеспечении экологической безопасности	117
Кожемякин Д.В., Коверченко И.И. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов	132
Кузьмина И.Д., Краснова С.А. Ограниченные вещные права и особенности их гражданско-правовой защиты	148
Мананкова Р.П. Современные представления о частноправовых понятиях	166
Сахарова Ю.В. Акции в российском законодательстве и их роль в практике корпоративного управления	177

CONTENTS

PROBLEMS OF THE PUBLIC LAW

Akhmedshin R.L., Akhmedshina N.V., Vedernikov N.T. On the challenges of forensic profiling of serial offenders	5
Vereshchagina A.V. Countering extremism through the lens of statistics and jurisprudence: some highlights	15
Geymbukh N.G. Novelties in the delimitation of competences of the German federation	33
Zorina E.A., Metelkov A.N., Trapeznikova M.M., Medvedeva A.A. Criminal and legal aspects of violation of labour rights in modern Russian and foreign legislation	43
Kozhevnikov V.V. On the state-legal component of doctrinal (scientific) legal concepts and categories	62
Kukushkina A.V. Ecological function of the state	76
Maslov V.A. Criminal policy: definition and purpose	89

PROBLEMS OF THE PRIVATE LAW

Avakyan A.M. Concept and types of liability insurance for causing damage	100
Bulgakov V.V., Brosalina A.A. Environmental compliance: concept, features, role in mitigating environmental and legal risks and ensuring environmental security	117
Kozhemyakin D.V., Koverchenko I.I. Extrajudicial procedures to curb the spread of piracy on digital platforms: ensuring a balance of interests	132
Kuzmina I.D., Krasnova S.A. Limited property rights and peculiarities of their civil protection	148
Manankova R.P. Current thinking on private law concepts	166
Sakharova Yu.V. Shares in Russian legislation and their role in corporate governance practice	177

Проблемы публичного права / Problems of the public law

Научная статья

УДК 343.9

doi: 10.17223/22253513/50/1

О проблемах криминалистического профилирования серийных преступников

Рамиль Линарович Ахмедшин^{1, 2},
Наталья Владимировна Ахмедшина³,
Николай Трофимович Ведерников⁴

^{1, 4} Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия

^{2, 3} Томский университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия

^{1, 2} ramil_ahmedshin@mail.ru

³ dana74@mail.ru

⁴ tsu-crime@mail.ru

Аннотация. Обосновывается тезис о системной (объективной) и субъективной природе проблем криминалистического профилирования. К системным проблемам относятся проблемы, вытекающие из базового устройства государства и общества, в то время как к субъективным – проблемы, в основе которых лежит человеческий фактор. Сфера криминалистического профилирования сведена прежде всего к построению психологического профиля неизвестного преступника. Основной акцент в работе сделан на проблемах криминалистического профилирования, характерных для современной России в текущий временной период.

Ключевые слова: серийный преступник, профайлинг, психологический профиль, психологический портрет, Россия

Для цитирования: Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В., Ведерников Н.Т. О проблемах криминалистического профилирования серийных преступников // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 5–14. doi: 10.17223/22253513/50/1

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/1

On the challenges of forensic profiling of serial offenders

Ramil L. Akhmedshin^{1, 2}, Natalia V. Akhmedshina³,
Nikolay T. Vedernikov⁴

^{1, 4} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{2, 3} Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation

^{1, 2} ramil_ahmedshin@mail.ru

³ dana74@mail.ru

⁴ tsu-crime@mail.ru

Abstract. The article substantiates the thesis about the systemic (objective) and subjective nature of problems of criminalistic profiling. The systemic problems in the article include problems arising from the basic structure of the state and society, while the subjective problems include problems based on the human factor. The range of problems touches upon methodological, historical, criminalistic, and psychological aspects.

The subject of the study was a set of circumstances (problems) of both theoretical and applied nature that hinder the implementation of the practice of effective investigation of serial crimes.

In the conducted research the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, system-structural. In the conducted research the following private-scientific methods were used: modelling, statistical analysis, comparative-historical, expert evaluation.

The article has obtained a number of the following conclusions.

At the moment, due to the systemic nature, the following problems of criminalistic profiling cannot be solved: the problem of conservatism of the law enforcement system; the problem of the closed nature of the law enforcement system; the problem of underestimation of the possibilities of public involvement in the detection of serial crimes; the problem of professionalism of law enforcement officers.

At the moment, due to the subjective nature, the following problems of criminalistic profiling can be solved: the problem of distinguishing the personality of a serial offender from the personality of a criminal committing multi-episode crimes of a different nature; the problem of methodological support; the problem of evidentiary value of profiling results; the problem of adapting psychological knowledge into criminalistics; the problem of representativeness of data on serial offenders.

At the moment, due to the dual (systemic and subjective) nature, the following problems of forensic profiling can be partially solved: the problem of lack of traditions or specific algorithms for the implementation of personnel policy in the field of forensic profiling; the problem of "blindness in communication".

Keywords: serial criminal, profiling, psychological profile, psychological portrait, Russia

For citation: Akhmedshin, R.L., Akhmedshina, N.V. & Vedernikov, N.T. (2023) On the challenges of forensic profiling of serial offenders. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 5–14. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/1

Криминалистическое профилирование, несмотря на высокую результативность, проявившуюся в расследовании неочевидных преступлений, осо-

бенно на фоне использования традиционных методик поиска серийного преступника, обладает целым комплексом проблем как теоретического, так и прикладного характера. Прежде всего повторимся: любая прикладная методика, и методика криминалистического профилирования – не исключение, имеет ряд проблем теоретической природы. Одной из целей данной статьи является отслеживание уровня решения проблем, свойственных криминалистическому профилированию. Ранее мы уже приводили список наиболее очевидных проблем криминалистического профилирования, прежде всего в современной России, к которым отнесли следующие:

- 1) проблему отграничения личности серийного преступника от личности преступника, совершающего многоэпизодные преступления, иные по природе;
- 2) проблему методологического обеспечения;
- 3) проблему доказательственной ценности результатов профилирования;
- 4) проблему адаптации в криминалистику психологического знания;
- 5) проблему репрезентативности данных о серийных преступниках [1. С. 389].

Проблема отграничения личности серийного преступника от личности преступника, совершающего многоэпизодные преступления, иные по природе, является исходной проблемой теоретического плана, без решения которой бессмысленны попытки исследования феномена криминалистического профилирования.

Отечественная криминалистическая наука при исследовании серийных преступлений продолжает не замечать клубок противоречий в понятийной предметной сфере системы «серийный преступник».

Почему же определенное количество исследователей не признают факт того, что понятие «серийное преступление» является более узким, чем понятие «многоэпизодное преступление»? Почему некоторые исследователи игнорируют актуальность изучения фантазий серийного преступника как элемента системообразующего и продолжают относить к серийным преступлениям преступления многоэпизодные, ориентируясь только на то, что и в серийном, и в многоэпизодном преступлении этих эпизодов много? Ответ сводится к нежеланию исследователей изучать такую несколько «условную» материю, как мотивация преступного поведения, особенно психопатичной личности, каковой, как правило, является серийный преступник. Конечно, проще посчитать количество эпизодов, чем разбираться в хитросплетениях потребностей у только условно адекватной личности серийного преступника. Таким образом, отнесение к исследовательскому полю серийных преступников лиц, совершающих иные формы множественных преступлений, видится, прежде всего, в недобросовестности исследователей.

Проблема методологического обеспечения. Еще два десятка лет назад проблемой распространения знания в области криминалистического профилирования мы признавали недостаточность использования метода интервью в исследованиях серийных преступников [2. С. 146–147]. Именно данный

метод позволяет использовать метод биографического анализа, о перспективности применения которого в криминалистике говорилось еще в середине прошлого века [3. С. 240]. К сожалению, данная проблема не решилась почти нисколько. Нам неизвестны результативные исследования, проводимые в последние годы, с использованием биографического метода в криминалистическом изучении личности преступника (за исключением исследований В.Л. Юаня). Подобное положение наблюдается на фоне не потерявшего актуальности утверждения о том, что биография личности является наиболее богатым источником криминалистически значимых данных о нем [4. С. 127].

Проблема доказательственной ценности результатов профилирования ни в малейшей степени не потеряла своей актуальности в силу объективности того факта, что «истории признания доказательственной ценности значительного количества экспертиз проходят длительную стадию их категорического отрицания» [1. С. 401].

Проблема адаптации в криминалистику психологического знания, как и предыдущая, продолжает оставаться системной, т.е. не оставляющая надежд на решение в ближайшем будущем, хотя, конечно, и в меньшей степени, чем проблема доказательственной ценности результатов профилирования.

С одной стороны, Г. Гросс еще в позапрошлом веке отмечал, что в отличие от криминалистики правовые науки никогда не были эмпирическими областями знания, что осложняет формирование традиции заимствования эмпирического знания [5. Р. 6]. С другой стороны, после серьезного прорыва в криминалистических исследованиях личности преступника в первой половине прошлого века у отечественных исследователей в большинстве своем утвердилось мнение, что объем заимствования знаний о личности преступника вполне достаточен. Однако наиболее простым индикатором достаточности выступают количество полученных новых знаний, в основе которых лежит исследование личности преступника. Но именно это количество и является явно недостаточным и принимаемо криминалистическим сообществом «сквозь зубы» в отличие от не имеющих прикладного значения рассуждений о природе тактического приема и следственной ситуации. Для желающего подтвердить или опровергнуть данный тезис достаточно ознакомиться со статистикой криминалистических исследований, продуцирующих прикладное знание и отвлеченные от практики расследования феномены, часто предельно искусственные. В самом деле: какие заимствованные из психологии понятия были положены в основу конкретных прикладных методик, а какие в основу объяснений абстрактных феноменов? Не вызывает сомнения, что активное заимствование в криминалистику данных эмпирико-ориентированных наук – единственный шанс избежать ситуации, в которой существует так называемая академическая, «профессорская» криминалистика, а в противоположность ей – «практическая криминалистика», напряжение между которыми нарастает [6. С. 14].

Несмотря на то, что «профессорская» криминалистика еще пытается породить совершенно нелепые схемы заимствования в криминалистику психологического знания путем «двойной научной адаптации» (через судебную психологию), стала ясна оптимальность прямого функционального заимствования в науку о расследовании знаний о личности, пусть это и вызовет кажущееся размытие предмета криминалистики.

Проблема репрезентативности данных о серийных преступниках решается по аналогии в рамках алгоритмов исследования статистически небольших групп преступников, схожих с изучаемой. Рассмотрим поиск схожих групп преступников для массовых убийц, совершающих убийства детей в образовательных учреждениях (скулшутинг). Традиционно массовые убийцы рассматривались в основном применительно к лицам, совершающим многоэпизодные убийства в отношении учащихся школ. С одной стороны, это правильно, так как именно данная группа преступлений вызывает ту степень общественного резонанса, которая не характерна для иных групп преступлений. С другой стороны, рассматриваемая группа преступлений настолько нечасто встречается в практике расследования преступлений, что построить выводы на основе анализа отдельных случаев достаточно проблематично. Научный вывод становится научным, если базируется на обобщении частных случаев. Следовательно, объем исследованной выборки определяет степень научности полученного вывода.

Но даже исследовав выявленные случаи массовых убийств в образовательных учреждениях, мы должны понимать, что в одну выборку традиционно включаем разнопорядковые объекты. Речь идет о необходимости отдельного изучения стихийных (иррациональных) и взрывных (рациональных) преступников. Но сделав этот необходимый шаг, мы еще больше уменьшим выборку.

Каким же образом можно повысить продуктивность исследований массовых убийств? Вероятно, поиском преступлений, которые внешне производя впечатление спорной относимости к массовым убийствам в школах и вузах, тем не менее, по своей природе им тождественны. Тождественность же эта проистекает из поведенческой тождественности у представителей этих групп криминальных моделей стихийных (иррациональных) и взрывных (рациональных) преступников. Речь идет о воинских массовых убийствах (по аналогии с термином «скулшутинг» мы можем использовать термин «армшутинг»), совершенных военнослужащими рядового и сержантского состава, и бытовых массовых убийствах.

Анализ 16 случаев массовых убийств (начиная с Артура Скалаускаса и заканчивая Рамилем Шамсутдиновым и Владиславом Челахом), совершенных военнослужащими, показал их не только видовое различие, подпадающее под выделение стихийных (иррациональных) и взрывных (рациональных) преступников, но и отдельные случаи, содержательно несхожие с основной массой случаев армшутинга. Однако помимо видовых отличий были зафиксированы и элементы предельно общей природы представителей первых двух групп с преступниками, признанными виновными в массовых

убийствах школьников (скульшутерами). Вывод: идентичность поведенческой модели типов массовых убийств, совершенных военнослужащими рядового и сержантского состава, и случаев скульшутинга позволяет включать их в две соответствующие статистические выборки (иррациональных и рациональных массовых преступников).

В процессе исследования такой уникальной группы преступлений, как бытовые массовые убийства (начиная со случая Нидал Хасана Малика и заканчивая случаем с Денисом Евсюковым), также были найдены выраженные общие черты, как и в случаях с убийством детей в учебных заведениях. Таким образом, при исследовании случаев скульшутинга мы вполне обоснованно можем привлекать данные из области армшутинга и массовых бытовых убийств.

В случае с серийными преступниками также актуален поиск уникальных групп преступников, внутренняя детерминация совершения преступления которых имеет много общего с детерминантами поведения серийных преступников.

Любая исследовательская методика объективно порождает при ее реализации на практике ряд сложностей, которые, будучи ранжированы, могут быть представлены в следующем порядке:

- 1) отсутствие традиций или конкретных алгоритмов реализации кадровой политики в области криминалистического профилирования;
- 2) «слепота на связи»;
- 3) консервативность правоохранительной системы;
- 4) закрытость правоохранительной системы и, как следствие, недостаточность сообщаемой обществу информации о серии совершаемых преступлений;
- 5) недооценка возможностей привлечения общественности к раскрытию серийных преступлений;
- 6) профессионализм работников правоохранительной системы [1. С. 407].

Проблема отсутствия традиций или конкретных алгоритмов реализации кадровой политики в области криминалистического профилирования обусловлена естественным несовпадением интересов центра и регионов. Поясним данный тезис. Традиционно специализации в области криминалистического профилирования формируются в центральных структурах правоохранительных органов (например, в США это был Отдел следственной поддержки ФБР США). Сказанное обусловлено отсутствием в регионах специалистов необходимой квалификации, базы для обучения новых специалистов и нередко инертностью регионального руководства.

Необходимость единого центра подготовки специалистов в области криминалистического профилирования обусловлена также тем фактом, что теория и практика профилирования вышли за пределы дискуссий специалистов с «широким» кругом познаний. «Если не понимать этого, то можно попасть в несколько анекдотичную ситуацию, схожую с той, в которой неоднократно находились авторы, наблюдая дискуссию о природе и сущности работы с полиграфом коллег, не обладавшими даже минимальными навыками

работы с этой техникой, но полагавших себя специалистами в этой сфере, как и в любом вопросе криминалистики» [1. С. 410].

Однако интересы регионального руководства правоохранительных органов не предполагают активного включения в расследование серии преступлений специалистов из «центра», так как доведение до сведения федерального руководства реального состояния борьбы с преступностью (а противодействие серийным преступлениям – очень наглядный пример данного состояния) может иметь для регионального руководства негативные последствия. Однако, несмотря на системность данной проблемы, она может быть решена волевым усилием руководства министерств.

Проблема «слепоты на связи», т.е. неспособности устанавливать взаимосвязь между различными событиями в силу недостатка информации (взаимосвязь между отдельными эпизодами серии преступлений) носит как системную, так и субъективную природу. Системность проблемы «слепоты на связи» проистекает из регионального структурирования организационной модели правоохранительных органов [7. Р. 195]. Вопрос функционального слаживания отдельных структур, расположенных в разных регионах, – это показатель высшего уровня эффективности их деятельности. К сожалению, в нашей стране этот уровень еще не достигнут, если, конечно, он в принципе может быть достигнут с учетом количества и размеров регионов.

Субъективная природа проблемы «слепоты на связи» проистекает из того факта, что «любая иерархическая система, а правоохранительные органы – именно пример такой системы, объективно генерирует амбициозных, властных руководителей, которым психологически сложно взаимодействовать с руководителями аналогичного уровня, поэтому руководители региональных структур власти избегают подобного взаимодействия, если оно конечно не определено законами группового выживания, связанными со страхом перед управляющим федеральным центром» [1. С. 411]. Вероятно только ужесточение вертикали власти может нейтрализовать данный феномен.

Однако не нужно игнорировать и потенциал научного прогресса, ведь сетевые технологии могут решить проблему доступности информации из разных регионов, если субъективная составляющая проблемы «слепоты на связи» будет решена.

Проблема консервативности правоохранительной деятельности проистекает из ее природы. Действительно, сложные сферы человеческой деятельности тяготеют к многократно проверенным методикам реализации стоящих перед ними задач. Со временем такая объективная «страховка» от ошибки накладывается на лень исполнителей и косность руководства. Еще раз вспомним, что «правоохранительные органы консервативны по своей природе. Они часто страдают от бюрократической инерции-вялости или нежелания меняться, развиваться или действовать. Нежелание многих учреждений принять более точную последовательности действий сверх установленной привычной процедуры действий является иллюстрацией этой инерции» [8. Р. 23], и смиримся с тем, что проблема консервативности правоохранительной деятельности в нереволюционных условиях решения не имеет.

Проблема закрытости правоохранительной системы и, как следствие, недостаточность сообщаемой обществу информации о серии совершаемых преступлений. Не принято обвинять правоохранительные органы в продолжающейся серии преступлений, а ведь именно отсутствие у населения достаточного объема информации влечет повышение его виктимности. Как и 20 лет назад, в наши дни не прослеживается система взаимодействия следственных структур со средствами массовой информации. «Опасаясь вызвать панику у населения, органы следствия и дознания ограничиваются лишь изложением криминальной хроники в незначительном объеме» [2. С. 148–149]. Нельзя сказать, что наша страна выступает уникальным феноменом и только в ней правоохранительные органы не склонны распространяться о серии совершаемых преступлений. Если смотреть объективно, то информацию о серии преступлений правоохранители склонны скрывать не столько от преступника, сколько от населения, и эту трусливо-эгоистичную мотивацию можно объяснить только неправильностью организации системы правоохранительных органов в целом. Тем не менее для нашей страны данная проблема является системной и вероятность ее решения совершенно не просматривается.

Сказанное в отношении проблемы закрытости правоохранительной системы в полной мере относится и к **проблеме недооценки возможностей привлечения общественности** к раскрытию серийных преступлений.

Проблема профессионализма работников правоохранительной системы в области криминалистического профилирования, как ранее говорилось, относится в большей степени к профессионализму руководящего состава правоохранительных органов» [1. С. 418–419]. К сожалению, данная проблема является системной и поэтому решению фактически не подлежит. Стабильное консервативное общество, особенно рыночного типа, тяготеет к выраженной инертности, боязни изменений (за исключением технико-инструментальных), особенно кадрового порядка. Руководство правоохранительных органов в описываемых обществах – это скорее не профессионализм, а конформность в отношении властной вертикали, политическая адекватность. Исследователям еще предстоит выявить с какого уровня организации власти данная проблема становится характерной для руководящего состава правоохранительных органов.

Нельзя утверждать, что данная тенденция предельно негативна по своей природе, но в области аналитико-криминалистического инструментария, в том числе и криминалистического профилирования, ее проявление дает исключительно негативный эффект. Переход рассматриваемой проблемы с уровня эффективности отдельной государственной структуры на уровень базовых основ современного индустриального общества рыночного типа с выраженной единственной вертикалью власти однозначно говорит о принципиальной нерешаемости проблемы профессионализма руководства правоохранительной системы в сегодняшних условиях.

Резюмируя сказанное, можно утверждать, что на данный момент в силу системной природы не имеют возможности решения следующие проблемы

криминалистического профилирования: проблема консервативности правоохранительной системы; проблема закрытости правоохранительной системы; проблема недооценки возможностей привлечения общественности к раскрытию серийных преступлений; проблема профессионализма работников правоохранительной системы.

Также, резюмируя сказанное, можно утверждать, что на данный момент в силу субъективной природы имеют возможности решения следующие проблемы криминалистического профилирования: проблема ограничения личности серийного преступника от личности преступника, совершающего многоэпизодные преступления, иные по природе; проблема методологического обеспечения; проблема доказательственной ценности результатов профилирования; проблема адаптации в криминалистику психологического знания; проблема репрезентативности данных о серийных преступниках.

Наконец, можно утверждать, что на данный момент в силу двойственной (системной и субъективной) природы имеют возможность частичного решения следующие проблемы криминалистического профилирования: проблема отсутствия традиций или конкретных алгоритмов реализации кадровой политики в области криминалистического профилирования; проблема «слепоты на связи».

Список источников

1. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2023. 514 с.
2. Ахмедшин Р.Л., Кубрак Н.В. Проблемы использования методики построения «психологического» портрета неизвестного преступника в современной России (по делам о серийных убийствах) // Проблемы развития и совершенствования российского законодательства. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2000. С. 146–149.
3. Ведерников Н.Т. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. 249 с.
4. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : ИМПЭ-Паблিশ, 2004. 397 с.
5. Gross H. Criminal psychology. A manual for judges, practitioners and students. Boston : Little, Brown and company, 1915. 514 p.
6. Сокол В.Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар : [б. и.], 2017. 332 с.
7. Godwin G.M. One offender – five victims: linking the offenses of the serial killer John Williams // Criminal psychology and forensic technology: a collaborative approach to effective profiling / ed. by G.M. Godwin. Boca Raton : CRC Press, 2001. P. 195–210.
8. Rossmo D.K. Organizational traps: groupthink, rumor and ego // Criminal investigative failures / ed. by D.K. Rossmo. Boca Raton : CRC Press, 2009. P. 23–34.

References

1. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2023) *Kriminalisticheskoe profilirovanie* [Forensic Profiling]. Moscow: Yurayt.
2. Akhmedshin, R.L. & Kubrak, N.V. (2000) Problemy ispol'zovaniya metodiki postroeniya "psikhologicheskogo" portreta neizvestnogo prestupnika v sovremennoy Rossii (po delam o seriynykh ubiystvakh) [Problems of using the methodology for constructing a "psychological" portrait of an unknown criminal in modern Russia (in cases of serial murders)]. In: *Problemy razvitiya i sovershenstvovaniya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Problems of Development and Improvement of Russian Legislation]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 146–149.

3. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy: v 3 t.* [Selected Works: in 3 vols]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
4. Obratsov, V.A. (2004) *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologiy raskrytiya prestupleniy* [Forensics: Models of Means and Technologies for Solving Crimes]. Moscow: IMPE-Publish.
5. Gross, H. (1915) *Criminal Psychology. A Manual for Judges, Practitioners and Students*. Boston: Little, Brown and Company.
6. Sokol, V.Yu. (2017) *Krizis otechestvennoy kriminalistiki* [The Crisis of Russian Criminology]. Krasnodar: [s.n.].
7. Godwin, G.M. (2001) One offender – five victims: linking the offenses of the serial killer John Williams. In: Godwin, G.M. (ed.) *Criminal Psychology and Forensic Technology: A Collaborative Approach to Effective Profiling*. Boca Raton: CRC Press. pp. 195–210.
8. Rossmo, D.K. (2009) Organizational traps: groupthink, rumor and ego. In: Rossmo, D.K. (ed.) *Criminal Investigative Failures*. Boca Raton: CRC Press. pp. 23–34.

Информация об авторах:

Ахмедшин Р.Л., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); профессор кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности юридического факультета Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Ахмедшина Н.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Юридического факультета Томского университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: dana74@mail.ru

Ведерников Н.Т., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры криминалистики Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Akhmedshin R.L., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ramil_ahmedshin@mail.ru

Akhmedshina N.V., Tomsk University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dana74@mail.ru

Vedernikov N.T., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.06.2023;
одобрена после рецензирования 27.10.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 21.06.2023;
approved after reviewing 27.10.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 343.342.3
doi: 10.17223/22253513/50/2

Противодействие экстремизму через призму статистики и судебной практики: некоторые моменты

Алла Васильевна Верещагина¹

¹ *Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия,
vereschagina_alla@mail.ru*

Аннотация. Изучены статистические данные, размещенные на сайтах Министерства внутренних дел РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ, а также акты правоприменения судов общей юрисдикции некоторых федеральных округов по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ. Полученные результаты позволили подтвердить гипотезу о недостаточной эффективности деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям экстремистской направленности.

Ключевые слова: противодействие, оценка деятельности, раскрываемость, очевидные преступления, ст. 282 УК РФ

Для цитирования: Верещагина А.В. Противодействие экстремизму через призму статистики и судебной практики: некоторые моменты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 15–32. doi: 10.17223/22253513/50/2

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/2

Countering extremism through the lens of statistics and jurisprudence: some highlights

Alla V. Vereshchagina¹

¹ *Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation, vereschagina_alla@mail.ru*

Abstract. Since the early 2000s, the danger of extremism to society and the state has led to the formation of special national anti-extremist legislation and the intensification of the state's efforts to counter this phenomenon.

The results of the analysis of statistical data posted on the websites of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation, as well as the study of acts of courts of general jurisdiction, have allowed us to identify a number of points that cast doubt on the effectiveness of countering extremist offences.

It would seem that the effectiveness can be evidenced by a steady upward trend in the detection of extremist offences against the background of a decrease in the total

number of registered offences. At the same time, the detection rate of extremist offences is significantly higher than the average detection rate for all registered offences. However, the number of criminal cases of extremist offences brought before the courts is sometimes 4.5 times less than the number of registered offences in this category.

Most of the criminal cases submitted to the courts before 2019 were initiated on the grounds of committing crimes under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, and after 2019 – on the grounds of committing crimes under Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Administrative prejudice, introduced in December 2018, was supposed as a prevention of a formal approach to bringing to criminal liability for the commission of offences under Part 1 of Article 282 of the Criminal Code of the RF. In practice, administrative prejudice led to the fact that the offences qualified before 2019 under Art. 282 of the Criminal Code of the RF, after 2019 began to be qualified under Art. 280 of the Criminal Code of the RF. Such a "manoeuvre" was possible due to the competition of norms provided for by Articles 280 and 282 of the Criminal Code of the RF.

Based on the decisions studied, there is often a rather long time interval between the facts of committing incriminated acts and decisions to initiate criminal proceedings, which allows us to formulate an assumption about the documentation of crimes "on occasion", to ensure performance indicators. This judgement is also confirmed by the content of the circumstances set out in the judicial acts, which testify to the obvious nature of the incriminated acts qualified under Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation, consisting mainly in reposts of materials available on the Internet.

The above points allow us to conclude that the objectification of the facts of extremist crimes is determined not by the activation of countering extremism, but by the necessity and convenience of fulfilling the indicators by which the effectiveness of law enforcement agencies is assessed.

Keywords: counteraction, evaluation of activity, disclosure, apparent offences, article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation

For citation: Vereshchagina, A.V. (2023) Countering extremism through the lens of statistics and jurisprudence: some highlights. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 15–32. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/2

Введение

Распад СССР, изменение отношений собственности и ценностной парадигмы обострили подспудно существовавшие в Советском государстве на уровне малых социальных групп ксенофобию, религиозную нетерпимость, а социально-экономическая стратификация общества подпитывает социальную рознь. В транзитном обществе означенные явления создают условия для экспансии и укоренения экстремистской идеологии, усиливающей в социуме и государстве деструктивные процессы. В ответ на эти вызовы с начала XXI в. в России разрабатывается стратегия [1], формируется специальное противоэкстремистское законодательство, организационно и нормативно оформляется система субъектов, занимающихся противодействием экстремизму, в том числе выявлением и пресечением преступлений экстремистской направленности.

Опасность экстремизма и его негативных последствий обусловила появление обширной библиографии, касающейся осмысления феномена; международного стандарта противодействия экстремизму; развития специального национального законодательства; различные моменты регламентации и применения административно- и уголовно-правовых запретов, направленных на защиту личности, общества, государства от проявлений экстремистского характера и т.п. Однако публикации, в которых теоретические положения подкрепляются результатами обобщения судебной практики, не так много. Эмпирическую основу исследования составили 105 решений по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ [2]¹ (определения, постановления, приговоры), Верховного Суда РФ и судов Дальневосточного и Сибирского, а также отдельных субъектов Поволжского, Северо-Западного, Уральского, Центрального и Южного федеральных округов, отобранных методом основного массива по критерию доступности, а также статистические данные, размещенные на сайтах Судебного департамента при Верховном Суде РФ и МВД России.

Основная часть

Прежде всего следует отметить, что в течение 20 лет наблюдается устойчивая тенденция снижения общего числа всех регистрируемых преступлений и роста регистрируемых преступлений экстремистской направленности (рис. 1). Уменьшение количества зарегистрированных преступлений экстремистской направленности в 2019 г. связано с введением административной преюдиции [3], потребовавшей от правоохранительных органов некоторой «перенастройки» алгоритма работы.

Означенная выше тенденция может быть объяснима социально-экономическими трудностями, следствием которых являются рост напряженности в обществе и поиск виноватых, как правило «чужих»; эффективностью деятельности специальных подразделений по противодействию экстремизму и др. На наш взгляд, все прозаичнее. До 2019 г. основной массив зарегистрированных преступлений экстремистской направленности составляли деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ, объективная сторона которых, исходя из изученных решений, свидетельствует об их совершении в условиях очевидности.

Следовательно, можно предположить, что рост регистрации преступлений экстремистской направленности не отражение социальной напряженности и не следствие эффективности деятельности специальных структурных подразделений правоохранительных органов, а способ достижения иных целей (например, улучшение показателей деятельности правоохранительных органов).

¹ Далее в тексте цитирование Уголовного кодекса РФ по указанному источнику. Статистические данные приведены по сайтам МВД РФ (<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>) и Судебного департамента при ВС РФ (www.cdep.ru/?id=79).

Рис. 1. Зарегистрированные преступления

Доводами, подтверждающими наше допущение, являются результаты анализа статистических данных и обобщения судебной практики.

Раскрываемость преступлений экстремистской направленности

Минимальные и максимальные значения показателей раскрываемости за 20 лет по всем зарегистрированным преступлениям колеблются в диапазоне от 46,54 до 56,12% (2006 и 2012 гг. соответственно), а по преступлениям экстремистской направленности от 60,95 до 96,34% (2007 и 2010 гг. соответственно) (рис. 2).

Рис. 2. Раскрываемость преступлений, % от числа зарегистрированных преступлений

Столь высокая, иногда тяготеющая к 100%, раскрываемость преступлений экстремистской направленности может быть следствием совершения большей части преступлений в условиях очевидности. Этот показатель так

же косвенно характеризует содержание деятельности правоохранительных органов по противодействию преступлениям экстремистской направленности, заключающуюся в преимущественном документировании явных противоправных деяний.

Диспропорция между количеством зарегистрированных преступлений экстремистской направленности и дел о преступлениях экстремистской направленности, поступившими в суд

Из представленных на рис. 3 графиков видно, что количество зарегистрированных преступлений экстремистской направленности значительно превышает число уголовных дел, поступивших в суд, порой в 4,5 раза (2008, 2010, 2022 (1-е полугодие)).

Рис. 3. Зарегистрированные преступления и поступившие в суд уголовные дела (абс. числа)

Существенный разрыв между количеством регистрируемых преступлений и направляемых в суд уголовных дел, на наш взгляд, — отражение качества деятельности и, как результат, качества задокументированной информации, в которой по результатам расследования не устанавливаются достаточные основания для привлечения лица к уголовной ответственности и составления обвинительного заключения. Контраргументом против сформулированного вывода могли бы быть высказываемые некоторыми авторами суждения о сложностях раскрытия преступлений рассматриваемой категории [4. С. 160], если бы не приведенная выше официальная статистика МВД РФ о раскрываемости преступлений экстремистской направленности, стремящаяся, повторимся, в отдельные годы к 100% (см. рис. 2).

Изменение удельного веса числа лиц, которым инкриминируют преступления, предусмотренные ст. 280 и 282 УК РФ

В декабре 2018 г. в целях гуманизации уголовного законодательства, устранения необоснованного привлечения к уголовной ответственности и исключения привлечения за совершение однократного, не представляющего «серьезной угрозы для основ конституционного строя» деяния, норму ч. 1 ст. 282 УК РФ дополнили положением об административной преюдиции [5]. До корректировки ч. 1 ст. 282 УК РФ минимальный и максимальный удельный вес привлекавшихся к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ от числа тех, в отношении которых приняли решения по делам о преступлениях экстремистской направленности, варьируется от 59,59 до 85,26% (2010 и 2018 гг. соответственно). С 2019 г. начинается снижение числа привлеченных к уголовной ответственности по ст. 282 УК РФ. Так, в 1-м и 2-м полугодиях 2019 г. такие лица составляли, соответственно, 42,44 и 7,97% от привлеченных за совершение преступлений экстремистской направленности. Намечившаяся тенденция сохраняется в 2020–2022 гг. Доля лиц, которым вменены преступления, предусмотренные ст. 282 УК РФ, не превышает на настоящий момент 10,56% (2021 г.).

Однако количество регистрируемых преступлений экстремистской направленности и поступающих в суды дел после резкого спада в 2019 г. возрастает (рис. 3). Каким образом правоприменителю удалось компенсировать потери? На наш, взгляд за счет смещения центра тяжести при квалификации со ст. 282 на ст. 280 УК РФ. До 2019 г. максимальный удельный вес лиц, в отношении которых разрешались дела по ст. 280 УК РФ, лишь иногда достигал 25%, а за 2020–2022 гг. это число увеличилось больше чем вдвое 62,17% (максимальное значение в 2020 г.). Такой «дрейф» от одной квалификации к другой возможен в силу отмечаемой в литературе конкуренции норм статей 280 и 282 УК РФ [6. С. 214; 7. С. 14–16; 8. С. 85]. Тонкая грань между объективными сторонами обоих составов, сложности их разграничения позволяют правоприменителю одни и те же деяния квалифицировать как по ст. 280, так и ст. 282 УК РФ (иногда одновременно по обеим статьям) [9–11]. Некорректность уголовно-правового регулирования создала условия для обхода нововведения в ч. 1 ст. 282 УК РФ, что свело на нет решение задач, содержащихся в Пояснительной записке к законопроекту (смотри выше).

В преддверье и после введения административной преюдиции в норму ч. 1 ст. 282 УК РФ в литературе высказывались суждения за и против такого решения [12. С. 43; 13. С. 101–105]. В том числе исследователи опасались, что не будет дифференциации между ситуативными и злонамеренными распространителями экстремистских материалов; неясно, какое количество эпизодов возбуждения ненависти и вражды должно предшествовать привлечению к административной ответственности; кто будет заниматься выявлением фактов административных правонарушений; возможен ли качествен-

ный мониторинг привлеченных к административной ответственности в разных субъектах России и пр. [8. С. 86–87; 14. С. 50; 15. С. 129]. Конечно, исключить перечисленные и неперечисленные последствия введения административной преюдиции невозможно, если бы не одно но, нивелирующее эти опасения: «...нежелание сотрудников правоохранительных органов в области борьбы с экстремизмом заниматься выявлением, раскрытием и расследованием этих деяний ввиду “обесценивания” качества показателей оперативно-розыскной и следственной деятельности» [8. С. 87]. Что подтверждается приведенной выше динамикой привлечения к уголовной ответственности по ст. 280 и 282 УК РФ.

Рассредоточение во времени фактов совершения противоправных деяний и возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ

В представленных на рис. 4 графиках содержатся результаты обобщения судебной практики по критерию соотношения времени совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, и возбуждения по этому факту уголовного дела. Точки минимумов и максимумов совершения преступлений и возбуждения уголовных дел не всегда совпадают. Временные промежутки составляют от года и более (2009–2010, 2011–2012, 2014–2015 гг.).

Рис. 4. Соотношение годов выявления и возбуждения уголовных дел по признакам преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, % от общего числа изученных решений

Совершенно очевидно, что разрыв во времени между моментами совершения преступлений и возбуждением уголовных дел есть всегда. На длительность временного разрыва могут влиять разные обстоятельства, в том числе латентный характер преступления, которое неизвестно правоохранительным органам, а посему не зарегистрировано [16. С. 107]. Может пройти

достаточно много времени до объективирования деяния и, как следствие, проведения доследственной проверки и возбуждения уголовного дела. Если же преступление не латентное, то правоохранительные органы в силу господствующей в российском уголовном процессе публичности уголовного преследования обязаны своевременно провести проверку и принять решение по ее результатам (ст. 21 УПК РФ) [17]. Максимальный легальный срок доследственной проверки, даже в случае необходимости проведения оперативно-розыскных мероприятий, не может превышать 30 суток (ч. 3 ст. 144 УПК РФ) [17]. С учетом различных обстоятельств вполне допускаем, что не по каждому совершенному, особенно в условиях неочевидности, преступлению своевременно в легальные сроки принимается решение о возбуждении уголовного дела. Но даже при наличии такого допущения уголовное дело не должно возбуждаться через полгода и более после совершения преступления. Как это имело место по делу Э.И. Исмагилова, который более 2 лет на своей странице под никнеймом «Эдгар Исмагилов» в социальной сети «ВКонтакте», находясь по месту жительства, посредством своего персонального компьютера размещал материалы экстремистского содержания [18]; по делу Д. Борщева, в течение 3 лет до проведения оперативно-розыскных мероприятий размещавшего на странице «Денис Борщев» материалы националистического и фашистского содержания, и др. [19–23].

С чем же связана разновременность выявления преступлений и возбуждения уголовных дел? На наш взгляд, деяния, предусмотренные ст. 282 УК РФ и, как показывает правоприменение 2019–2022 гг., ст. 280 УК РФ, совершаемые в условиях очевидности, для соответствующих служб своеобразный «золотой запас», используемый по необходимости для достижения показателей деятельности. Наглядный пример – ситуация с Ю.В. Свищевым, работающим, имеющим постоянное место жительства и персональную страницу в социальной сети «ВКонтакте» с никнеймом, совпадающим с его именем и фамилией, которого осудили 06.07.2020, 22.01.2021 и 05.05.2022 за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 280, ч. 1 ст. 282 и ч. 1 ст. 148 УК РФ [24–28].

Очевидный характер регистрируемых преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ

Ряд полученных результатов обобщения судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 282 УК РФ, позволяет, как указывалось выше, утверждать, что значительная часть этих преступлений были очевидными и их выявление не могло вызывать затруднений. Об этом свидетельствует следующее: 1) значительная часть экстремистских материалов размещалась в сети Интернет (82,6%), по данным С.В. Иванцова, С.В. Борисова, – 96,2% [29. С. 777]; 2) материалы размещались в основном на персональных страницах, не имеющих настроек приватности и созданных в социальной сети «ВКонтакте» – 69,38% (по данным С.В. Иванцова, С.В. Бори-

сова – 96,2%) [29. С. 780]; 3) локация ООО «ВКонтакте» – в г. Санкт-Петербурге, что позволяет получить необходимую информацию о лице, зарегистрировавшем аккаунт, без особых трудностей; 4) никнейм в 46,96% решений совпадает, а в 46,96% случаев произведен от имени и фамилии имеющего аккаунт лица; 5) чуть более чем в $\frac{3}{4}$ случаев (77,6%) материалы размещались посредством персонального компьютера и ноутбука (56,71 и 20,89% соответственно). У С.И. Кузьмина и М.Г. Жилкина – 70% посредством смартфона 35% планшета и в меньшей степени «стационарные компьютеры» [4. С. 160]. Поляризацию данных сложно объяснить, поскольку С.И. Кузьмин и М.Г. Жилкин не указаны параметры изученной судебной практики; 6) доступ в Интернет осуществлялся чаще всего по месту жительства (69,01%) и по месту службы (работы) (15,48%).

Приведенные выше данные не корреспондируют суждениям о сложности установления лица, использовавшего Интернет для совершения преступления экстремистской направленности, поскольку пользователи социальной сети могут оставаться анонимными и их трудно выявить [4. С. 160]. Эти доводы противоречат приведенной выше официальной статистике раскрываемости преступлений экстремистской направленности (см. рис. 2). С этим мнением можно согласиться лишь применительно к установлению авторов экстремистских материалов либо лиц, первоначально разместивших экстремистские материалы вне пределов России, так как зарубежные компании отказываются сотрудничать с российскими правоохранительными органами [4. С. 160]. Так, в отчете Google за период с 2009 по декабрь 2021 г. о предоставлении информации по направляемым государствами запросам доля запросов России, по которым предоставлены некоторые данные, варьируется от 1 до 28% [30]. Однако исходя из содержания изученных нами решений, привлекавшимся к уголовной ответственности лицам в $\frac{2}{3}$ случаев (64,75%) вменялись репосты, комментарии и высказывания, которые можно отнести к манифестации, имеющей «нулевой уровень общественной опасности» [6. С. 213], а не распространение оригинальных, самостоятельно созданных материалов.

Формализм в установлении обстоятельств совершения преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ

Многие исследователи пишут о формальном установлении признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ [8. С. 85; 15. С. 127; 31. С. 57–58]. На внимательную оценку действий лица и характера и степени общественной опасности содеянного ориентирует Верховный Суд РФ, рекомендуя при принятии судами решений отказаться от формализма и улавливать не только факт размещения информации экстремистского содержания, но и имело ли место воздействие этой информации на других лиц; сведения о деятельности привлекаемого к ответственности до и после размещения информации и т.д. [32. Пункты 8,8¹]. Из числа изученных только в

3,61% решений найдены упоминания об ознакомлении других лиц с размещенными материалами. Причем количество ознакомившихся незначительное. К примеру, осужденному Н.В. Васильеву вменено размещение с 29 мая 2011 г. по 12 августа 2012 г. на персональной странице в меню «Мои записи» изображений «националистического характера с текстами», которые в период с 12 августа 2012 г. по 1 марта 2013 г., т.е. чуть более полугода, просмотрены «не менее чем двумя пользователями сети Интернет». Какой-либо информации о возбуждении у этих лиц ненависти или вражды в приговоре не содержится, есть лишь констатация возможности «спровоцировать межнациональные и межрелигиозные конфликты» [33]. Два свидетеля допрошены по делу А.Н. Шевергина, пояснивших, что на странице «Алексей Шевергин» видели видеоролики, при этом один из свидетелей не помнил содержание просмотренного [34].

В большей степени соответствует позиции Верховного Суда РФ приговор в отношении Н.И. Косякова, в котором уделено внимание оценке личности осужденного – члена Движения против нелегальной иммиграции и группы «Партии националистов». Приведены показания четырех допрошенных в досудебном производстве свидетелей, членов поименованных выше организаций, с некоторыми из которых осужденный обсуждал идеи этнического превосходства, негативного отношения к мигрантам и пр. Но, опять-таки, из приговора не следует, что именно из-за действий Н.И. Косякова у допрошенных возникли ненависть и вражда в отношении некоторых групп населения, скорее, они его единомышленники [35].

После введения административной преюдиции ситуация с содержанием объективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 УК РФ [35], вмененных осужденным, не изменилась. В частности, таковы решения в отношении А.М. Высокова. В постановлении о привлечении к административной ответственности (ст. 20.3.1 КоАП РФ) [36] зафиксировано однократное размещение экстремистского «тексто-графического» материала без установления каких-либо наступивших вредоносных последствий. В приговоре перечислены 9 эпизодов репостов на странице «Александр Высоков» в социальной сети «ВКонтакте», с которыми, по версии суда, «будет ознакомлен широкий, неограниченный круг лиц», чем А.М. Высоков «оказал активное воздействие на... пользователей сети “Интернет”», но ни одного доказательства в обоснование вывода судом не приведено [37; 38]. Упомянувшийся выше Ю.В. Свищёв после предварительного привлечения к административной ответственности в порядке ст. 20.3.1 КоАП РФ [36], осужден за размещение на странице «Юрий Свищев» в «ВКонтакте» 9 высказываний (как отмечено в приговоре, аналогичных тому, за которое его привлекли к административной ответственности). Исходя из процитированных в приговоре заключений экспертиз, высказывания носят скорее негативно-оценочную характеристику деятельности служителей Русской православной церкви и православных христиан. Никаких доказательств, подтверждающих возбуждение высказываниями Ю.В. Свищёва ненависти, вражды или уни-

жения человеческого достоинства, в приговоре не приведено. Два допрошенных свидетеля подтвердили факт предоставления услуг Интернета по месту проживания Ю.В. Свищёва [24].

Заключение

По результатам изучения статистических данных и обобщения судебной практики возникает вопрос: почему противодействие экстремизму носит в значительной степени несвоевременный формальный характер?

На наш взгляд, ответ коренится в критериях оценки деятельности правоохранительных органов. Попытки трансформировать систему оценок деятельности правоохранительных органов введением не только ведомственных, но и вневедомственных индикаторов [39] не привели к преодолению количественного подхода [40. С. 7–8; 41. С. 90–93]. Количественные критерии оценки работы правоохранительных органов губительны, поскольку искажают назначение и содержание их деятельности, прежде всего предупреждение и пресечение правонарушений (п. 2 ст. 2 Федерального закона «О полиции») [42]. Смещение акцентов с качественных на количественные показатели объективируется как в приведенных выше статистических данных (взаимоисключающие тенденции динамики регистрации преступлений в целом и преступлений экстремистской направленности в частности; «суперраскрываемость» в сочетании с дисбалансом между зарегистрированными преступлениями и поступающими в суд уголовными делами о преступлениях экстремистской направленности), так и в объективной стороне инкриминируемых деяний (в основном репосты, высказывания, комментарии найденных в сети Интернет материалов без установления достижения цели их размещения; длительное нахождение экстремистских материалов в сети Интернет до момента проведения доследственной проверки), что, повторимся, обусловлено использованием этой информации «по случаю», для обеспечения необходимых показателей [43. С. 84].

Список источников

1. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/?ysclid=lbnt4w0urt803187043 (дата обращения: 14.12.2022).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 519-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314664/#dst100008 (дата обращения: 27.12.2022).
4. Кузьмин С.И., Жилкин М.Г. Проблемы борьбы с преступлениями экстремистской направленности, совершенными с использованием сети «Интернет» // Ученые записки. 2018. № 4. С. 157–163.
5. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7> (дата обращения: 27.12.2022).

6. Антипов Д.Н. Общественная опасность и объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства») // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8. С. 212–216.

7. Бархатова Е.Н. Отдельные вопросы противодействия преступлениям экстремистской направленности // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 1 (11). С. 11–17.

8. Жеребченко А.В. Перспективы либерализации уголовной ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ) // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3. С. 84–7.

9. Постановление Заволжского районного суда г. Ярославля о возвращении прокурору дела № 1-71/2017 от 21.04.2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gYyZvWkpUJoX/?ysclid=lc4wd2hh3a97293123> (дата обращения: 26.12.2022).

10. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска по делу № 1-419/2017 от 14.07.2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uHOtZJOCOYrk/?ysclid=lc4wnde7ty649001608> (дата обращения: 26.12.2022).

11. Приговор Самарского районного суда г. Самары по делу № 1-16/2018 от 12.02.2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mViblaz9syJt/?ysclid=lc5h3epeq3508404391> (дата обращения: 27.12.2022).

12. Суспицына Т.П. Эволюция уголовного законодательства об ответственности за возбуждение ненависти, унижение человеческого достоинства: о новой редакции закона // Российское право онлайн. 2019. № 1. С. 39–46.

13. Тараканов И.А., Пичугин С.А. Ответственность за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства: новый подход и перспективы применения // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 3 (52). С. 101–105.

14. Иванцова Н.В. Несовершенство закона или правоприменительной практики? // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2019. Т. 5, № 1. С. 46–51.

15. Семенцова И.А. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства: новеллы уголовного законодательства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 12 (115). С. 127–130.

16. Клейменов Н.П. Нераскрытая и латентная преступность: различия и сходство // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 1. С. 106–113.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.

18. Приговор Азнакаевского городского суда Республики Татарстан по делу № 1-4/2014 от 22.01.2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DRt1LjZ0liZg/?ysclid=lbjpydl1u126951064> (дата обращения: 24.12.2022).

19. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска по уголовному делу № 1-43/2014 от 31.03.2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/VZ6fYmnuR8Hx/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 09.11.2022).

20. Приговор Первоуреченского районного суда г. Владивостока по уголовному делу № 1-560/14 от 13.10.2014. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RUPW73OW4OmT/?regular-txt=возбуждение+ненависти+либо+вражды®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (дата обращения: 09.11.2022).

21. Приговор Октябрьского районного суда г. Томска по уголовному делу № 1-419/2017 от 14.07.2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uHOtZJOCOYrk/?regular-txt> (дата обращения: 10.11.2022).

22. Приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска по уголовному делу № 1-70/2014 от 29.11.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kp6WqWclmQLx/?regular-txt> (дата обращения: 10.11.2022).

23. Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска по уголовному делу № 1-457/2013 от 23.10.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/QeL6GUcvRSra/?regular-txt> (дата обращения: 10.11.2022).

24. Приговор Соломбальского районного суда г. Архангельска по делу № 1-156/2020 от 06.07.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=lc6tzaj22t477345967> (дата обращения: 28.12.2022).

25. Житель областного центра подозревается в размещении в сети Интернет материалов экстремистского содержания. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1627371> (дата обращения: 28.12.2022).

26. Житель Архангельска признан виновным в размещении в сети Интернет материалов экстремистского содержания. URL: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1686981> (дата обращения: 28.12.2022).

27. Вынесен приговор по ст. 282 УК и ст. 148 УК. URL: <https://www.sova-center.ru/racism- xenophobia/news/counteraction/2022/05/d46267/?ysclid=lc6uunrfe953305835> (дата обращения: 28.12.2022).

28. Юрий Свищев | ВКонтакте (vk.com). URL: <https://vk.com/id94634689?ysclid=lc6uzmldsj213984831> (дата обращения: 28.12.2022).

29. Иванцов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И., Музычук Т.Л., Тищенко Ю.Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 776–784.

30. Запросы личной информации // Google Отчет о доступности сервисов и данных. URL: <https://transparencyreport.google.com/user-data/overview?hl=ru> (дата обращения: 08.12.2022).

31. Поплюева К.А. «Hatespeech»: некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений, направленных на возбуждение национальной вражды в социальных сетях // Legal Bulletin. 2018. Т. 3 (3–4). С. 55–60.

32. О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11 (с изменениями, внесенными постановлениями Пленума от 3.11. 2016 № 41, 20.09.2018 № 32 и от 28.10.2021 № 32). URL: <https://www.vsr.f.ru/documents/own/8255/?ysclid=lbjmf9csn319084928> (дата обращения: 11.12.2022).

33. Приговор Набережночелнинского городского суда Республики Татарстан по делу № 1-717/2013 от 13.06.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/091vyvFuyV1u/?regular-txt> (дата обращения: 27.12.2022).

34. Приговор Рыльского районного суда Курской области по делу № 1-74/2013 от 16.12.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Jfy8KY8rYgQF/?regular-txt> (дата обращения: 27.12.2022).

35. Приговор Куйбышевского районного суда г. Иркутска по делу № 1-376/2013 от 19.09.2013. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/15iVH5Hlkz5J/?regular-txt> (дата обращения: 27.12.2022).

36. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

37. Постановление Пролетарского районного суда г. Тулы по делу № 5-174/2019 от 28.06.2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/V12qQGwzr7xa/?ysclid=lbkrs5v5nu622310450> (дата обращения: 12.12.2022).

38. Приговор Пролетарского районного суда г. Тулы по делу № 1-114/2020 от 13.04.2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt> (дата обращения: 12.12.2020).

39. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 31.12.2013 № 1040. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499078939?ysclid=lbiiiknrg5208902461> (дата обращения: 11.12.2022).

40. Власюк Е.И. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов в контексте изменения российского законодательства // Вестник Сургутского государственного университета. 2016. Вып. 1 (11). С. 5–8.
41. Тяптин В.Д. О взаимосвязи «внутренней и «внешней оценок эффективности деятельности правоохранительных органов // Вестник ВЭГУ. 2018. № 2 (94). С. 89–99.
42. О полиции: Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
43. Саркисян А.Ж. Оценка эффективности деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 83–86.

References

1. Russian Federation. (2020) *Ob utverzhdenii Strategii protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii do 2025 goda: Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29.05.2020 № 344* [On approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation until 2025: Decree No. 344 of the President of the Russian Federation dated May 29, 2020]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_353838/?ysclid=lbnt4w0urt803187043 (Accessed: 14th December 2022).
2. Russian Federation. (1996) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 29.12.2022)* [Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on December 29, 2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 25. Art. 2954.
3. Russian Federation. (2018) *O vnesenii izmeneniya v stat'yu 282 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 27.12.2018 № 519-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [On amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law No. 519-FZ dated December 27, 2018 (latest edition)]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314664/#dst100008 (Accessed: 27th September 2022).
4. Kuzmin, S.I. & Zhilkin, M.G. (2018) *Problemy bor'by s prestupleniyami ekstremist-skoj napravlenosti, sovershennymi s ispol'zovaniem seti "Internet"* [Problems of combating extremist crimes committed via the Internet]. *Uchenye zapiski*. 4. pp. 157–163.
5. Russian Federation. (n.d.) *Poyasnitel'naya zapiska k projektu federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniya v stat'yu 282 Ugolovno kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Explanatory note to the draft federal law "On Amendments to Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/558345-7> (Accessed: 27th December 2022).
6. Antipov, D.N. (2016) *Obshchestvennaya opasnost' i ob"ekt prestupleniya, predusmotrennogo st. 282 UK RF ("Vozbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva")* [Public danger and the object of the crime provided for in Art. 282 of the Criminal Code of the Russian Federation ("Inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity")]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 8. pp. 212–216.
7. Barkhatova, E.N. (2021) *Otdel'nye voprosy protivodeystviya prestupleniyam ekstremist-skoj napravlenosti* [Selected issues of countering extremist crimes]. *Nauchnyy daydzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 1(11). pp. 11–17.
8. Zhrebchenko, A.V. (2019) *Perspektivy liberalizatsii ugolovnoy otvetstvennosti za возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ)* [Prospects for liberalizing criminal liability for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity (Article 282 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 3. pp. 84–7.
9. Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Zavolzhskego rayonnogo suda g. Yaroslavl'ya o vozvrashchenii prokuroru dela № 1-71/2017 ot 21.04.2017* [Resolution of the Zavolzhsky

District Court of Yaroslavl on the return of Case No. 1-71/2017 dated April 21, 2017, to the prosecutor]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/gYyZvWkpUJoX/?ysclid=lc4wd2hh3a97293123> (Accessed: 26th December 2022).

10. Russian Federation. (2017) *Prigovor Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Tomska po delu № 1-419/2017 ot 14.07.2017* [The verdict of the Oktyabrsky District Court of Tomsk in Case No. 1-419/2017 dated July 14, 2017]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/uHOTzJOCOYrk/?ysclid=lc4wnde7ty649001608> (Accessed: 26th December 2022).

11. Russian Federation. (2018) *Prigovor Samarskogo rayonnogo suda g. Samary po delu № 1-16/2018 ot 12.02.2018* [The verdict of the Samara District Court of Samara in Case No. 1-16/2018 dated February 12, 2018]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/mViblaz9syJt/?ysclid=lc5h3peq3508404391> (Accessed: 27th December 2022).

12. Suspitsyna, T.P. (2019) Evolyutsiya ugolovnoho zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za vzbuzhdenie nenavisti, unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: o novoy redaktsii zakona [The evolution of criminal legislation on liability for inciting hatred, humiliation of human dignity: On the new version of the law]. *Rossiyskoe pravo onlayn*. 1. pp. 39–46.

13. Tarakanov, I.A. & Pichugin, S.A. (2019) Otvetstvennost' za vzbuzhdenie nenavisti ili vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: novyy podkhod i perspektivy primeneniya [Responsibility for inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity: A new approach and prospects for application]. *Vestnik Vladimirovskogo yuridicheskogo instituta*. 3(52). pp. 101–105.

14. Ivantsova, N.V. (2019) Nesovershenstvo zakona ili pravoprimenitel'noy praktiki? [Imperfections of the law or law enforcement practice?]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki. Yuridicheskie nauki."* 5(1). pp. 46–51.

15. Sementsova, I.A. (2019) Vzbuzhdenie nenavisti libo vrazhdy, a ravno unizhenie chelovecheskogo dostoinstva: novelly ugolovnoho zakonodatel'stva [Inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity: Novelty in criminal legislation]. *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*. 12(115). pp. 127–130.

16. Kleymenov, N.P. (2017) Neraskrytaya i latentnaya prestupnost': razlichiya i skhodstvo [Unsolved and latent crime: differences and similarities]. *Pravoprimenenie*. 1(1). pp. 106–113.

17. Russian Federation. (2001) Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 29.12.2022) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, No. 174-FZ (as amended on December 29, 2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 52. Art. 4921.

18. Russian Federation. (2014) *Prigovor Aznakaevskogo gorodskogo suda Respubliki Tatarstan po delu № 1-4/2014 ot 22.01.2014* [The verdict of the Aznakaevsky City Court of the Republic of Tatarstan in Case No. 1-4/2014 dated January 22, 2014]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/DRt1LjZ0liZg/?ysclid=lbdjpydl1u126951064> (Accessed: 24th December 2022).

19. Russian Federation. (2014) *Prigovor Leninskogo rayonnogo suda g. Novosibirska po ugolovnomu delu № 1-43/2014 ot 31.03.2014* [The verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk in criminal Case No. 1-43/2014 dated March 31, 2014]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/VZ6fYmnuR8Hx/?page=2®ular-court=®ular-date_from=®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (Accessed: 9th November 2022).

20. Russian Federation. (2014) *Prigovor Pervorechenskogo rayonnogo suda g. Vladivostoka po ugolovnomu delu № 1-560/14 ot 13.10.2014* [Verdict of the Pervorechensky District Court of Vladivostok in criminal Case No. 1-560/14 dated October 13, 2014]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/RUPW73OW4OmT/?regular-txt=vzbuzhdenie+nenavisti+libo+vrazhdy®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo (Accessed: 9th November 2022).

21. Russian Federation. (2017) *Prigovor Oktyabr'skogo rayonnogo suda g. Tomska po ugolovnomu delu № 1-419/2017 ot 14.07.2017* [Verdict of the Oktyabrsky District Court of Tomsk in criminal Case No. 1-419/2017 dated July 14, 2017]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/uHOTzJOCOYrk/?regular-txt> (Accessed: 10th November 2022).

22. Russian Federation. (2013) *Prigovor Leninskogo rayonnogo suda g. Novosibirsk po ugovnomu delu № 1-70/2014 ot 29.11.2013* [The verdict of the Leninsky District Court of Novosibirsk in criminal Case No. 1-70/2014 dated November 29, 2013]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/kp6WqWclmQLx/?regular-txt> (Accessed: 10th November 2022).

23. Russian Federation. (2013) *Prigovor Kuybyshevskogo rayonnogo suda g. Irkutsk po ugovnomu delu № 1-457/2013 ot 23.10.2013* [The verdict of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk in criminal Case No. 1-457/2013 dated October 23, 2013]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/QeL6GUcvRSra/?regular-txt> (Accessed: 10th November 2022).

24. Russian Federation. (2020) *Prigovor Solombal'skogo rayonnogo suda g. Arkhangel'ska po delu № 1-156/2020 ot 06.07.2020* [The verdict of the Solombalsky District Court of Arkhangelsk in case No. 1-156/2020 dated July 6, 2020]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/PrjgG8IqBqxc/?ysclid=lc6tzaj22t477345967> (Accessed: 28th December 2022).

25. Sledcom.ru. (n.d.) *Zhitel' oblastnogo tsentra podozrevaetsya v razmeshchenii v seti Internet materialov ekstremistskogo sodержaniya* [A resident of the regional center is suspected of posting extremist materials on the Internet]. [Online] Available from: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1627371> (Accessed: 28th December 2022).

26. Sledcom.ru. (n.d.) *Zhitel' Arkhangel'ska priznan vinovnym v razmeshchenii v seti Internet materialov ekstremistskogo sodержaniya* [A resident of Arkhangelsk was found guilty of posting extremist materials on the Internet]. [Online] Available from: <https://arh.sledcom.ru/news/item/1686981> (Accessed: 28th December 2022).

27. Sova Research Center. (2022) *Vynesen prigovor po st. 282 UK i st. 148 UK* [A verdict was passed under Art. 282 of the Criminal Code and Art. 148 of the Criminal Code]. [Online] Available from: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2022/05/d46267/?ysclid=lc6uunrfe953305835> (Accessed: 28th December 2022).

28. Yuriy Svishchev. VKontakte (vk.com). [Online] Available from: <https://vk.com/id94634689?ysclid=lc6uzmlds213984831> (Accessed: 28th December 2022).

29. Ivantsov, S.V., Borisov, S.V., Uzembaeva, G.I., Muzychuk, T.L. & Tishchenko, Yu.Yu. (2018) Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya sistemy mer kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupleniy ekstremistской направленности, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey [Current problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes committed using information and telecommunication networks]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 12(6). pp. 776–784.

30. Google. (n.d.) *Zaprosy lichnoy informatsii. Google Otchet o dostupnosti servisov i dannykh* [Requests for personal information. Google Report on the availability of services and data]. [Online] Available from: <https://transparencyreport.google.com/user-data/overview?hl=ru> (Accessed: 8th December 2022).

31. Poplyueva, K.A. (2018) “Hatespeech”: nekotorye problemnye voprosy kvalifikatsii prestupleniy, napravlennykh na vzbuzhdenie natsional'noy vrazhdy v sotsial'nykh setyakh [“Hatespeech”: some problems of qualifying crimes aimed at inciting national hatred on social networks]. *Legal Bulletin*. 3(3–4). pp. 55–60.

32. Russian Federation. (2014) *O sudebnoy praktike po ugovnym delam ekstremistской направленности: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 28.06.2011 № 11 (s izmeneniyami, vnesennymi postanovleniyami Plenuma ot 3.11. 2016 № 41, 20.09.2018 № 32 i ot 28.10.2021 № 32)* [On judicial practice in criminal cases of an extremist nature: Resolution No. 11 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2011 (as amended by resolutions of the Plenum No. 41 dated November 3, 2016; No. 32 of September 20, 2018, and No. 32 dated October 28, 2021)]. [Online] Available from: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8255/?ysclid=lbjmf9c9sn319084928> (Accessed: 11th December 2022).

33. Russian Federation. (2014) *Prigovor Naberezhnochelninskogo gorodskogo suda Respubliki Tatarstan po delu № 1-717/2013 ot 13.06.2013* [The verdict of the Naberezhnye Chelny City Court of the Republic of Tatarstan in Case No. 1-717/2013 dated June 13, 2013]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/091vyvFUyV1u/?regular-txt> (Accessed: 27th December 2022).

34. Russian Federation. (2014) *Prigovor Ryl'skogo rayonnogo suda Kurskoy oblasti po delu № 1-74/2013 ot 16.12.2013* [The verdict of the Rylsky District Court of the Kursk Region in case No. 1-74/2013 dated December 16, 2013]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/JfY8KY8rYgQF/?regular-txt> (Accessed: 27th December 2022).

35. Russian Federation. (2014) *Prigovor Kuybyshevskogo rayonnogo suda g. Irkutsk po delu № 1-376/2013 ot 19.09.2013* [The verdict of the Kuibyshevsky District Court of Irkutsk in case No. 1-376/2013 dated September 19, 2013]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/15iVH5Hlkz5J/?regular-txt> (Accessed: 27th December 2022).

36. Russian Federation. (2014) *Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 29.12.2022)* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, No. 195-FZ (as amended on December 29, 2022)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 1.

37. Russian Federation. (2014) *Postanovlenie Proletarskogo rayonnogo suda g. Tuly po delu № 5-174/2019 ot 28.06.2019* [Resolution of the Proletarsky District Court of Tula in Case No. 5-174/2019 dated June 28, 2019]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/V12qQGwzr7xa/?ysclid=lbkrs5v5nu622310450> (Accessed: 12th December 2022).

38. Russian Federation. (2014) *Prigovor Proletarskogo rayonnogo suda g. Tuly po delu № 1-114/2020 ot 13.04.2020* [The verdict of the Proletarsky District Court of Tula in Case No. 1-114/2020 dated April 13, 2020]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/?regular-txt> (Accessed: 12th December 2022).

39. Russian Federation. (2014) *Voprosy otsenki deyatel'nosti territorial'nykh organov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii: Prikaz Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii ot 31.12.2013 № 1040* [Issues of assessing the activities of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: Order No. 1040 of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated December 31, 2013]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/499078939?ysclid=lbikknrg5208902461> (Accessed: 11th December 2022).

40. Vlasyuk, E.I. (2016) *Otsenka effektivnosti deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v kontekste izmeneniya rossiyskogo zakonodatel'stva* [Assessing the effectiveness of law enforcement agencies in the context of changes in Russian legislation]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(11). pp. 5–8.

41. Tyaptin, V.D. (2018) *O vzaimosvyazi vnutrenney i vneshney otsenok effektivnosti deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov* [On the relationship between internal and external assessments of the effectiveness of law enforcement agencies]. *Vestnik VEGU*. 2(94). pp. 89–99.

42. Russian Federation. (2014) *O politsii: Federal'nyy zakon Rossiyskoy Federatsii ot 07.02.2011 № 3-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [On the police: Federal Law No. 3-FZ of the Russian Federation dated February 7, 2011 (latest edition)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 7. Art. 900.

43. Sarkisyan, A.Zh. (2014) *Otsenka effektivnosti deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov v Rossiyskoy Federatsii* [Assessing the effectiveness of law enforcement agencies in the Russian Federation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 4. pp. 83–86.

Информация об авторе:

Верещагина А.В., кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Владивостокского государственного университета (Владивосток, Россия).
E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Vereshchagina A.V., Vladivostok State University (Vladivostok, Russian Federation) E-mail: vereschagina_alla@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.05.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 02.01.2023;
approved after reviewing 23.05.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 342.24 (430)
doi: 10.17223/22253513/50/3

Новеллы в вопросах разграничения компетенции Германской федерации

Надежда Генриховна Геймбух¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, nadgeym@mail.ru*

Аннотация. Анализируется конституционная реформа федерализма, реализуемая в настоящее время в Федеративной Республике Германия. Рассматривая основные направления реформирования федеративных отношений, автор исследует изменения конституционного законодательства Германии в вопросах разграничения компетенции Федерации и земель. Соответствующие конституционные изменения анализируются с точки зрения эволюции системы федеративных отношений в современной Германии.

Ключевые слова: кооперативный федерализм, принцип разграничения предметов ведения, Основной закон ФРГ, Бундесрат, конституционная реформа

Для цитирования: Геймбух Н.Г. Новеллы в вопросах разграничения компетенции Германской федерации // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 33–42. doi: 10.17223/22253513/50/3

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/3

Novelties in the delimitation of competences of the German federation

Nadezhda G. Geymbukh¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, nadgeym@mail.ru*

Abstract. In the Federal Republic of Germany, by 2003 there was a need to reform federal relations. This is due to the fact that the existing division of legislative competence between the Federation and the Länder was leading to a legislative crisis. Thus, approximately sixty per cent of all federal laws were subject to the approval of the Bundesrat. Whereas in 1949 only ten per cent of all laws required Bundesrat approval, the gradual strengthening of the Länder's position through the Bundesrat brought the number up to sixty per cent by 1998.

The aim of the constitutional reform of German federalism was therefore to improve the division of legislative competence between the Federation and the Länder and to reduce the number of cases in which the approval of the Bundesrat is required. The concept of federalism reform was based on the idea of introducing an adversarial principle between the Länder. This would complement the "co-operative" German federalism with the principle of competition. In addition, there was also an urgent need for

reform with regard to the further integration of the German federal state into a united Europe, which was intended to make the federalism of the Federal Republic of Germany more "European-friendly".

As a result, in March 2006 a draft law on federalism reform was submitted to the Bundestag and Bundesrat for discussion. The Federal Parliament adopted the Act on Amendments to the Basic Law of the Federal Republic of Germany, which was signed by the Federal President of the Federal Republic of Germany on 28 August 2006. It is worth noting that in the process of development of any federal state there is always a natural tendency towards centralisation of this state. The German federation in its development had a similar tendency towards centralisation. It can be concluded from this that it is necessary to regularly check the division of competences between the federation and its subjects to see whether the constitution actually in force today corresponds to the intentions of its creators.

In the German federal reform process of 2006, structural changes were made to the division of competences between the Federation and the Länder in the field of legislation.

Article 72 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany was supplemented in 2006 by a new provision according to which the German states have acquired the right to adopt laws deviating from federal laws in certain areas. The Länder now have the "right of deviation". At the same time, a time limit of six months has been set for the Länder to react to the new federal legislation with an updated deviation. However, the relevant issue has not been removed from the federal competence, because in the territory of the Länder, if their laws diverge from the federal laws, the laws that were adopted later apply.

In addition, as part of the reform of the federal structure of Germany, the framework legislation of the Federation (previously enshrined in Article 75 of the Basic Law) has been abolished. Its place now belongs to the exclusive or competing legislation of the Federation or is governed by the legislation of the Länder. Therefore, the Act of 28 August 2006 amended Article 73 of the Basic Law of the Federal Republic of Germany, which defines issues of the exclusive legislative competence of the Federation.

Thus, the constitutional and legal process of reforming German federalism in the modern period indicates that the system of federal relations in Germany is constantly developing. The improvement of the federal form of state structure is a guarantee of democratic development, as well as the stability of complex states.

Keywords: cooperative federalism, principle of delimitation of subjects of competence, Basic Law of the Federal Republic of Germany, Bundesrat, constitutional reform

For citation: Geymbukh, N.G. (2023) Novelties in the delimitation of competences of the German federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 33–42. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/3

В Федеративной Республике Германия к 2003 г. возникла необходимость в реформировании федеративных отношений. Это связано с тем, что сложившийся порядок разграничения законодательной компетенции между Федерацией и землями приводил к законодательному кризису.

Так, одобрению Бундесрата подлежали примерно 60% от общего числа всех федеральных законов. Если в 1949 г. только 10% всех законов требовали одобрения со стороны Бундесрата, то в результате постепенного усиления позиций земель через Бундесрат к 1998 г. их число возросло до 60%¹.

¹ См.: Павлов Н.В. Германский федерализм: опыт реформирования // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 10. С. 57–58.

Согласие Бундесрата требовалось в соответствии со ст. 84 Основного закона ФРГ в тех случаях, когда законы содержали положения, которые затрагивали учреждения органов власти и административный процесс. Согласно ст. 104а Основного закона ФРГ, необходимо было одобрение со стороны Бундесрата, если законы касались финансового регулирования и расходов. Также такое согласие требовалось по ст. 75 Основного закона ФРГ – в случае рамочного регулирования, и по ст. 91, если речь шла о совместных задачах Федерации и земель. Итак, принятие законов в тех случаях, когда это касалось земель, требовало, как правило, согласие Бундесрата. Это тормозило процесс принятия важных для страны законов.

Поэтому целью конституционной реформы германского федерализма явилось совершенствование порядка разграничения законодательной компетенции между Федерацией и землями, а также снижение количества случаев, в которых требуется одобрение Бундесрата. В основу концепции реформы федерализма была заложена идея внедрения принципа состязательности между землями. Это дополнило бы «кооперативный» германский федерализм принципом конкуренции. Кроме этого, назрела необходимость реформы и в отношении дальнейшей интеграции федеративного государства Германии в объединенную Европу, что было призвано сделать федерализм ФРГ более «европейски пригодным».

В связи с этим в октябре 2003 г. была создана совместная комиссия Бундестага и Бундесрата по реформированию федеративного устройства, сокращенно – Комиссия по реформе федерализма. Комиссия должна была рассмотреть вопросы распределения законодательных полномочий между Федерацией и землями; вопросы, затрагивающие право участия земель в федеральном законодательстве; вопросы финансовых отношений между Федерацией и землями, а также вопрос совершенствования правовых механизмов взаимодействия Федерации и земель при участии в делах Европейского союза¹.

Реформа германского федерализма предусматривала необходимость внесения значительных изменений в Основной закон ФРГ, что требовало, согласно абз. 2 ст. 79 Основного закона, одобрение двух третей членов Бундестага и двух третей голосов Бундесрата.

К сожалению, после интенсивной работы Комиссии, в декабре 2004 г. было официально объявлено о провале переговоров. Комиссия по реформе федерализма не смогла достичь единства по многим рассматриваемым вопросам. На переговорах в рамках Комиссии по реформе федерализма в позиции земель недоставало воли к самостоятельной ответственности в центральных сферах политики и рождающейся из этого конкуренции между землями. В целом Комиссии по реформе федерализма не хватало не экспертных знаний, а политической воли. Ее политическая воля была, в конечном итоге, направлена на сохранение имеющихся структур.

¹ См.: Предварительный проект Комиссии по реформе федерализма Германии. Предложения Председателей Комиссии Ф. Мюнтеферинга и Э. Штойбера от 13.12.2004 г. URL: <http://www.vlk-achsen.de/aktuelles/vorschlag-vorsitzende.pdf>.

Осенью 2005 г. после выборов в Бундестаг Федеративной Республики Германия представители партий ХДС/ХСС и СДПГ пришли к соглашению о том, что на основании проведенной работы Комиссией по реформе федерализма необходимо осуществить реформирование федеративных отношений Германии. В результате в марте 2006 г. был представлен законопроект о реформе федерализма на обсуждение в Бундестаг и Бундесрат. Парламент ФРГ принял Закон о внесении изменений в Основной закон ФРГ, который был подписан Федеральным Президентом ФРГ 28 августа 2006 г.

Закон о внесении изменений в Основной закон ФРГ, именуемый в Германии как Закон о реформе федерализма, вступил в силу 1 сентября 2006 г.¹ Данный закон означал по существу частичную реформу федеративного устройства страны и внес изменения в 25 статей Основного закона ФРГ, а именно ст. 22, 23, 33, 52, 72, 73, 74, 74a, 75, 84, 85, 87c, 91a, 91b, 93, 98, 104a, 104b, 105, 107, 109, 125a, 125b, 125c, 143c.

Конституционная реформа германского федерализма разбита на два этапа. Первый этап реформы оформлен Законом о внесении изменений в Основной закон ФРГ от 28 августа 2006 г. Второй этап предполагает внесение изменений в порядок финансирования Германской федерации. Сущность основных положений реформирования федеративных отношений в современной Германии заключается в следующем.

Процесс законотворчества в Германии стал быстрее и прозрачнее. Сократилось количество законов, которые требуют одобрения Бундесрата. Бундесрат должен соглашаться даже с теми законами, которые вызывают значительные финансовые расходы в землях. В итоге первого этапа реформы федерализма исполнительная власть земель ФРГ оказывает теперь меньше влияния через Бундесрат на законодательство Федерации.

В процессе реформирования федеративных отношений Германии были внесены структурные изменения в вопросы разграничения компетенции между Федерацией и землями.

Остановимся на распределении компетенции Германской федерации, закрепленной в Основном законе 1949 г., до принятия Закона о внесении изменений в Основной закон ФРГ 2006 г. Распределение компетенции между Федерацией и землями достаточно тщательно проработано в Основном законе ФРГ 1949 г., причем компетенция разграничена применительно к законодательству, исполнительной деятельности и финансам. Механизм распределения государственных полномочий в Федеративной Республике Германия непосредственно связан с теорией разделения властей: каждая из традиционных ветвей власти (законодательная, исполнительная и судебная) в свою очередь распределяется между федеральным центром и отдельными землями.

Осуществление государственных полномочий и выполнение государственных задач возлагаются ст. 30 Основного закона ФРГ на земли, по-

¹ См.: Bundesgesetzblatt. 2006. Band I. S. 2034.

скольку Основной закон ФРГ не устанавливает или не допускает иного регулирования. Это своеобразная форма *презумпции компетенции земель*, которая свидетельствует о принципиальной децентрализованности Германской федерации. Это означает, что если Федерация желает воспользоваться компетенцией по регулированию того или иного вопроса, то данное полномочие Федерации должно быть прямо предусмотрено в специальном конституционном положении.

Данная презумпция находит свою дальнейшую конкретизацию в презумпции законодательной (абз. 1 ст. 70 Основного закона), исполнительной (ст. 83 Основного закона) и судебной (ст. 92 Основного закона) компетенции земель. Однако в сфере международных отношений, наоборот, презюмируется компетенция федерального центра. «Германия выступает в международных правоотношениях как единое целое», – к такому выводу пришел Федеральный конституционный суд Германии [1. S. 347]. Правом заключать международные договоры от имени Федеративной Республики Германия обладает исключительно Федерация (ст. 32 Основного закона). Земли располагают только лишь правомочием в рамках своей исключительной законодательной компетенции заключать договоры с иностранными государствами.

Рассмотрим распределение компетенции в области законодательства. Основной закон ФРГ 1949 г. различает исключительную компетенцию Федерации, конкурирующую (совместную) компетенцию Федерации и земель, а также компетенцию по принятию основ федерального законодательства (рамочное регулирование со стороны Федерации), которая является особым видом разграничения компетенции.

Если рассматривать разграничение компетенции между Федерацией и землями в ФРГ, то, в принципе, почти все законодательство является либо исключительной компетенцией Федерации, либо совместной компетенцией. Можно сказать, что исключительная компетенция у земель есть только в области культуры и в области обеспечения общественной безопасности.

При анализе распределения только законодательной компетенции может возникнуть впечатление, что Федеративная Республика Германия является централизованным государством и, соответственно, «слабой федерацией». Однако это не так. Немецкий подход заключается в том, что законодательная компетенция предоставляется Федерации, а равновесие и децентрализация достигаются тем, что реализация полномочий исполнительной власти относится преимущественно к компетенции земель, потому что земли самостоятельно исполняют федеральные законы (и, конечно, собственные законы).

Таким образом, особенность немецкого федерализма заключается в том, что перевес Федерации в одной сфере компенсируется перевесом земель в другой. Такая модель отличается гибким и уравновешенным разделением государственных функций [2].

Следующей отличительной чертой германского федерализма является то, что Федерация не совсем свободна как в использовании конкурирующей

компетенции, так и рамочного регулирования. Согласно абз. 2 ст. 72 Основного закона ФРГ, Федерация вправе воспользоваться конкурирующей законодательной компетенцией только при наличии особых условий, а именно при необходимости обеспечения равноценных условий жизни на территории Федерации или сохранения правового и экономического единства. Если такие предпосылки отсутствуют, то Федерация не вправе издавать законы в сфере конкурирующей законодательной компетенции.

После объединения Германии ст. 72 Основного закона ФРГ была изменена в 1994 г. с целью усиления правового положения земель по отношению к Федерации. Причина заключалась в том, что Федеральный конституционный суд ФРГ на основе старой редакции ст. 72 постановил, что «при оценке необходимости использования Федерацией совместной компетенции этот вопрос остается на усмотрение Федерации» [3, 4].

Федеральный конституционный суд не проверял, является ли установление в определенной сфере равных условий жизни необходимым, так как он рассматривает только вопросы права, а не политической целесообразности. Таким образом, конкурирующая компетенция превращалась на практике в исключительную компетенцию Федерации в тот момент, когда Федерация пользовалась этой компетенцией.

В 1994 г., в связи с тенденцией развития Германской федерации к более централизованному государству, в Основной закон ФРГ были внесены изменения для усиления положения земель таким образом, чтобы Федеральный конституционный суд мог проверить вопрос необходимости федерального регулирования по вопросам, которые относятся к совместной компетенции. Кроме того, в области разрешения споров о компетенции между Федерацией и землями существует особая процедура в Федеральном конституционном суде. Отныне Федерация больше не имела возможности в области конкурирующей компетенции по своему усмотрению и бесконтрольно блокировать земельное законодательство.

Подобная ситуация наблюдалась и в сфере рамочного регулирования. Смысл рамочной компетенции заключается в том, что федерация дает общее направление, а детали регулируются землями. Федеральный конституционный суд постановил, что рамочная компетенция в принципе означает, что Федерация должна оставлять землям пространство для собственного регулирования, т.е. она не вправе в подобном федеральном законе регулировать все детально. В отдельных же случаях, по мнению Суда, у Федерации есть право регулировать и детали, опять же без каких бы то ни было предпосылок, затрагивающих условия допустимости и степень подобного детального регулирования [5. S. 57].

В связи с этим в 1994 г. были внесены изменения и в ст. 75 Основного закона ФРГ с целью усиления положения земель. В соответствии с новой редакцией абз. 2 ст. 75 детальное федеральное регулирование, не оставляющее землям пространства для собственного регулирования, допустимо было только в исключительных случаях. Кроме того, для реализации компетенции по рамочному законодательству необходимо соблюдение условий для

осуществления конкурирующей компетенции, т.е. соблюдение положений ст. 72 Основного закона. Эти положения были изменены в пользу земель, о чем указывалось выше.

Итак, в процессе развития любого федеративного государства всегда присутствует естественная тенденция к централизации этого государства. Германская федерация в своем развитии имела подобную тенденцию к централизации. Из этого можно сделать вывод, что «необходима регулярная проверка разграничения компетенции между Федерацией и ее субъектами на предмет того, соответствует ли реальная действующая сегодня конституция намерениям ее создателей» [6. С. 53].

Таким образом, в Федеративной Республике Германия законодательная власть практически полностью сосредоточена в руках Федерации. Исполнительная же деятельность осуществляется преимущественно землями, хотя при этом федеральный центр в ряде случаев может подвергнуть ее серьезной корректировке.

В процессе реформирования федеративных отношений Германии 2006 г. были внесены следующие изменения в вопросы разграничения компетенции между Федерацией и землями в области законодательства.

Сфера конкурирующей законодательной компетенции, согласно ст. 72 Основного закона в новой редакции, раскрывается сейчас в следующих категориях:

1) земли обладают полномочием на законодательство лишь тогда и постольку, когда и поскольку Федерация не пользуется своими законодательными правами (абз. 1 ст. 72);

2) Федерация по ряду позиций, закрепленных в абз. 1 ст. 74 Основного закона: п. 4, 7, 11, 13, 15, 19а, 20, 22, 25, 26, имеет право законодательства в этой сфере только, если это необходимо в общегосударственных интересах для установления равноценных условий жизни на федеральной территории либо сохранения правового или экономического единства (абз. 2 ст. 72);

3) земли имеют право по некоторым вопросам (охрана окружающей среды, использование и охрана природных ресурсов, высшее образование) принимать законы, отклоняющиеся от федеральных законов; федеральные законы по данным вопросам вступают в силу не ранее чем через шесть месяцев, если законодательство с согласия Бундесрата не установит иное; на территории земель в случае расхождения их законов с федеральными законами по указанным вопросам действует тот закон, который принят позднее (абз. 3 ст. 72);

4) федеральным законом может быть установлено, что федеральное законодательное регулирование, необходимость в котором отпала, может быть заменено правом земель (абз. 4 ст. 72) [7. С. 53–55].

Итак, ст. 72 Основного закона ФРГ была дополнена в 2006 г. новым положением, согласно которому земли ФРГ приобрели право по некоторым позициям принимать законы, отклоняющиеся от федеральных законов. Земли ФРГ теперь обладают «правом на отклонение» [7]. При этом для зе-

мель установлен срок в шесть месяцев для того, чтобы отреагировать на новое федеральное законодательство с обновленным отклонением. Но из федеральной компетенции соответствующая проблематика не выведена, так как на территории земель в случае расхождения их законов с федеральными действуют те законы, которые приняты позднее.

Статья 74 Основного закона ФРГ в редакции Закона 2006 г. определяет сферу конкурирующего законодательства, перечисляя 32 позиции (акты гражданского состояния, трудовое право и социальное обеспечение, право союзов и собраний, пребывание и поселение иностранцев и др.). При этом установлено, что законы об ответственности государства, которые включены в указанный перечень, нуждаются в одобрении Бундесрата. Все остальные, стало быть, этого не требуют [7].

В отношении исполнения федеральных законов в Германии имеются также существенные нововведения. Согласно ст. 83 Основного закона ФРГ, исполнение федеральных законов возложено на земли, поскольку Основной закон не определяет или не допускает иного. Таким образом, в сфере исполнения федеральных законов ФРГ презюмируется компетенция земель.

Согласно абз. 1 ст. 84 Основного закона ФРГ, земли, при исполнении федеральных законов, сами регулируют организацию властей и административный процесс, если иное не установлено федеральными законами, принимаемыми с согласия Бундесрата. Данная норма Основного закона была дополнена в 2006 г. новым положением о том, что «земли могут при этом отклоняться от федеральных законов, а новое федеральное законодательство по данным вопросам вступает в силу не ранее чем через шесть месяцев, если законодательство с согласия Бундесрата не установит иное» [7].

Итак, в данном случае, как и в случае конкурирующего законодательства (абз. 3 ст. 72 Основного закона), на территории земель в случае расхождения их законов с федеральными действуют те законы, которые приняты позднее. Земли здесь также обладают «правом на отклонение». При этом для земель установлен срок в шесть месяцев для того, чтобы отреагировать на новое федеральное законодательство с обновленным отклонением.

Профессор государственного права Германии К. Штарк считает, что при реализации указанных норм Основного закона ФРГ, а именно абз. 3 ст. 72 и абз. 1 ст. 84, возникнут проблемы их интерпретации и практические трудности. По его мнению, в процессе отклонения земель от федерального законодательства может возникнуть следующее правовое состояние: в одних землях будет действовать федеральное право, а в других – право земель [8. S. 4]. Вследствие введения «права на отклонение» законодательство земель стало более сложным. В будущем гражданам ФРГ будет труднее ориентироваться, в каком случае следует использовать федеральный закон, а в каком – закон земли.

Несмотря на эти сложности, посредством «права на отклонение» у земель ФРГ появляется возможность расширить свою сферу компетенции за счет компетенции Федерации и, соответственно, развиваться без обязательного согласия Бундесрата [8. S. 7]. Такая правовая структура имеет функцию

автоматической поддержки успешного законодательного опыта земель без дополнительных процедур легитимации закона.

Кроме этого, в рамках реформирования федеративного устройства Германии упразднено рамочное законодательство Федерации (ранее закрепленное в ст. 75 Основного закона). Теперь его место принадлежит исключительному или конкурирующему законодательству Федерации либо регулируется законодательством земель. В силу этого, Законом от 28 августа 2006 г. в ст. 73 Основного закона ФРГ, которая определяет вопросы исключительной законодательной компетенции Федерации, внесены изменения.

Согласно ст. 73, в новой редакции Федерации предоставлена исключительная законодательная компетенция в области борьбы с международным терроризмом (через Федеральное ведомство уголовной полиции). К компетенции Федерации также отнесены такие вопросы, как служба связи, регистрация граждан и выдача удостоверений личности, атомная энергетика, право на ношение оружия и хранение взрывчатых веществ, ликвидация последствий войны, нотариат, охрана немецкого культурного наследия от вывоза за границу (ранее это входило в область рамочной компетенции) [7. S. 55–57].

В сферу исключительного земельного законодательства включены такие вопросы, как регулирование государственной службы на земельном уровне, включая оплату труда земельных и муниципальных служащих, отбывание наказания заключенными, определение времени работы магазинов, нормирование гостиничного и ресторанного сервиса. В компетенцию земель перешли также жилищное право, право собраний и объединений, законодательство о печати [7. S. 55–57].

Политика в области образования стала исключительной компетенцией земель. У Федерации остается компетенция лишь в определении общих правил организации высшей школы и оформления документов по окончании высшей школы. Федерация вышла из финансирования организации высшей школы и из прямой финансовой помощи в школьном образовании. Высшая школа почти полностью перешла в компетенцию земель. Федерация может участвовать только в финансировании научных исследований и только при согласии всех земель [7. S. 58].

Таким образом, конституционно-правовой процесс реформирования германского федерализма в современный период указывает на то, что система федеративных отношений в Германии постоянно развивается. Совершенствование федеративной формы государственного устройства является залогом демократического развития, а также стабильности сложных государств.

Список источников

1. Bundesverfassungsgerichtsentscheid 2. 350 S.
2. Геймбух Н.Г. Основные черты конституционной модели современного германского федерализма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 1 (15). С. 56–62.

3. Bundesverfassungsgerichtsentscheid 4. S. 115, 127.
4. Bundesverfassungsgerichtsentscheid 78. S. 249, 270.
5. Stettner R. Grundfragen einer Kompetenzlehre. Berlin, 1983. 287 S.
6. Бланкенгель А. Распределение компетенции и государственность немецких земель: три небольших урока для федеративных государств // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2003. № 3 (44). С. 52–57.
7. Dreier H., Wittreck F. Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht. 2. Auflage. Tübingen : Mohr Siebeck, 2007. 727 S.
8. Starck Ch. Föderalismusreform. München : Verlag C.H. Beck, 2007. 198 S.

References

1. Germany. (n.d.) *Bundesverfassungsgerichtsentscheid 2*.
2. Geymbukh, N.G. (2015) Basic features of the constitutional model of modern German federalism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk state University journal of Law*. 1(15). pp. 56–62. (In Russian).
3. Germany. (n.d.) *Bundesverfassungsgerichtsentscheid 4*. pp. 115, 127.
4. *Bundesverfassungsgerichtsentscheid 78*. pp. 249, 270.
5. Stettner, R. (1983) *Grundfragen einer Kompetenzlehre*. Berlin: Duncker & Humbold.
6. Blankenagel, A. (2003) Raspredelenie kompetentsii i gosudarstvennost' nemetskikh zemel': tri nebol'shikh uroka dlya federativnykh gosudarstv [Distribution of competence and statehood of German lands: Three small lessons for federal states]. *Konstitutsionnoe pravo: Vostochnoevropeyskoe obozrenie*. 3(44). pp. 52–57.
7. Dreier, H. & Wittreck, F. (2007) *Grundgesetz. Textausgabe mit sämtlichen Änderungen und andere Texte zum deutschen und europäischen Verfassungsrecht*. 2 Auflage. Tübingen: Mohr Siebeck.
8. Starck, Ch. (2007) *Föderalismusreform*. München: Verlag C.H. Beck.

Информация об авторе:

Геймбук Н.Г., кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: nadgeym@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Geymbukh N.G., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nadgeym@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.09.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 11.09.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья
УДК 343.2/.7
doi: 10.17223/22253513/50/4

Уголовно-правовые аспекты нарушения трудовых прав в современном российском и зарубежном законодательстве

**Елена Андреевна Зорина¹, Александр Николаевич Метельков²,
Марина Михайловна Трапезникова³, Анна Александровна Медведева⁴**

¹ *Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
МЧС России, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *zorina lena@mail.ru*

² *metelkov5178@mail.ru*

³ *marina-tr@yandex.ru*

⁴ *anutinglaz@yandex.ru*

Аннотация. Исследуются вопросы уголовной ответственности за нарушение трудовых прав в современном российском и зарубежном законодательстве. Излагаются результаты сравнительно-правового исследования уголовно-правовых запретов, связанных с нарушением трудовых прав личности в российском и зарубежном законодательстве. Рассматриваются отдельные положения уголовных кодексов зарубежных стран. Особое внимание уделяется вопросам социальной функции трудового права, которая, по мнению авторов, в условиях пандемии COVID-19 приобретает особое значение, обеспечивая защиту прав и интересов работников, иных лиц, осуществляющих трудовую деятельность.

Ключевые слова: уголовное законодательство России и зарубежных стран, нарушение трудовых прав, уголовная ответственность юридических лиц

Для цитирования: Зорина Е.А., Метельков А.Н., Трапезникова М.М., Медведева А.А. Уголовно-правовые аспекты нарушения трудовых прав в современном российском и зарубежном законодательстве // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 43–61. doi: 10.17223/22253513/50/4

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/4

Criminal and legal aspects of violation of labour rights in modern Russian and foreign legislation

Elena A. Zorina¹, Aleksandr N. Metelkov², Marina M. Trapeznikova³,
Anna A. Medvedeva⁴

¹ St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations
of Russia, Saint-Petersburg, Russian Federation

¹ zorina_lena@mail.ru

² metelkov5178@mail.ru

³ marina-tr@yandex.ru

⁴ anutinglaz@yandex.ru

Abstract. Criminal liability in the sphere of labour relations is an effective tool for influencing offenders and restoring justice, protecting labour and other human and civil rights, ensuring labour safety and combating corruption. However, effective real protection of labour rights of citizens is possible only in the presence of properly structured criminal law, including measures of liability of legal entities. In Russia, as a country in transition, labour rights are protected by the judiciary, executive authorities, prosecutor's offices, trade unions and state labour inspectorates. The effectiveness of activities in the area of labour safety and labour protection has not changed significantly over the past decade. At the same time, due to the trend of increasing role of legal entities in the sphere of labour relations, FATF recommendations, expansion of corporate liability in foreign legislation, and other factors, in the medium term, the objectively overdue question of establishing criminal liability for legal entities will again arise before the legislator with sufficient urgency.

The purpose of the work is to study the peculiarities of criminal liability for violation of labour rights, as well as the problems of liability of legal entities on the basis of comparative legal analysis of the world practice of introduction of this type of legal liability to substantiate the proposal on the expediency of its introduction in Russia in the medium term, including the sphere of regulation of labour relations, and the development of proposals for amendments to the Criminal Code of the Russian Federation.

This article is devoted to the study of issues of criminal liability for violation of labour rights in modern Russian and foreign legislation. Both from the position of theory and practice, this problem remains insufficiently researched at the moment. The article presents the results of comparative legal research of criminal-legal prohibitions related to violation of labour rights of an individual in Russian and foreign legislation. Some provisions of the Criminal Codes of foreign countries are considered. Special attention is paid to the issues of social function of labour law, which, according to the authors, in the conditions of pandemic becomes especially important, providing protection of rights and interests of workers and other persons engaged in labour activity. Based on the results of the conducted scientific research, some proposals for the optimization of the national legal framework and law enforcement practice in the field of legal regulation of criminal liability for violation of labour rights are formulated.

The specific sociological and comparative legal methods used by the authors make it possible to compare certain elements of the Russian legal system, historically formed under the influence of the Romano-Germanic system of law, with the legal approaches developed in developed and developing countries of the world. The analysis of legal norms and the practice of their application in a number of leading countries of the world

shows ways to improve the regulation of labour relations in order to prevent and suppress human rights violations through the introduction of criminal liability of legal entities.

Russian criminal legislation does not provide for criminal liability of legal entities. At the same time, non-payment of wages, violation of occupational health and safety rules at hazardous production facilities when carrying out work involving a risk to human life and health, and a high level of occupational injuries require improvement of the mechanism of criminal law enforcement in order to increase the effectiveness of protection of individual labour rights. It is advisable to introduce the institute of criminal liability of legal entities in the Russian legislation for violation of labour protection and safety requirements and non-payment of wages.

Keywords: criminal legislation of Russia and foreign countries, violation of labour rights, criminal liability of legal entities

For citation: Zorina, E.A., Metelkov, A.N., Trapeznikova, M.M. & Medvedeva A.A. (2023) Criminal and legal aspects of violation of labour rights in modern Russian and foreign legislation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 43–61. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/4

В современных условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) перед работодателем и работниками возникли многочисленные вопросы, связанные с трудоустройством, оформлением трудового договора, переводом на удаленную работу, обеспечением безопасности и охраны труда в условиях пандемии, увольнением, расчетом и выплатой заработной платы, и некоторые другие, имеющие значение для правоприменительной практики. Немаловажную роль при этом играет не только позиция самого работодателя, но и отношение государственных органов к вопросам правового регулирования указанных общественных отношений.

Уголовная ответственность в сфере трудовых отношений является действенным инструментом влияния на правонарушителей и восстановления социальной справедливости, защиты трудовых и иных прав человека и гражданина, обеспечения безопасности труда. Действующим российским уголовным законодательством предусмотрены составы преступлений, связанные непосредственно с нарушением трудового законодательства со стороны работодателя. Также упоминает о возможности привлечения лиц, виновных в нарушении трудового законодательства, к уголовной ответственности и ст. 419 Трудового кодекса Российской Федерации.

В качестве специальных норм, устанавливающих уголовную ответственность в сфере нарушения трудовых прав, можно назвать следующие: ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации «Нарушение требований охраны труда»; ст. 145 УК РФ «Необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет» и ст. 145.1 УК РФ «Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат» [1].

Однако указанными составами преступлений уголовная ответственность за нарушение норм трудового права и охраны труда в частности, без-

условно, не исчерпывается. Данные за 2019 г. показывают, что преступления, так или иначе связанные с нарушениями в сфере охраны труда и техники безопасности (ст. 143 «Нарушение требований охраны труда», ст. 215 «Нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики», ст. 216 «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ», ст. 217 «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных объектов», ст. 218 «Нарушение правил учета, хранения, перевозки и использования взрывчатых, легковоспламеняющихся веществ и пиротехнических изделий», ст. 219 «Нарушение требований пожарной безопасности» УК РФ), являются распространенным видом преступлений. Например, в 2019 г. было рассмотрено 1 069 дел указанной категории, в 2018 г. – 962, в 2017 г. – 848 дел [2].

Говоря об основном составе преступления, связанном с охраной труда, отметим, что ст. 143 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда лицом, на которое возлагаются обязанности по их соблюдению, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека. В качестве санкции законодатель предусмотрел штраф в размере до четырехсот тысяч рублей, или в размере заработной платы, или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательные работы на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо исправительные работы на срок до двух лет, либо принудительные работы на срок до одного года, либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до одного года или без такового.

Если соответствующие деяния повлекли по неосторожности смерть человека, то в качестве наказания применяются принудительные работы на срок до четырех лет либо лишение свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (ч. 2 ст. 143 УК РФ).

Деяние, предусмотренное *частью первой* настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, наказывается принудительными работами на срок до пяти лет либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового (ч. 3 ст. 143 УК РФ).

К сожалению, в течение последних нескольких лет (2014–2018 гг.), согласно данным официальной статистики, ежегодно фиксируется последовательный рост числа нарушений требований охраны труда, т.е. преступлений, предусмотренных ст. 143 УК РФ.

По ст. 143 УК РФ в 2019 г. осуждено 98 человек, оправдано – 0 человек. К наказанию в виде лишения свободы приговорено 3 человека, к ограничению свободы – 1, к исправительным работам – 14, к обязательным работам – 3, к штрафу – 30 человек. При этом условно приговорили к лишению свободы 43 человека [3. С. 99].

Для сравнения отметим, что по данной статье в 2018 г. осужден 131 человек, оправдано 0 человек. К наказанию в виде лишения свободы приговорено 78 человек, к ограничению свободы – 1, к исправительным работам – 4, к обязательным работам – 3, к штрафу – 27 человек. При этом условно приговорили к лишению свободы 43 человека.

В 2017 г. осужден 130 человек, оправдано 4 человека. К наказанию в виде лишения свободы приговорено 6 человек, к ограничению свободы – 0, к исправительным работам – 9, к обязательным работам – 13, к штрафу – 25 человек. При этом условно приговорили к лишению свободы 67 человек [2].

Приведенная выше статистика показывает, что количество преступлений, связанных с нарушениями в сфере охраны труда, остается достаточно стабильным, а ст. 143 УК РФ характеризуется невысоким масштабом применения реального лишения свободы к осужденным лицам [4. С. 97].

Нормы, предусматривающие уголовно-правовую защиту безопасности и охраны труда, введены в настоящее время и в законодательство многих зарубежных стран. Как справедливо отметил А.А. Ходусов, «уголовно-правовая охрана безопасности труда получила всеобщее признание» [5. С. 2].

Анализ зарубежного уголовного законодательства, предусматривающего аналогичные виды составов преступлений, позволяет сделать вывод о том, что нормы, направленные на правовое регулирование охраны труда в зарубежном законодательстве, имеют свои отличительные особенности. В качестве таких отличительных особенностей можно отметить то обстоятельство, что достаточно большое количество уголовных кодексов зарубежных стран не содержат специальной статьи, предусматривающей ответственность за нарушение требований безопасности и охраны труда.

Например, Уголовный кодекс ФРГ в § 319 предусматривает уголовную ответственность за создание опасности в результате нарушения правил строительных работ. Обратимся к тексту данного нормативно-правового акта: «Кто при планировании, руководстве строительством, при производстве строительных работ или при сносе строительного объекта нарушает общепризнанные технические правила и тем самым угрожает жизни и здоровью другого человека, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет или денежным штрафом» [6]. В отношении лиц, которые причинили вред по неосторожности вследствие выполнения профессиональной деятельности, при установке технического оборудования на строительном объекте или изменении уже построенного сооружения, установлена ответственность в виде лишения свободы на срок до трех лет или денежного штрафа.

Для сравнения обратимся к законодательству Швейцарии. Правила, предусматривающие уголовную ответственность за нарушения требований охраны труда, предусмотрены разделом 7 «Общепасные преступления и проступки» Уголовного кодекса Швейцарии. Отметим, что ст. 229 указанного кодекса регулирует особенности, связанные с созданием опасности вследствие нарушения строительных работ: «Кто умышленно при руководстве или проведении строительных работ или при сносе строительного объекта не принимает во внимание установленные правила строительных работ

и, тем самым, подвергает опасности жизнь и здоровье людей, наказывается тюремным заключением или штрафом» [7]. При совершении аналогичного преступления по неосторожности в качестве санкции законодатель предусмотрел тюремное заключение или штраф. Следует также обратить внимание на то, что ст. 230 Уголовного кодекса Швейцарии предусматривает уголовную ответственность за так называемое устранение или неприменение приспособлений по технике безопасности. Так, ч. 1 указанной статьи рассматривает в качестве преступного деяния поставление в опасность жизни и здоровья людей посредством умышленного вывода из строя приспособлений и приборов, предназначенных для предотвращения несчастных случаев на предприятии. За совершение данного преступного деяния к виновному лицу применяется уголовно-правовая санкция в виде тюремного заключения и штрафа. В свою очередь, ч. 2 ст. 230 Уголовного кодекса Швейцарии устанавливает аналогичную ответственность при совершении соответствующих преступлений по неосторожности.

Следует отметить, что законодательство ближнего зарубежья предусматривает аналогичные нормы. Так, например, раздел X УК Украины «Уголовные преступления против безопасности и производства» содержит несколько статей, которые предусматривают уголовную ответственность за нарушение требований законодательства о труде: нарушение правил безопасности при выполнении работ с повышенной опасностью (ст. 272), нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 273), нарушение правил ядерной или радиационной безопасности (ст. 274), нарушение правил, касающихся безопасного использования промышленной продукции или безопасной эксплуатации зданий и сооружений (ст. 275) [8].

Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З в ст. 306 также устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил охраны труда. При этом нарушение правил охраны труда должностным лицом, ответственным за их соблюдение, повлекшее по неосторожности профессиональное заболевание либо причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, наказывается штрафом, или исправительными работами на срок до двух лет, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения (ч. 1 ст. 306 Уголовный кодекс Республики Беларусь). Аналогичное нарушение правил охраны труда, повлекшее по неосторожности смерть человека либо причинение тяжкого телесного повреждения двум или более лицам, наказывается ограничением свободы на срок до пяти лет или лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения (ч. 2 ст. 306 Уголовный кодекс Республики Беларусь). Более жесткая санкция предусмотрена ч. 3 ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь, которая предусматривает лишение свободы на срок от трех до семи лет с

лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения при нарушении правил охраны труда, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц [9].

Аналогичный вид уголовной ответственности предусмотрен законодательством и других зарубежных стран. Так, ст. 257 Уголовного кодекса Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) предусмотрена ответственность за нарушение правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда лицом, ответственным за их соблюдение, повлекшее средней тяжести или тяжкое телесное повреждение, наказывается данное преступление штрафом от двадцати пяти до пятидесяти базовых расчетных величин или лишением определенного права до пяти лет, или исправительными работами до трех лет, или ограничением свободы от одного года до трех лет, либо лишением свободы до трех лет. То же деяние, повлекшее: а) смерть человека; б) иные тяжкие последствия, наказывается ограничением свободы от двух до пяти лет либо лишением свободы до пяти лет с лишением определенного права [10].

Особый интерес представляет подход законодателя, использованный в Уголовном кодексе Азербайджанской Республики при нарушении правил охраны труда. Согласно ст. 162 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики, нарушение правил техники безопасности или иных правил охраны труда, совершенное лицом, на которое были возложены обязанности по соблюдению этих правил, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого или менее тяжкого вреда здоровью человека, наказывается штрафом в размере от двух тысяч до трех тысяч манатов, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо лишением свободы на срок до шести месяцев. При совершении аналогичного преступления по неосторожности, которое повлекло смерть человека, преступное деяние наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [11].

Анализ зарубежного законодательства позволяет сделать вывод о том, что уголовная ответственность в ряде зарубежных стран, в отличие от российского законодательства, предусматривает более строгие виды уголовного наказания за преступления, связанные с нарушением правил охраны труда. Так, за деяние, аналогичное предусмотренному ч. 1 ст. 143 УК РФ, в качестве наказаний за совершение подобных преступлений в некоторых зарубежных странах предусмотрен более широкий перечень их видов, а сроки лишения свободы выше российских (см., например, ст. 306 Уголовного кодекса Республики Беларусь, ст. 162 Уголовного кодекса Азербайджанской Республики и т.д.).

Учитывая достаточно высокую степень общественной опасности (что очевидно прослеживается из санкций зарубежного законодательства) указанного преступного деяния и полагаясь на желаемый эффект от общей и специальной

превенции уголовного наказания, представляется целесообразным использование рассмотренного зарубежного опыта правового регулирования правоотношений, связанных с нарушением правил охраны труда, повлекших по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека.

Следует заметить, что существуют и другие отличия, относящиеся к регулированию уголовной ответственности за нарушение правил безопасности и охраны труда. В качестве субъектов преступлений за нарушение требований охраны труда, согласно российскому законодательству, выступают только физические лица. Перечень указанных лиц приведен в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» [12]. Так, ими могут быть руководители организаций, их заместители, главные специалисты, руководители структурных подразделений организаций, специалисты службы охраны труда и иные лица, на которых в установленном законом порядке (в том числе в силу их служебного положения или по специальному распоряжению) возложены обязанности по обеспечению соблюдения требований охраны труда; а также представители организации, оказывающей услуги в области охраны труда, или соответствующие специалисты, привлекаемые работодателем по гражданско-правовому договору в соответствии с ч. 3 ст. 217 ТК РФ, если на указанных лиц непосредственно возложены обязанности обеспечивать соблюдение требований охраны труда работниками и иными лицами, участвующими в производственной деятельности работодателя.

Такие страны, как Республика Казахстан, Республика Армения, Эстонская республика и другие, используют аналогичный подход в данном вопросе, как и российский законодатель.

В свою очередь, уголовное законодательство Республики Молдова и Литовской Республики признает в качестве такого субъекта должностное лицо либо лицо, управляющее коммерческой, общественной или иной негосударственной организацией [13, 14].

В некоторых странах специальные признаки субъекта данного вида преступления не предусмотрены.

Вместе с тем в уголовном законодательстве некоторых современных зарубежных стран в части определения субъекта, нарушающего безопасность и охрану труда (например, Великобритания, Германия, Испания, США, Франция, Китай, Финляндия и ряда других стран), допускается уголовная ответственность для юридических лиц. Так, например, ст. 121-2 Уголовного кодекса Франции рассматривает в качестве субъекта уголовного преступления юридическое лицо [15].

Следует заметить, что необходимость поднятия вопроса о введении уголовной ответственности юридических лиц, в частности за преступления, посягающие на трудовые отношения, в УК РФ продиктована, прежде всего

тем, что в России как стране с переходной экономикой роль и значение юридических лиц как субъектов права в жизнедеятельности общества существенно возросли.

К сожалению, юридические лица совершают правонарушения, в частности, в сфере труда. На сегодняшний день возможно привлечение их к административной ответственности согласно положениям Кодекса об административных правонарушениях. Уголовную же ответственность за результаты неправомерной деятельности в сфере трудовых отношений обычно несут руководители организаций.

Однако порой санкции административного, трудового, налогового, экологического и других отраслей законодательства видятся не соразмерными размеру вреда, наносимого деятельностью юридических лиц. При этом нередко компании создаются именно специально для преступной цели либо решения одной из задач для ее достижения.

Введение института уголовной ответственности позволило бы получить правоохранительным органами острый механизм для проникновения их в предпринимательскую деятельность и оказание на нее влияния с целью пресечения преступлений.

Проблемная ситуация с введением уголовной ответственности юридических лиц остро обсуждалась в литературе в связи с необоснованной их безнаказанностью за правонарушения, обладающие большой общественной опасностью [16. С. 370]. Дискуссия продолжается уже три десятилетия.

Из аргументов против введения уголовной ответственности корпоративных субъектов можно назвать следующие:

- например, в связи с отсутствием у юридических лиц сознания и воли, противоречие принципу личной виновной ответственности (ст. 5, 60 УК РФ) [17. С. 147]. Введение в УК РФ таких правовых норм будет связано с существенными изменениями всей уголовно-правовой системы;

- невозможности применить к ним наказание в виде лишения свободы и тюремного заключения. Безусловно, ключевым вопросом в рассматриваемой проблеме является правосубъектность юридического лица;

- возможности усиления ответственности юридических лиц в рамках ужесточения административного законодательства;

- появления возможности уйти от уголовной ответственности руководителям предприятий, которые своими конкретными решениями наносят преступный вред, представляемый как результат деятельности юридического лица в целом [18. С. 361];

- «как для корпораций, так и для руководителей корпораций, строгая субсидиарная ответственность несправедлива, является плохой государственной политикой и должна быть отменена» [19. Р. 79];

- трудности могут возникнуть при выработке судом решений в отношении уголовной ответственности крупных государственных корпораций и компаний, частных публичных акционерных обществ без консультаций и одобрения правительства и экономистов.

Из аргументов против введения уголовной ответственности корпоративных субъектов можно назвать следующие:

- повышенная общественная опасность нарушений юридического лица, в том числе в сфере трудовых отношений, и ущерб, значительно превышающий последствия тех же деяний, совершенных физическими лицами;
- постоянно возрастающая роль юридических лиц в экономической и социальной жизни общества требует более справедливой дифференциации ответственности корпораций и их работников;
- большая сформированная подобная юридическая практика в ряде государств.

Уголовная ответственность юридических лиц в различном виде введена странами англо-американского права (Великобритания, Канада, США, Австралия, бывшие британские колонии), а также государствами Евросоюза (Франция, Италия, Испания, Бельгия, Нидерланды и др.), Китаем, мусульманскими странами и в ряде государств, образовавшихся после распада СССР.

В Уголовном кодексе Нидерландов любое уголовное преступление может быть совершено юридическим лицом. Возможность привлечения к ответственности юридических лиц существует за все виды преступлений, если преступление обоснованно отнесено к данному юридическому лицу, включая сферу трудовых отношений.

Согласно, например, ст. 318 УК Испании, субъектом рассматриваемого преступления может выступать юридическое лицо, но при этом уголовное наказание назначается руководителям или иным сотрудникам, виновным в его совершении [5]. В Италии, в соответствии с Decreto Legislativo no. 231, 2001, корпорация может быть привлечена к ответственности только в отношении перечисленных в ст. 24 и 25 преступлений, а также за пособничество и подстрекательство к их совершению. В число таких преступлений включено непредумышленное убийство и нарушение законодательства в области охраны труда и техники безопасности [20].

В странах Евросоюза, где не введена корпоративная уголовная ответственность, существует либо квазикриминальная ответственность (Германия), либо такая уголовная ответственность рассматривается. За преступное поведение немецких компаний введены крупные штрафы, которые могут нанести им значительный репутационный ущерб, сравнимый с уголовными санкциями.

Во многих юрисдикциях стран Евросоюза юридические лица получают защиту, если они покажут, что у них были надлежащие системы и средства контроля для предотвращения совершения преступления и поэтому они не могут иметь умысла на совершение преступления (Люксембург) либо они не проявили надлежащих осмотрительности или контроля при найме на работу лица, совершившего преступление (Бельгия).

В соответствии с федеральными законами США и законами штатов корпорации обычно считаются юридическими лицами, способными совершать преступления [21]. Привлечение к уголовной ответственности корпораций

возможно за все преступления. Корпорации могут быть осуждены за преступления в соответствии с теорией субститутивной ответственности деликтного права «*respondeat superior*» (пусть отвечает вышестоящий), основанной на действиях, совершенных их сотрудниками и агентами [22] во время работы по найму, если таких лиц полностью либо частично были мотивированы стремлением принести пользу корпорации. В случае выхода действий работника за рамки трудовой деятельности работодатель не несет ответственности за действия индивида [21].

Уголовная ответственность станет существенным стимулом для принятия организациями мер по предупреждению, профилактике преступлений физическими лицами, находящихся с ними в трудовых и иных отношениях; позволит под угрозой жестких мер уголовно-правового воздействия (крупные штрафы, аннулирование лицензии) мотивировать их собственников обеспечивать необходимый уровень безопасности даже в ущерб прибыли; позволит существенно снизить количество техногенных катастроф в сфере авиаперевозок, в горнодобывающей промышленности, оказания частных медицинских услуг и других.

Возможность перемещения центра тяжести наказания за преступление в сторону неблагоприятных последствий для организации; возможность привлечения виновных корпоративных субъектов к значительным штрафам, а порой и прекращению деятельности, что оказывает существенное воздействие и на юридических лиц, и на других участников рыночных отношений [23. С. 23], способствует нормализации, восстановлению нарушенных отношений в сфере охраны и безопасности труда.

Отметим, что ввиду объективных причин развития государства в условиях интенсификации и унификации подходов в международных экономических отношениях корпоративных субъектов правовая система России сегодня стала испытывать конструктивное воздействие со стороны национальных систем права развитых государств в отношении введения уголовной ответственности корпораций.

Вместе с тем, несмотря на неоднократно вносимые на рассматриваемую тематику законопроекты (например, в 2011, 2015 гг.), в процессе становления рыночных отношений законодатель все еще проявляет нерешительность во введении в России уголовной ответственности как самого строгого и наиболее эффективного ее вида юридической ответственности, и это несмотря на то, что в начале XXI в. в условиях быстрого развития техники, возрастания различных угроз и рисков, в том числе в трудовых отношениях (особенно в условиях пандемии COVID-19), на производствах в России, несмотря на некоторые положительные тенденции, кардинальных изменений в обеспечении безопасности и охраны труда не происходит.

Так, по данным Минтруда, несмотря на отрицательную динамику производственного травматизма за последние 10 лет, Россия еще опережает многие страны по числу смертельных травм, полученных на производстве. В 2019 г. из 23,3 тыс. от несчастных случаев погибло 1 060 человек. Среди

причин высокого травматизма выделяют плохие условия труда, несовершенство системы безопасности и охраны труда [24].

Обобщение статистики Госкомстата с 2000 по 2019 г. показывает увеличение в 1,7 раза продолжительности больничного отпуска у сотрудников, получивших травму на работе [25].

На основе анализа практики Е.А. Розенфельд не без оснований утверждает, что в России ведется лишь выборочный учет несчастных случаев на производстве [26. С. 36]. В 2016 г. коэффициент производственного травматизма в России составил 1,3 на 1 тыс. работников, а в старых странах Европы – 7,2–34,6% [27. С. 142]. Исследователями в сфере безопасности и охраны труда отмечена парадоксальная ситуация: число несчастных случаев на 100 тыс. работников в России в несколько раз ниже, чем в Великобритании, Германии, Испании, Италии, Франции, однако число смертельных случаев на производстве на 100 тыс. работников в России является самым высоким из исследованных стран. В то же время фиксируется тенденция снижения количества несчастных случаев на производстве при одновременном увеличении числа рабочих мест с опасными условиями труда. Ученые на основе анализа разнообразных статистических данных делают весьма обоснованные предположения о серьезных недостатках в учете и регистрации несчастных случаев в России [28. С. 647]. В формализованных таблицах не учитывается производственный травматизм на многочисленных микропредприятиях – юридических лицах с незначительным числом работников и размерами дохода.

Возможное сокрытие юридическими лицами несчастных случаев препятствует формированию объективной информационной базы и принятию обоснованных управленческих решений [28]. В сокрытии производственного травматизма заинтересованы, в первую очередь, юридические лица, пытающиеся уйти от различных форм ответственности.

Анализ показывает, что одним из значимых механизмов повышения уровня защиты трудовых прав, обеспечения охраны и безопасности труда, повышения роли работодателей и работников в системе управления охраной труда как раз-таки может явиться введение уголовной ответственности корпоративных субъектов. Полагаем, что юридические лица представляют сложную форму реализации общественного сознания в экономической деятельности, которая проявляется в совокупной воле и сознании его участников и представителей органов управления. Деятельность юридических лиц связана с наиболее значительными последствиями при нарушении трудовых прав граждан и безопасности труда. Поэтому они не должны уходить от уголовной ответственности, прикрываясь своими работниками.

При выборе подходов к введению уголовной ответственности коллективных субъектов, безусловно, необходимо учитывать требования и рекомендации международных соглашений. Так, неоднократно в решениях Международного конгресса по уголовному праву отмечалась допустимость уголовной ответственности юридических лиц и возможность применения в отношении них карательных санкций [23. С. 23].

В качестве одной из основных задач по формированию политики государства в Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, утвержденной 30 мая 2018 г. Президентом России, названа адаптация законодательства и правоприменительной практики к рекомендациям Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF). В первой (1990) и всех последующих редакциях международного документа «Сорок рекомендаций FATF» особое внимание уделяется вопросу уголовной ответственности юридических лиц.

Таким образом, предлагается осуществить изменение действующего уголовного законодательства путем дополнения ст. 143 Уголовного кодекса РФ, указав, что уголовная ответственность юридических лиц наступает за нарушение требований охраны труда, повлекшее причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом интересам гражданина, общества, государства и национальной безопасности.

Важно также напомнить, что помимо уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда действующее российское уголовное законодательство предусматривает также уголовную ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или необоснованное увольнение беременной женщины или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), и ответственность, связанную с невыплатой заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145.1 УК РФ).

С момента распространения новой коронавирусной инфекции указанные аспекты трудовых отношений стали особенно актуальными. Споры, связанные с невыплатой заработной платы, распространены в Российской Федерации [29]. Статистические данные свидетельствуют о том, что из общей суммы невыплаченной заработной платы на 1 июля 2020 г., на долги, образовавшиеся в 2020 г., приходится 915,6 млн руб. (41,7%), в 2019 г. – 529,5 млн руб. (24,1%), в 2018 г. и ранее – 749,1 млн руб. (34,2%) [30].

Многочисленные факты нарушений в сфере охраны труда, в особенности в связи с задержками выплаты работникам заработной платы, выявляются контролирующими и надзорными органами. По данным Роструда, за 7 месяцев 2020 г. после вмешательства инспекторов 220 тыс. граждан была выплачена задержанная заработная на сумму порядка 7,8 млрд руб. [31].

Сегодня за задержку заработной платы предусмотрена административная, материальная и уголовная ответственность. Административное наказание, например, для юридических лиц в этом случае не зависит от количества дней просрочки и предусматривает штраф в размере от 30 до 50 тыс. руб. Штраф за несвоевременную выплату зарплаты для руководства компании – от 10 до 20 тыс. руб., при повторном нарушении – от 20 до 30 тыс. руб. Штраф с компании может составить от 50 до 100 тыс. руб. Незначительные штрафы по сравнению с величиной задерживаемой месяцами зарплаты выгодны юридическим лицам и не останавливают их от невыплат зарплат или выплат «серых» зарплат.

Отметим, что в случае задержки выплаты заработной платы работник правомочен подать иск в суд, а также обратиться в органы прокуратуры, государственную инспекцию труда. Для взыскания задолженности по оплате труда прокурорами, например, инициируются административное и уголовное преследование виновных лиц. В судебном порядке устанавливаются факты наличия трудовых отношений между гражданами и юридическими лицами [32. С. 215].

Вместе с тем, несмотря на существование ряда институтов (прокуратуры, государственных инспекций труда в субъектах Российской Федерации и др.), кардинального изменения в государственном воздействии на эти процессы не происходит, что свидетельствует о недостаточной эффективности правовых механизмов, влияющих на предотвращение нарушений в сфере трудовых прав человека и безопасности труда.

Полагаем, что для современной экономики, в которой должны обеспечиваться права человека, необходимо наличие реальных механизмов ограничения экономической власти корпоративных субъектов. Одним из таких проверенных мировой практикой механизмов является введение корпоративной уголовной ответственности.

Однако в России, как видится, экономические и социально-политические предпосылки еще недостаточно созрели для введения института корпоративной уголовной ответственности в связи неполным развитием рыночных механизмов и определенным недоверием у бизнеса и части общества в целом к правоохранительной системе. Общество и экономические круги частного бизнеса опасаются вооружения правоприменителей острым правовым инструментом в целях влияния на бизнес. Однако представляющие общественную опасность, угрозу обществу явления требуют эффективных механизмов борьбы с ними с учетом международного опыта не только гражданско-правовыми, но уголовными средствами.

Следует отметить, что некоторые осторожные шаги уже в этом направлении сделаны. Например, в примечании к ст. 201 УК РФ, которое было введено еще 25 декабря 2008 г., предусмотрена ответственность за злоупотребление полномочиями лица, выполняющего функции члена совета директоров или иного коллегиального исполнительного органа в организации.

Авторы убеждены в том, что по мере укрепления экономики, ухода из нее криминальных элементов законодатель в среднесрочной перспективе поддержит добросовестных субъектов экономической деятельности, создавая для всех участников экономической деятельности более справедливые условия ведения бизнеса. Одним из таких условий может явиться введение в России института корпоративной уголовной ответственности. При обосновании своей позиции авторы исходят из введенного в научный оборот положения о том, что уголовной ответственности подлежат организации, обладающие признаками юридического лица, предусмотренными гражданским законодательством и зарегистрированные в установленном порядке, за исключением государственных органов, органов местного самоуправления,

а также юридических лиц, осуществляющих некоторые государственные полномочия [33. С. 7].

Таким образом, трудовые права личности, безусловно, должны быть обеспечены уголовно-правовой охраной и возможностью привлечения к уголовной ответственности в том числе и виновных юридических лиц. Думается, что подобное конструирование уголовно-правовых норм обеспечит должную профилактику нарушений в сфере трудовых отношений, аварийных происшествий на производстве. Как мы смогли убедиться на примере зарубежных источников уголовного права, такой подход в современном цивилизованном, демократическом обществе воспринимается как возможный и правильный.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2021) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Агентство правовой информации. Судебная статистика Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/11/s/1>
3. Новиков В.А., Шиян В.И. Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): состояние и актуальные вопросы квалификации // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3 (21).
4. Курсаев А.В. Наказание за нарушение требований охраны труда (статья 143 Уголовного кодекса Российской Федерации) // ЮП. 2017. № 4 (83).
5. Ходусов А.А. Нарушение требований охраны труда в действующем законодательстве России и зарубежных стран // Безопасность бизнеса. 2016. № 2.
6. Уголовный кодекс ФРГ / пер. с нем. и предисл. А.В. Серебренникова. М. : Зерцало, 2000. 208 с.
7. Уголовный кодекс Швейцарии / пер. с нем. А. В. Серебренникова. М. : Зерцало, 2000. 144 с.
8. Уголовный кодекс Украины. URL: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-10/>
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&
10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&
11. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов») // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.
13. Уголовный кодекс Республики Молдова. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&
14. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovniy-kodeks-litvy.html>
15. Власов И.С. Негативные последствия введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Основания ответственности юридических лиц: гражданско-правовые, административно-правовые и уголовно-правовые аспекты : сб. материалов Всерос. науч.-практ. интернет-конф. (г. Москва, 24 октября 2016 г.). М., 2017.

16. Богданов Е.В., Богданов Д.Е., Богданова Е.Е. Проблема введения уголовной ответственности юридических лиц: аргументы против // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. № 2.

17. Миняева Т.Ф., Серебренникова А.В. Уголовная ответственность юридических лиц в России и Германии: к постановке проблемы // *Lex russica*. 2017. № 2.

18. Шеслер А.В. Проблемы установления уголовной ответственности юридических лиц в российском уголовном законодательстве // *Всероссийский криминологический журнал*. 2017. Т. 11, № 2. С. 361–369. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).

19. Greenberg J.D., Brotman E.C. Strict vicarious criminal liability for corporations and corporate executives: stretching the boundaries of criminalization // *American criminal law review*. 2014. № 51 (1).

20. Decreto Legislativo 8 giugno 2001, n. 231. URL: <https://www.aodv231.it/decreto-231/il-testo-del-decreto-legislativo-n-231-2001/>

21. Mark E. Roszkowski & Christie L. Roszkowski, Making Sense of Respondent Superior: An Integrated Approach for Both Negligent and Intentional Conduct, 14 S. CAL. REV. L. & WOMEN'S STUD. 235, 243 (2005).

22. United States Supreme Court NEW YORK CENT. & H. R. R. CO. v. U. S. (1909) No. 57. Argued: Decided: February 23, 1909 N.Y. Cent. & H.R.R. Co. v. United States, 212 U.S. 481, 494-95 (1909).

23. Федоров А.В. Из истории введения уголовной ответственности юридических лиц: Рекомендации № (88) 18 от 20 октября 1988 г. об ответственности предприятий // *Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации*. 2015. № 1.

24. Ткаченко П.В. Статистика травматизма на производстве. URL: <https://www.cen-trattek.ru/info/statistika-proizvod-travmatizm-po-miru-rossija/%0A>

25. Статистка несчастных случаев: учет травматизма и гибели людей. URL: <https://kpk-1.ru/prochee/statistika-neschastnyh-sluchaev-uchet-travmatizma-i-gibeli-lyudej.html#:~:text=Судя%20по%20статистике%20Госкомстата%2C%20одной,срок%20увеличился%20до%2049%2C3%20дня>

26. Розенфельд Е.А. Проблемы статистического учета несчастных случаев на производстве в России // *Безопасность и охрана труда*. 2020. № 3.

27. Тихонова Г.И., Чуранова А.Н. Многолетний анализ особенностей учета несчастных случаев на производстве в России // *Демографическое обозрение*. 2019. № 2.

28. Лукьянчикова Т.Л., Ямщикова Т.Н., Клецова Н.В. Компаративистский анализ производственного травматизма: Россия и мир // *Экономика труда*. 2018. Т. 5, № 3. doi: 10.18334/et.5.3.39334

29. Федеральная служба по труду и занятости. Роструд: более 200 работникам краснодарской авторемонтной компании выплатили задержанную зарплату. URL: <https://rostrud.gov.ru/inspections/>

30. О просроченной задолженности по заработной плате на 1 июля 2020 года. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/128.htm

31. Официальный сайт Роструда: Роструд помог 220 тыс. гражданам вернуть долги по зарплате. URL: <https://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/news/show/1789>

32. Шадрин И.А. Роль органов прокуратуры в защите трудовых прав граждан Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2019. Т. 5 (71), № 1.

33. Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

References

1. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 24.02.2021) [Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996, No. 63-FZ (as amended on February 24, 2021)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.

2. Legal Information Agency. Judicial statistics of the Russian Federation. [Online] Available from: <http://stat.legalpress.ru/stats/ug/t/11/s/1>

3. Novikov, V.A. & Shiyani, V.I. (2019) Narushenie trebovaniy okhrany truda (st. 143 UK RF): sostoyaniye i aktual'nye voprosy kvalifikatsii [Violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation): Status and current issues of qualification]. *Vestnik Moskovskoy akademii sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 3(21).

4. Kursaev, A.V. (2017) Nakazaniye za narusheniye trebovaniy okhrany truda (stat'ya 143 ugodovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii) [Punishment for violation of labor protection requirements (Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. *Yurist-Pravoved*. 4(83). pp. 97–102.

5. Khodusov, A.A. (2016) Narusheniye trebovaniy okhrany truda v deystvuyushchem zakonodatel'stve Rossii i zarubezhnykh stran [Violation of labor protection requirements in the current legislation of Russia and foreign countries]. *Bezopasnost' biznesa*. 2.

6. Germany. (2000) *Ugolovnyy kodeks FRG* [Criminal Code of Germany]. Translated from German by A.V. Serebrennikov. Moscow: Zertsalo.

7. Switzerland. (2000) *Ugolovnyy kodeks Shveytsarii* [Criminal Code of Switzerland]. Translated from German by A.V. Serebrennikov. Moscow: Zertsalo.

8. Ukraine. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Ukrainy* [Criminal Code of Ukraine]. [Online] Available from: <https://meget.kiev.ua/kodeks/ugolovniy-kodeks/razdel-1-10/>

9. Belarus. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus'* [Criminal Code of the Republic of Belarus]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&

10. Uzbekistan. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Uzbekistan* [Criminal Code of the Republic of Uzbekistan]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110&

11. Azerbaijan. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Azerbaydzhanskoy Respubliki* [Criminal Code of the Azerbaijan Republic]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353&

12. Russian Federation. (2018) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 29.11.2018 № 41 “O sudebnoy praktike po ugodovnym delam o narusheniyakh trebovaniy okhrany truda, pravil bezopasnosti pri vedenii stroitel'nykh ili inyykh rabot libo trebovaniy promyshlennoy bezopasnosti opasnykh proizvodstvennykh ob'ektov”) [Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2018, “On judicial practice in criminal cases regarding violations of labor protection requirements, safety rules during construction or other work, or industrial safety requirements for hazardous production facilities”). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 1.

13. Moldova. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Moldova* [Criminal Code of the Republic of Moldova]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923&

14. Lithuania. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Litovskoy Respubliki* [Criminal Code of the Republic of Lithuania]. [Online] Available from: <http://okpravo.ru/zarubezhnoe-pravo/ugolovnoe-pravo-zarubezhnyh-stran/ugolovnyy-kodeks-lity.html?>

15. Vlasov, I.S. (2016) Negativnye posledstviya vvedeniya v Rossii instituta ugodovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits [Negative consequences of the introduction in Russia of the institution of criminal liability of legal entities]. In: Kovler, A.I., Truntsevskiy, Yu.V., Semykina, O.I. & Ternovaya, O.A. (eds) *Osnovaniya otvetstvennosti yuridicheskikh lits: grazhdansko-pravovyye, administrativno-pravovyye i ugodovno-pravovyye aspekty* [Grounds of liability of legal entities: Civil, administrative, and criminal legal aspects]. Moscow: Rior.

16. Bogdanov, E.V., Bogdanov, D.E. & Bogdanova, E.E. (2017) Problema vvedeniya ugodovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits: argumenty protiv [The problem of introducing criminal liability of legal entities: arguments against]. *Vserossiyskiy kriminolo-gicheskiy zhurnal*. 2.

17. Minyazeva, T.F. & Serebrennikova, A.V. (2017) Ugodovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits v Rossii i Germanii: k postanovke problemy [Criminal liability of legal entities in Russia and Germany: Towards the formulation of the problem]. *Lex Russica*. 2.

18. Shesler, A.V. (2017) Problemy ustanovleniya ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits v rossiyskom ugovnom zakonodatel'stve [Problems of establishing criminal liability of legal entities in Russian criminal legislation]. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*. 11(2). pp. 361–369. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(2).

19. Greenberg, J.D. & Brotman, E.C. (2014) Strict vicarious criminal liability for corporations and corporate executives: stretching the boundaries of criminalization. *American Criminal Law Review*. 51(1).

20. Italy. (2001) *Decreto Legislativo 8 giugno 2001, n. 231*. [Online] Available from: <https://www.aodv231.it/decreto-231/il-testo-del-decreto-legislativo-n--231-2001/>

21. Roszkowski, M.E. & Roszkowski, C.L. (2005) Making Sense of Respondent Superior: An Integrated Approach for Both Negligent and Intentional Conduct. *14 Southern California Review of Law and Women's Studies*. 235, 243.

22. USA. (1909) *United States Supreme Court NEW YORK CENT. & H.R.R.CO. v. U.S.* No. 57. Argued: Decided: February 23, 1909 N.Y. Cent. & H.R.R. Co. v. United States, 212 U.S. 481, pp. 494–95.

23. Fedorov, A.V. (2015) Iz istorii vvedeniya ugovnoy otvetstvennosti yuridicheskikh lits: Rekomendatsii № (88) 18 ot 20 oktyabrya 1988 g. ob otvetstvennosti predpriyatiy [From the history of the introduction of criminal liability of legal entities: Recommendations No. (88) 18 of October 20, 1988 on the liability of enterprises]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii*. 1.

24. Tkachenko, P.V. (n.d.) *Statistika travmatizma na proizvodstve* [Statistics of injuries at work]. [Online] Available from: <https://www.centrattek.ru/info/statistika-proizvod-travmatizm-po-miru-rossiya/%0A>

25. KPK. (n.d.) *Statistka neschastnykh sluchaev: uchët travmatizma i gibeli lyudey* [Accident statistics: accounting of injuries and deaths]. [Online] Available from: <https://kpk-1.ru/prochee/statistika-neschastnykh-sluchaev-uchet-travmatizma-i-gibeli-lyudey.html#:~:text=Sudya%20po%20statistike%20Goskomstata%2C%20odnoy,srok%20uve lichilsya%20do%2049%2C3%20dnaya>

26. Rozenfeld, E.A. (2020) Problemy statisticheskogo ucheta neschastnykh sluchaev na proizvodstve v Rossii [Problems of statistical accounting of industrial accidents in Russia]. *Bezopasnost' i okhrana truda*. 3.

27. Tikhonova, G.I. & Churanova, A.N. (2019) Mnogoletniy analiz osobennostey ucheta neschastnykh sluchaev na proizvodstve v Rossii [A long-term analysis of recorded industrial accidents in Russia]. *Demograficheskoe obozrenie*. 2.

28. Lukyanchikova, T.L., Yamshchikova, T.N. & Kletsova, N.V. (2018) Komparativistskiy analiz proizvodstvennogo travmatizma: Rossiya i mir [A comparative analysis of industrial injuries: Russia and the world]. *Ekonomika truda*. 5(3). doi: 10.18334/et.5.3.39334

29. Rostrud, Russian Federation. (n.d.) *Federal'naya sluzhba po trudu i zanyatosti. Rostrud: bolee 200 rabotnikam krasnodarskoy avtoremontnoy kompanii vyplatili zaderzhannuyu zarplatu* [Federal Service for Labor and Employment. Rostrud: More than 200 employees of a Krasnodar auto repair company were paid delayed wages]. [Online] Available from: <https://rostrud.gov.ru/inspections/>

30. Russian Federation. (2020) *O prosrochennoy zadolzhennosti po zarabotnoy plate na 1 iyulya 2020 goda* [About overdue wages as of July 1, 2020]. [Online] Available from: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/128.htm

31. Rostrud, Russian Federation. (n.d.) *Rostrud pomog 220 tys. grazhdanam vernut' dolgi po zarplate* [Rostrud helped 220 thousand citizens repay their wage debts]. [Online] Available from: <https://xn--80akibcicpdbetz7e2g.xn--p1ai/news/show/1789>

32. Shadrin, I.A. (2019) Rol' organov prokuratury v zashchite trudovykh prav grazhdan Krymskiy yuridicheskiy institut (filial) Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii [The role of the prosecutor's office in protecting the labor rights of citizens. Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation]. *Uchenye*

zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 5(71), № 1.

33. Sitkovskiy, I.V. (2003) *Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits* [Criminal liability of legal entities]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторах:

Зорина Е.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: zorina_lena@mail.ru

Метельков А.Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры прикладной математики и информационных технологий Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: metelkov5178@mail.ru

Трапезникова М.М., кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: marina-tr@yandex.ru

Медведева А.А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: anutinglaz@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zorina E.A., St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: zorina_lena@mail.ru

Metelkov A.N., St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: metelkov5178@mail.ru

Trapeznikova M.M., St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: marina-tr@yandex.ru

Medvedeva A.A., St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: anutinglaz@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2022;
одобрена после рецензирования 24.03.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 22.11.2022;
approved after reviewing 24.03.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 340.312
doi: 10.17223/22253513/50/5

О государственно-правовом компоненте доктринальных (научных) правовых понятий и категорий

Владимир Валентинович Кожевников¹

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия, kta6973@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются некоторые правовые понятия и категории (национальная правовая система, правовое регулирование, правопорядок), которые, являясь доктринальными (научными), содержат так называемый государственно-правовой компонент, отражающий взаимодействие государства и позитивного права.

Ключевые слова: доктринальные (научные) понятия и категории, взаимодействие государства и права, национальная правовая система, правовое регулирование, правопорядок, позитивная юридическая ответственность

Для цитирования: Кожевников В.В. О государственно-правовом компоненте доктринальных (научных) правовых понятий и категорий // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 62–75. doi: 10.17223/22253513/50/5

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/5

On the state-legal component of doctrinal (scientific) legal concepts and categories

Vladimir V. Kozhevnikov¹

¹ Omsk State University, Omsk, Russian Federation, kta6973@rambler.ru

Abstract. In the scientific article the subject of the research are doctrinal (scientific) concepts and categories. The latter are understood as the most general, extremely broad legal generalisations (concepts), reflecting the main properties of phenomena of state-legal reality. It is argued that doctrinal concepts and categories should, firstly, correspond (not contradict) to legal (official) concepts; secondly, in their content have the so-called state-legal component reflecting the interaction of the state and positive law.

The national legal system, legal regulation and the rule of law were analysed as examples of legal concepts and categories. The national legal system is the most voluminous legal category, which is the result of the state's activity and is necessary to achieve certain goals. These provisions serve as a basis to critically evaluate the views of scholars who include in the content

of the national legal system and negative legal phenomena (legal nihilism, offences, the looseness of law, its inconsistency, etc.). It seems reasonable to believe that the national legal system is an element of state sovereignty, with the help of which the state makes its dictates binding, implements its internal and external functions.

The state-legal component is contained in the concept of "legal regulation", bearing in mind that modern states, in carrying out legal regulation, most often create norms of positive law themselves, but in some cases resort to sanctioning those norms of law created by non-state organisations or give legal force to certain non-legal norms.

With regard to the category of law and order, it should be borne in mind that the leading subject of establishing and protecting the rule of law is the state. Therefore, there are reasons to operate with such a category as state-legal order.

Keywords: doctrinal (scientific) concepts and categories, interaction of the state and law, national legal system, legal regulation, law and order, positive legal responsibility

For citation: Kozhevnikov, V.V. (2023) On the state-legal component of doctrinal (scientific) legal concepts and categories. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 62–75. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/5

Как известно, кроме легальных (официальных) понятий, категориально-понятийный аппарат юриспруденции составляют доктринальные (научные) понятия и категории, которые, во-первых, должны соответствовать (не противоречить) первым, а во-вторых, в своем содержании иметь так называемый **государственно-правовой компонент** (здесь и далее выделено нами. – В.К.), отражающий взаимодействие, порой сложное и противоречивое, государства и позитивного права.

Правовые понятия – содержательные научные представления, воспроизводящие идеально в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающие специфически их юридическую качественную определенность. Понятия выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Правовые понятия и термины – своеобразный и единственный в своем роде «строительный материал», используемый законодателем при конструировании и изложении правовых норм. Правовые понятия заключают в себе в концентрированном виде информацию о реальной и желательной действительности и позволяют правовым нормам относительно лаконично и обобщенно моделировать значимые для правового воздействия определенные ситуации. Имея предметом отражения в форме обобщения соответствующие государственно-правовые явления, правовые понятия, закрепленные в тексте закона, становятся **понятиями права**. А.Ф. Малый обоснованно утверждал, что «не каждое научное определение может формализовано, т.е. найти адекватное отражение в норме закона» [1. С. 95].

На основе понятий права базируются представления и оценки социальной направленности законов, их технико-юридические достоинства. Правовые понятия – это сгустки знаний об определенных социальных реалиях, а также информация о волевых устремлениях законодателя, обращенных в будущее. Для юриста понятия имеют чрезвычайно важное значение, ибо

они, как содержательные научные абстракции, в концентрированной форме выражают накопленные знания о государстве и праве. Это, образно говоря, своеобразные «кирпичики», из которых строится здание правовой науки. Научный характер они приобретают при условии, если объективно и достоверно отражают такие сложные явления, как право и государство. Правовые и государствоведческие понятия в этом смысле есть копия, слепок соответствующих государственно-правовых реалий.

Принято считать, что наиболее общие, предельно широкие правовые обобщения (понятия), отражающие основные свойства явлений государственно-правовой действительности (на надпонятийном уровне), выступают как **правовые категории**.

Сходство здесь действительно есть, однако есть и принципиальные несовпадения.

В юридической науке правовые категории понимаются как «систематизированная форма выражения правового знания, своеобразные сгустки человеческой мысли, совокупность таких мыслей, вобравших в себя знания о государственно-правовых явлениях, их свойствах и признаках» [2. С. 34].

В определенном смысле правовые категории, если пренебречь методологической строгостью, можно представить как предельные правовые понятия. В то же время от правовых понятий категории права существенно отличаются. Правовые категории выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений. Они отличаются своей фундаментальностью, представляя собой логическую основу, вокруг которой выстраивается система понятий, образуя «гнездо», «семью» правовых понятий, их логический ряд («право», «государство», «действие права», «правовая система», «правовая среда», «правовая культура» и др.). Так, В.И. Червонюк и соавт., рассматривая **правовую систему** как правовую категорию, обоснованно отмечали, что «правовая система... “притягивает” к себе все те явления правовой действительности, которые так или иначе характеризуют (“проявляют”) право, правовую доктрину, господствующее правосознание, тип правовой системы, правовой менталитет нации, нормы права...» [2. С. 50].

Чтобы наша позиция о государственно-правовом компоненте научных понятий и категорий была обоснована, следует привести некоторые примеры первых.

Итак, пожалуй, самой объемной и одновременно дискуссионной категорией юриспруденции является национальная правовая система. Не вдаваясь в научный спор о содержании правовой системы, который нашел отражение в юридической литературе [3. С. 37–49], обратим внимание лишь на те общетеоретические положения, которые представляют интерес в контексте настоящей научной статьи.

При всей дискуссионности вопроса о понятии правовой системы следует, на наш взгляд, особо обратить внимание в контексте данного вопроса

на позицию Р.В. Енгибаряна и Ю.К. Краснова, которые, рассуждая о правовой системе, пишут, что она **«результат деятельности государства, обусловлена объективными закономерностями развития общества и необходима государству для достижения определенных целей»** [4. С. 393]. В принципе данное положение не противоречит понятию правовой системы, которая трактуется как «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (**государством**) и используемый ими для достижения своих целей» [5. С. 290]. Л.А. Морозова обоснованно полагает, что «правовая система раскрывает **правовое развитие страны, конкретного народа, черты, присущие только данному государству**» [6. С. 159].

Думается, что вышеизложенные положения могут служить основанием того, чтобы правовую систему именовать **как государственно-правовую систему**. Более того, позиции ученых, подчеркивающие непосредственное взаимодействие государства, права и иных правовых явлений национальной правовой системы, позволяют критически оценивать взгляды тех авторов, которые, по тем или иным основаниям, включают в ее содержание и негативные правовые явления (правовой нигилизм, правонарушения, пробельность права, его противоречивость и т.д.) [7. С. 6; 8. С. 28; 9. С. 8].

В качестве обобщающего признака государства необходимо назвать **государственный суверенитет** – верховное, неотчуждаемое право государства самостоятельно решать свои вопросы внутреннего и внешнего характера, соблюдая законность и общепризнанные принципы и нормы международного права. Иными словами, это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на собственной территории и за ее пределами в международном общении. Это независимость государственной власти от всякой иной (политической и идеологической) внутри страны и вне ее, выраженная в ее исключительном, монопольном праве самостоятельно и свободно решать все свои дела.

Нетрудно понять, что государственный суверенитет имеет две стороны: **внутреннюю**, предполагающую исключительное, монопольное право на законодательство, управление и юрисдикцию внутри страны в пределах, и **внешнюю** самостоятельность и независимость во внешних делах, недопустимость вмешательства во внутренние (внутригосударственные) дела извне, кроме ограниченного числа случаев, предусмотренных международным правом.

Государственный суверенитет предполагает, что власть государства стоит над властью других организаций, партий и т.д., находящихся на территории данного государства; в международных отношениях он выражается в том, что власть данного государства не обязана, как правило, выполнять приказы других государств.

Государственный суверенитет, обеспеченный специальными средствами воздействия (армия, правоохранительные органы, специальные организаци-

онные средства), имеет **универсальный характер** – только решение государственной власти распространяется на все население и иные организации данной страны; **прерогативу** – возможность государства отменить и признать ничтожными любые незаконные действия другой общественной власти, а с **юридической точки зрения** суверенитет проявляется в исключительном праве на издание законов, других нормативно-правовых и правоприменительных актов, имеющих обязательный характер; в законном применении силы, в том числе физической.

Однако заметим, что не всякое государство непременно суверенно. Так, средневековые государства не могли считаться таковыми, ибо не обладали внешней независимостью: внутригосударственная власть ограничивалась властью церкви. В современном мире суверенитетом не обладают субъекты федерации (например, американские штаты; республики, входящие в состав Российской Федерации, хотя в Конституции Российской Федерации они обозначены государствами). Он свойственен лишь федерации в целом.

Представляется, что интерес представляет позиция О.В. Мартышина, утверждавшего, что «хотя суверенитет рассматривается ныне как важнейшее свойство или признак любого государства, понятие это сложилось сравнительно поздно, в эпоху становления абсолютизма в Западной Европе, когда велась напряженная война за политическую власть» [10. С. 104].

Обращаясь к истории становления и развития государственного суверенитета и его теории, одни авторы предлагают использовать при этом своего рода количественный, а точнее, временной критерий. Суть его в конечном счете сводится к «расчленению» всей истории развития рассматриваемого явления и отражающих его идей на определенные временные отрезки и последовательному их изучению. Такую позицию занимал, в частности, Л. Оппенгейм, который рассматривал понятие суверенитета, соответственно, в XVI–XVII вв., со времени его появления и первоначального развития, затем – в отдельности в XVIII–XIX вв. и, наконец, исследовал проблемы суверенитета в XX в. [11. С. 132–135]. Аналогичную позицию в отношении целесообразности и оправданности использования временного («количественного») критерия в процессе изучения истории становления и развития государственного суверенитета и отражающих его идей занимают и некоторые современные исследователи. Например, С. Грохальски считает, что, «для того чтобы внести некоторую ясность в понимание термина, мы прежде всего должны выделить три этапа формирования понятия “суверенитет”: предысторию (до XVI в.), историю (XVII–XIX вв.) и современность (XX в.)» [12. С. 4].

М.Н. Марченко, замечая, что, будучи впервые введенным в политическую науку Ж. Боденом в XVI в. как «суверенитет, данный государю» для «осуществления суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении» [13. С. 34–35], подчеркивал, что он по мере развития общества и государства постепенно эволюционировал сначала в сторону отделения от главы государства и перехода к

самому государству, а затем был распространен на высшие государственные органы (например, на парламент Великобритании в конце XIX – начале XX в.), на общество, точнее, народ (народный суверенитет), нацию (национальный суверенитет) [14. С. 79].

В.С. Шевцов трактует государственный суверенитет как совокупность неотъемлемых и органически присущих государственной власти свойств, выражающих ее сущность и проявляющихся в соответствующих политико-правовых формах во внутренней и внешней деятельности государства. К таким свойствам относятся верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость от какой-либо власти в международно-правовом общении [15. С. 107]. По мнению Н.И. Грачева, наличие в государстве верховной власти и считается фактическим реальным выражением его суверенитета [16. С. 23–24].

Отметим, что, будучи по своей природе и характеру политико-правовой, а точнее – **государственно-правовой категорией** [12. С. 24], понятие суверенитета охватывает собой и отражает в себе и другие сферы жизни общества: экономическую, идеологическую, социальную и т.д. [17. С. 186–187].

Интересным представляет то, что дефиницию «юрисдикция» часто связывают с категорией «суверенитет». Так, И.И. Лукашук в свое время считал, что «юрисдикция вытекает из суверенитета государства и означает его законодательную, судебную и административную власть, ее объем и сферу действия» [18. С. 252].

И.Д. Левин, изучавший феномен государственного суверенитета, указывая, что «принцип суверенитета был сформулирован в XVI в. и сразу же признан основным принципом государственной науки», говоря о рабовладельческом государстве, писал, что «мы можем говорить здесь лишь о приближении к суверенитету, а не о полном суверенитете государственной власти», определял «Римскую империю прообразом суверенного абсолютистского государства». В отношении же русского феодального государства ученый замечал следующее: «Политические условия развития русского государства в **XV–XVI вв.** благоприятствовали фактическому утверждению принципа суверенитета в государственной практике. Этот принцип был здесь сформулирован в виде самодержавия (в его первоначальном смысле независимой, производной власти). В этом отношении московское государство оказалось впереди современных ему западноевропейских государств» [19. С. 9, 185, 220].

На наш взгляд, отсутствие правовой системы общества как таковой на определенных исторических этапах его развития можно обосновать с позиции одного из признаков первой, предложенного В.Н. Карташовым, согласно которой «она (правовая система. – В.К.) является важнейшим элементом государственного суверенитета», с помощью которого «государство делает свои веления обязательными, осуществляет свои внутренние и внешние функции» [20. С. 50]. В принципе это положение соответствует точке зрения Ю.А. Тихомирова, полагающего, что национальные правовые системы создаются и действуют «как проявление суверенитета государства,

использующих и защищающих свое право в собственных целях» [7. С. 6]. В другой работе этот ученый, оперируя термином «правовой суверенитет», который, с точки зрения внутреннего аспекта, предполагает, в частности, «построение национальной правовой системы на основе тех или иных правовых идей и концепций» [21. С. 6].

Если размышлять логически, то получается, что при утрате государством своего суверенитета, который в условиях переосмысления его теории и практики пытаются представить лишь политическим синонимом конкурентоспособности [22], исчезает и национальная правовая система.

А.Н. Кольев в этой связи утверждает следующее: «Попытка очистить политический дискурс от лишних понятий привела некоторых исследователей к выводу, что термин “суверенитет” не имеет четкого определения и связанное с ним теории запутанны и часто сбивают с толку. Было обнаружено шесть различных понятий “суверенитет”, плохо согласующихся между собой. Предлагалось даже отказаться от столь многозначного термина». Ученый тем не менее полагает, что «распространенным аргументом против такого подхода является научная традиция, которая именно в термине «суверенитет» отражает устойчивость государств, чье существование определяет историю человечества многие сотни лет. Отказ от понятия “суверенитет”, обусловленный будто осложнившимися взаимовлияниями и взаимозависимостью современных государств, разрушил бы существующие опоры гражданского общества...» [23. С. 220]. Ученые утверждают, что «лишение государства суверенитета означало бы фактическое прекращение его существования или смертельную угрозу для его существования» [24. С. 46].

Другой пример понятия, содержащий государственно-правовой компонент, – **правовое регулирование**, являющееся первичным понятием по отношению к понятию «механизм правового регулирования».

В общей теории права значимое место занимает проблема правового регулирования, которая трактуется как осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, иных объективных факторов.

Правовое регулирование, наряду с иными признаками (это воздействие, которое осуществляется с помощью системы юридических средств, оно предполагает работу механизма правового регулирования и др.) рассматривается через призму того, что это государственное регулирование, поскольку нормы позитивного права устанавливаются или санкционируются государством, опираются на возможность применения принудительной силы государства. Н.А. Пьянов в этой связи замечает: «...тот факт, что в ряде случаев нормы позитивного права могут устанавливаться негосударственными органами или непосредственно народом, не меняет существа дела, так как негосударственные организации, а также народ устанавливают нормы с санкции (разрешения) государства» [25. С. 321].

Справедливости ради отметим, что не все ученые безоговорочно признают только государственный характер правового регулирования. Так, коллектив авторов полагает, что своим содержанием правовое регулирование охватывает:

1) специфическую деятельность государства (его нормотворческих органов), связанную с выработкой юридических установлений и определением юридических средств обеспечения их действенности. В указанном аспекте содержанием правового регулирования охватывается многообразная деятельность нормотворческих органов государства, связанная с выбором типа, методов, способов регламентации, определением соотношения нормативных и индивидуализированных средств регулирования, т.е. формированием того юридического инструментария, который объективно необходим в данных социально-экономических и политических условиях для обеспечения нормального функционирования гражданского общества, его институтов, организации жизнедеятельности людей на цивилизованных началах;

2) деятельность непосредственных участников общественных отношений, направленную на поиск и привлечение средств юридического регулирования для согласования своего поведения с правом (его принципами, целями).

По мнению ученых, выделение данного вида правовой регуляции (наряду с государственным регулированием) согласуется с современными взглядами на правопонимание (и преобразование), исключает на практике утверждение монополии государства на «производство» права. Такой вывод вытекает из самой природы общедозволительного принципа организации правовой жизни цивилизованного строя и, соответственно, на социальной обусловленности права, которая всегда динамичнее правотворческой деятельности государства. С этой позиции правовое регулирование может быть представлено как государственным регулированием, так и регулированием, осуществляемым непосредственно адресатами права, т.е. саморегуляцией. Главным образом государственное регулирование права распространяется на публично-правовую сферу, а саморегуляцией охвачена сфера действия частного права [2. С. 97].

Принимая во внимание данную точку зрения, следует все-таки отметить, что, во-первых, и частное, и публичное право основываются на нормах, исходящих от государства; во-вторых, «чистых» отраслей публичного и частного права не существует.

Н.А. Пьянов в свое время утверждал, что «современные государства, осуществляя регулирование общественных отношений, чаще всего сами создают нормы позитивного права, но в некоторых случаях прибегают к санкционированию: они или разрешают создание таких норм каким-либо негосударственным организациям, или придают юридическую силу отдельным неправовым нормам» [26. С. 7].

Следует учитывать, что и сами правовые средства характеризуются как государственные средства. С позиции А.В. Малько, «правовые средства создают общие, гарантированные государством и обществом возможности

для усиления позитивных регулятивных факторов и одновременно для устранения препятствий (негативных факторов), стоящих на пути упорядочения социальных связей» [27. С. 355].

«Эффективно действующие нормы, – подчеркивает В.М. Сырых, – призваны закреплять такие юридические средства, которые позволили бы нейтрализовать негативные факторы и усилить действие позитивных. В противном случае действие негативных факторов будет более интенсивным, чем правовых средств. Соответственно, и результаты действия норм права будут иными, чем планировал правотворческий орган» [28. С. 10].

Думается, что не вызывает сомнения утверждение о том, что конечной целью работы механизма правового регулирования является **правопорядок**, т.е. фактическая упорядоченность общественных отношений с помощью норм позитивного права. Н.Н. Вопленко полагает, что «законность... “выливается” в правовой порядок. Он, таким образом, представляет собой результат осуществления законности, воплощается в объективно сложившийся в данном обществе системе правовых отношений» [29. С. 105].

С позиции Д.Н. Круглова и В.П. Реутова, «правопорядок есть категория, претендующая на описание конечной цели осуществления права» [30. С. 328].

Реальная роль тех или иных субъектов права в обеспечении режима законности и правопорядка определяется их правовым статусом и местом в процессе реализации права. Нет необходимости доказывать, что ведущим субъектом установления и охраны правопорядка, поддержания режима законности является государство, «поскольку именно в обеспечении **государственно-правового порядка** и заключается процесс функционирования всех государственных институтов и как динамический, деятельностно-содержательный аспект проявления сущности государства, и как института публичной власти, и как законодателя, и как правоприменителя, и как публично-властной правозащитной организации и гаранта режима законности и правопорядка» [31. С. 366]. Прав В.С. Нерсисянц, отмечая, что «государство – это не организация для решения экономических, культурных, экологических и иных сходных задач», а институт, обеспечивающий «надлежащий государственно-правовой порядок их решения» [32. С. 258].

Как только государство перестает обеспечивать государственно-правовой порядок жизнедеятельности общества, начинается процесс распада государственности. Он может приобретать совершенно различные формы: стагнация национальной экономики и ее возрастающая зависимость от международной экономической конъюнктуры; деформация единого экономического и правового пространства; кризис систем социальной защиты населения здравоохранения и, как следствие, расслоение общества на узкий круг богатых и преобладающую массу малообеспеченных граждан; увеличение удельного веса населения, живущего за чертой бедности; рост безработицы; резкое сокращение рождаемости средней продолжительностью жизни в стране; деформация демографического и социального состава общества;

подрыв трудовых ресурсов как основы развития производства; неспособность защитить общество от чуждой идеологической экспансии и, как следствие, деформация национальных духовных ценностей [31. С. 336–337].

Не трудно понять следующее: разрушение, деформация правопорядка самым непосредственным образом негативно влияют на национальную безопасность в самых различных формах (пространственной, политико-правовой, социально-экономической, экологической, культурной), учитывая тесную связь этих категорий. С.Н. Бабурин, признавая безопасность государства его признаком, полагает, что «безопасность территории является условием существования и развития государства, ибо невозможно ни то ни другое при отсутствии как неприкосновенности границ государства, так и саморегулирования государством правового режима территории» [33. С. 65]. И в обеспечение безопасности государства неocenимую роль играет механизм правового регулирования, все его правовые средства, функционирующие в совокупности. Обратим внимание на, что нами национальная безопасность и государственная безопасность отождествляются. В этой связи совершенно обоснованно утверждается А.Н. Кольевым, что «концепция национальной безопасности должна относиться прежде всего к государству и рассматривать угрозы его существованию, как внутренние, так и внешние» [23. С. 484].

В заключение подчеркнем, что наличие государственно-правового компонента является чрезвычайно важным для признания доктринальных понятий и категорий как таковых. Напротив, игнорирование указанного компонента как раз и привело к появлению в юридической науке, например, такого феномена, как позитивная юридическая ответственность, претендующего на статус правового понятия. Юридическая ответственность в позитивном смысле предполагает осознание субъектом права своего долга (особых обязанностей) перед обществом, коллективом, социальными группами. Таковую ответственность субъект возлагает на себя как бы за будущие результаты своего правомерного поведения. Полагаю, что позитивная юридическая ответственность не развивает теорию юридической ответственности, а, наоборот, ее тормозит, ставит все «с ног на голову». Она не имеет собственно юридической специфики и ничем не отличается от общесоциальной ответственности.

Как замечает И.А. Кузьмин, «позитивная юридическая ответственность на сегодняшний день является достаточно спорной категорией, которая по сути не имеет своего самостоятельного места в юриспруденции» [34. С. 15].

Думается, что в этой связи следует согласиться с учеными, что позитивная юридическая ответственность вообще не укладывается в категориальный аппарат юридической науки, не признается явлением юридическим из-за отсутствия должного содержания правовых компонентов [35. С. 273; 36. С. 462].

Список источников

1. Малый А.Ф. Государственная власть как правовая категория // Государство и право. 2001. № 3. С. 94–99.

2. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права : учеб. пособие / под общ. ред. В.И. Червонюка М. : КолосС, 2003. 544 с.
3. Кожевников В.В. Право и правовая система: к проблеме терминологической точности (общетеоретический и историко-правовой аспекты) // Государство и право. 2020. № 2. С. 37–49.
4. Енгибарян Р.В., Краснов Ю.К. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Норма, 2003. 575 с.
5. Перевалов В.Д. Правовая система общества: структура и закономерности развития // Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2007. С. 290–303.
6. Морозова Л.А. Теория государства и права. Повторительный курс в вопросах и ответах. М.: Эксмо, 2003. 285 с.
7. Тихомиров Ю.А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. 1999. № 8. С. 5–12.
8. Захарова М.В. Французская правовая система: теоретический анализ. М. : Проспект, 2016. 162 с.
9. Сорокин В.В. К понятию правовой системы // Правоведение. 2003. № 2. С. 4–14.
10. Мартышин О.В. Понятие и сущность государства // Теория государства и права / под ред. О.В. Мартышина. М. : Норма, 2017. С. 87–126.
11. Оппенгейм Л. Международное право. М. : Гос. изд-во иностранной литературы, 1948. Т. 1. Мир: Полумтом 1. 408 с.
12. Грохальски С. Государства в решении современных глобальных проблем (Международно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. 43 с.
13. Боден Ж. Шесть книг о государстве // История политических и правовых учений: хрестоматия. Ч. 1. Зарубежная политико-правовая мысль / сост. В.В. Ячевский. Воронеж : Воронеж. ун-т, 2000. 1000 с.
14. Марченко М.Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2008. 399 с.
15. Шевцов В.С. Суверенитет Советского государства. М. : Юрид. лит., 1972. 264 с.
16. Грачев Н.И. Верховная власть как реальное выражение суверенитета государства // Право и правоприменение: история, проблемы, тенденции, перспективы : сб. науч. ст. / отв. ред. С.Л. Никонович. Липецк : МИПиЭ, 2003. Вып. 2. С. 24–32.
17. Марченко М.Н. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия и содержания // Правоведение. 2003. № 1. С. 186–197.
18. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть. М. : Волтерс Клувер, 2005. 432 с.
19. Левин И.Д. Суверенитет. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. 373 с.
20. Карташов В.Н. Правовая система общества : учеб. пособие : в 2 т. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2006. Т. 1. 547 с.
21. Тихомиров Ю.А. Правовой суверенитет: сферы и гарантии // Журнал российского права. 2013. № 3. С. 5–20.
22. Сурков В. Суверенитет– это политический синоним конкурентноспособности. М. : Ленанд, 2006. 80 с.
23. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М. : Логос, 2005. 800 с.
24. Карева М.П., Кечебян С.Ф., Федосеева А.С., Федькин Г.И. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Госюриздат, 1955. 460 с.
25. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2010. 583 с.
26. Пьянов Н.А. Государственное регулирование и его механизм : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2010. 151 с.

27. Малько А.В. Проблемы правовых средств// Проблемы теории государства и права : учеб. пособие / под ред. М.Н. Марченко. М. : Юрист, 2002. С. 354–372.
28. Сырых В.М. Истинность и правильность как критерии теоретической эффективности норм права // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования / отв. ред. В.М. Сырых, Ю.А.Тихомирова. М. : Издание, 1997. С. 9–28.
29. Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок. Волгоград : Волгоград. гос. ун-т, 2006. 136 с.
30. Круглов Д.Н., Реутов В.П. Правопорядок: философско-правовой разбор // Философия права : курс лекций : в 2 т. /отв. ред. М.Н. Марченко М. : Проспект, 2011. Т. 2. С. 328–335.
31. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика : учеб. пособие. М. : Юнити-ДАНА, Закон и право, 2007. 479 с.
32. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник. М. : Норма, 2010. 552 с.
33. Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 480 с.
34. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и ее реализация : учеб. пособие. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2013. 219 с.
35. Шабуров А.С. Правомерное поведение. Правонарушение. Юридическая ответственность//Теория государства и права : учебник / отв. ред. В.Д. Перевалов. М. : Норма, 2007. С. 259–274.
36. Шепелев В.И. Юридическая ответственность //Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И. Теория государства и права : учебник. Ростов н/Д : Феникс, 2006. С. 438–469.

References

1. Malyy, A.F. (2001) Gosudarstvennaya vlast' kak pravovaya kategoriya [State power as a legal category]. *Gosudarstvo i pravo*. 3. pp. 94–99.
2. Goyman-Kalinskiy, I.V., Ivanets, G.I. & Chervonyuk, V.I. (2003) *Elementarnye nachala obshchey teorii prava* [Elementary Principles of the General Theory of Law]. Moscow: Kolos.
3. Kozhevnikov, V.V. (2020) Pravo i pravovaya sistema: k probleme terminologicheskoy tochnosti (obshcheteoreticheskiy i istoriko-pravovoy aspekt) [Law and legal system: On terminological accuracy (general theoretical and historical-legal aspects)]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 37–49.
4. Engibaryan, R.V. & Krasnov, Yu.K. (2003) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma.
5. Perevalov, V.D. (2007) Pravovaya sistema obshchestva: struktura i zakonomernosti razvitiya [The legal system of society: The structure and patterns of development]. In: Perevalov, V.D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 290–303.
6. Morozova, L.A. (2003) *Teoriya gosudarstva i prava. Povtoritel'nyy kurs v voprosakh i otvetakh* [Theory of Government and Rights. A Refresher Course in Questions and Answers]. Moscow: Eksmo.
7. Tikhomirov, Yu.A. (1999) Pravo: natsional'noe, mezhdunarodnoe, sravnitel'noe [Law: national, international, comparative]. *Gosudarstvo i pravo*. 8. pp. 5–12.
8. Zakharova, M.V. (2016) *Frantsuzskaya pravovaya sistema: teoreticheskiy analiz* [The French legal system: theoretical analysis]. Moscow: Prospekt.
9. Sorokin, V.V. (2003) K ponyatiyu pravovoy sistemy [To the concept of the legal system]. *Pravovedenie*. 2. pp. 4–14.
10. Martyshin, O.V. (2017) Ponyatie i sushchnost' gosudarstva [The concept and essence of the state]. In: Martyshin, O.V. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 87–126.

11. Oppenheim, L. (1948) *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo inostrannoy literatury.
12. Grokhalski, S. (1998) *Gosudarstva v reshenii sovremennykh global'nykh problem (Mezhdunarodno-pravovye aspekty)* [States in solving modern global problems (international law aspects)]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
13. Boden, J. (2000) *Shest' knig o gosudarstve* [Six books about the state]. In: Yachevskiy, V.V. (ed.) *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy* [History of Political and Legal Doctrines]. Vol. 1. Voronezh: Voronezh State University.
14. Marchenko, M.N. (2008) *Gosudarstvo i pravo v usloviyakh globalizatsii* [State and Law in the Context of Globalization]. Moscow: Prospekt.
15. Shevtsov, V.S. (1972) *Suverenitet Sovetskogo gosudarstva* [Sovereignty of the Soviet State]. Moscow: Yurid. lit.
16. Grachev, N.I. (2003) *Verkhovnaya vlast' kak real'noe vyrazhenie suvereniteta gosudarstva* [Supreme power as a real expression of the state sovereignty]. In: Nikonovich, S.L. (ed.) *Pravo i pravoprimenenie: istoriya, problemy, tendentsii, perspektivy* [Law and Law Enforcement: History, Problems, Trends, Prospects]. Vol. 2. Lipetsk: MIPiE. pp. 24–32.
17. Marchenko, M.N. (2003) *Gosudarstvennyy suverenitet: problemy opredeleniya ponyatiya i sodержaniya* [State sovereignty: Problems of defining the concept and content]. *Pravovedenie*. 1. pp. 186–197.
18. Lukashuk, I.I. (2005) *Mezhdunarodnoe pravo. Obshchaya chast'* [International Law. A General Part]. Moscow: Volters Kluver.
19. Levin, I.D. (2003) *Suverenitet* [Sovereignty]. St. Petersburg: Yurid. tsentr Press.
20. Kartashov, V.N. (2006) *Pravovaya sistema obshchestva* [Legal System of Society]. Vol. 1. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
21. Tikhomirov, Yu.A. (2013) *Pravovoy suverenitet: sfery i garantii* [Legal sovereignty: Spheres and guarantees]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 5–20.
22. Surkov, V. (2006) *Suverenitet – eto politicheskii sinonim konkurentnosposobnosti* [Sovereignty is a political synonym for competitiveness]. Moscow: Lenand.
23. Koliev, A.N. (2005) *Natsiya i gosudarstvo. Teoriya konservativnoy rekonstruktsii* [Nation and State. The Theory of Conservative Reconstruction]. Moscow: Logos.
24. Kareva, M.P., Kechekyan, S.F., Fedoseeva, A.S. & Fedkin, G.I. (1955) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Gosyurizdat.
25. Pyanov, N.A. (2010) *Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava* [Consultations on the Theory of State and Law]. Irkutsk: Irkutsk State University.
26. Pyanov, N.A. (2010) *Gosudarstvennoe regulirovanie i ego mekhanizm* [State Regulation and its Mechanism]. Irkutsk: Irkutsk State University.
27. Malko, A.V. (2002) *Problemy pravovykh sredstv* [Problems of legal means]. In: Marchenko, M.N. (ed.) *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the Theory of State and Law]. Moscow: Yurist". pp. 354–372.
28. Syrykh, V.M. (1997) *Istinnost' i pravil'nost' kak kriterii teoreticheskoy effektivnosti norm prava* [Truth and correctness as criteria for the theoretical effectiveness of legal norms]. In: Syrykh, V.M. & Tikhomirov, Yu.A. (eds) *Effektivnost' zakona. Metodologiya i konkretne issledovaniya* [Effectiveness of the Law. Methodology and Specific Research]. Moscow: Izdanie. pp. 9–28.
29. Voplenko, N.N. (2006) *Zakonnost' i pravovoy poryadok* [Legality and Legal Order]. Volgograd: Volgograd State University.
30. Kruglov, D.N. & Reutov, V.P. (2011) *Pravoporyadok: filosofsko-pravovoy razbor* [Legal order: A philosophical and legal analysis]. In: Marchenko, M.N. (ed.) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Vol. 2. Moscow: Prospekt. pp. 328–335.
31. Avrutin, Yu.E. (2007) *Gosudarstvo i pravo. Teoriya i praktika* [State and Law. Theory and Practice]. Moscow: YuNITI-DANA, Zakon i parvo.
32. Nersesyants, V.S. (2010) *Obshchaya teoriya prava i gosudarstva* [General Theory of Law and State]. Moscow: Norma.

33. Baburin, S.N. (1997) *Territoriya gosudarstva: pravovye i geopoliticheskie problem* [Territory of the State: Legal and Geopolitical Problems]. Moscow: Moscow State University.
34. Kuzmin, I.A. (2013) *Yuridicheskaya otvetstvennost' i ee realizatsiya* [Legal Responsibility and its Implementation]. Irkutsk: Irkutsk State University.
35. Shaburov, A.S. (2007) *Pravomernoe povedenie. Pravonarushenie. Yuridicheskaya otvetstvennost'* [Lawful behavior. Offense. Legal liability]. In: Perevalov, V.D. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Norma. pp. 259–274.
36. Shepelev, V.I. (2006) *Yuridicheskaya otvetstvennost'* [Legal liability]. In: Lyubashits, V.Ya., Smolenskiy, M.B. & Shepelev, V.I. (eds) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Rostov-on-Don: Feniks. pp. 438–469.

Информация об авторе:

Кожевников В.В., профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: kta6973@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kozhevnikov V.V., Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kta6973@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.08.2022;
одобрена после рецензирования 24.12.2022; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 13.08.2022;
approved after reviewing 24.12.2022; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 340.1; 342.4
doi: 10.17223/22253513/50/6

Экологическая функция государства

Анна Викторовна Кукушкина¹

¹ *Московский государственный институт международных отношений МИД России, Москва, Россия, a.kukushkina@inno.mgimo.ru*

Аннотация. В связи с весьма сложной экологической обстановкой экологическая функция государства приобретает приоритетное значение по сравнению с другими функциями. В юридической науке большинство ученых под функциями понимают направления (и стороны) деятельности государства, выражающие его сущность и социальное назначение в обществе. Экологическая функция государства направлена на бережное отношение к природе, охрану природных ресурсов и окружающей среды, борьбу с экологическим правонарушениями.

Ключевые слова: правовая охрана окружающей среды, государство, внутренние и внешние функции государства

Для цитирования: Кукушкина А.В. Экологическая функция государства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 76–88. doi: 10.17223/22253513/50/6

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/6

Ecological function of the state

Anna V. Kukushkina¹

¹ *Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation, a.kukushkina@inno.mgimo.ru*

Abstract. In view of the very complex environmental situation, the environmental function of the state acquires priority importance.

The state is a sovereign organisation of special political power, externally expressed in the apparatus of governance and coercion. It is the central element (subject) of the political system.

In philosophical literature, function is understood as the role that a social institution performs in relation to the needs of a social system of a higher level of organisation or the interests of its constituent classes, social groups and individuals, as well as the dependence observed between various social phenomena and processes within a given social system.

The main purpose of the environmental function of the state is to ensure a scientifically sound correlation between the environmental and economic interests of society, to create the necessary guarantees for the implementation and protection of human rights to a clean, healthy and favourable environment, proclaimed by the Constitution

of the Russian Federation. The solution of this task is achieved in the process of interaction between society and nature in three forms: nature management, environmental protection and ensuring environmental safety.

Environmental law is an important component of the state's environmental function; the older environmental law is closely related to it. In advanced countries, the process of incorporating environmental requirements into the provisions of traditional as well as complex branches of law (and legislation) is yielding tangible results. It is observed in criminal, administrative, financial, business and transport law. All three named components form a large-scale branch or even a super-branch of environmental law.

Domestic scientists note the need to start improving and harmonising the system of environmental political and legal acts. Two directions of such improvement are proposed: adoption of separate laws on state policy in a particular sphere or inclusion of chapters directly regulating and defining state policy in the text of separate complex laws. It seems possible to adopt a separate federal law on environmental policy, fixing the main long-term guidelines for the development of legal regulation in the field of environmental protection, nature management and environmental safety.

The ecological function of the state is aimed at careful attitude to nature, protection of natural resources and the environment, fight against environmental offences.

Keywords: legal protection of the environment, state, internal and external functions of the state

For citation: Kukushkina, A.V. (2023) Ecological function of the state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 76–88. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/6

История показывает, что, к сожалению, не существует такого общества, которое гарантировало бы экологическую гармонию человека и окружающей среды. Экологические проблемы, которые так долго загоняли вглубь, вдруг всплыли на поверхность, и это проявляется не только на примере отдельных стран или регионов, но и в масштабе всей Земли.

Глобальность этих процессов обуславливает необходимость сотрудничества, принятия согласованных программ, для того чтобы предотвратить экологическую деградацию. На повестке дня стоит вопрос о разработке такой всеобщей и универсальной модели, которая позволила бы различным государствам достичь определенного уровня жизни, не разрушая при этом окружающую среду.

Задачей номер один будет разработка стратегии выживания. Ее центральным моментом является определенное самоограничение и рациональное использование ресурсов, включение сюда безотходных технологий. Не смотря на то, что решение этой проблемы не имело аналогов в истории, в настоящее время – это единственный путь для выживания человечества.

Несмотря на увеличение в настоящее время количества исследований, посвященных вопросам экологии, которое вызвано обострившейся экологической обстановкой не только в Российской Федерации, но и во всем мире, остается малоизученным правовой аспект решения экологических вопросов.

В связи с весьма сложной экологической обстановкой экологическая функция государства приобретает приоритетное значение.

Государство – это суверенная организация особой политической власти, внешне выраженная в аппарате управления и принуждения. Оно является центральным элементом (субъектом) политической системы.

В философской литературе под функцией понимается роль, которую социальный институт выполняет относительно потребностей общественной системы более высокого уровня организации или интересов составляющих ее классов, социальных групп и индивидов, а также зависимость, наблюдаемая между различными социальными явлениями и процессами в рамках данной общественной системы¹.

Еще К. Маркс писал, что «различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности» [1. С. 499].

В юридической науке большинство ученых под функциями понимают направления (и стороны) деятельности государства, выражающие его сущность и социальное назначение в обществе [2. С. 191].

Так, Т.Н. Радько функции государства определяет как «основные направления деятельности государства, непосредственно выражающие сущность и его назначение. Функции государства объективно обусловлены системой социально-экономических, социально-политических и других факторов и природой данного государства» [3. С. 166].

Одним из важнейших объективных критериев классификации функций служит та или иная сфера общественной жизни, которая подвергается влиянию со стороны государства. По этому основанию все его функции можно разграничить на экономическую, политическую, социальную, идеологическую, экологическую и др. Они предметно раскрывают управленческую природу государства в обществе.

Функции государства – это относительно обособленные направления предметной позитивной деятельности государства по решению стоящих перед ним задач, в которых отражается его сущность, социальное назначение, место и роль в обществе [4. С. 7].

Экологическую функцию государства можно определить как основные направления деятельности государства по охране окружающей среды, что включает в себя комплекс норм, касающихся природоохранительного и природоресурсного права и экологической безопасности, а также борьбу с экологическими правонарушениями и экологическими преступлениями.

Главное назначение экологической функции государства состоит в том, чтобы обеспечить научно обоснованное соотношение экологических и экономических интересов общества, создать необходимые гарантии для реализации и защиты прав человека на чистую, здоровую и благоприятную окружающую среду, провозглашенное Конституцией Российской Федерации. Решение этой задачи достигается в процессе взаимодействия общества и природы в трех формах: природопользования, охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности.

¹ См.: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 751.

Важным компонентом экологической функции государства является природоохранное право; в тесной взаимосвязи с ним находится более старшее по возрасту природоресурсное право. В передовых странах дает ощутимые результаты процесс внедрения экологических требований в положения традиционных, а также комплексных отраслей права (и законодательства). Оно наблюдается в уголовном, административном, финансовом, предпринимательском и транспортном праве. Все три названных компонента образуют масштабную отрасль или даже суперотрасль экологического права [5. С. 438].

Под природопользованием понимается деятельность, связанная с извлечением полезных свойств природной среды и использованием их для удовлетворения экономических, экологических, оздоровительных и культурных интересов человека. Регулируя природопользование, государство стремится придать ему рациональный характер, что означает достижение не только экономического, культурно-оздоровительного эффекта, но и охрану окружающей среды [6. С. 5–6].

Охрана окружающей среды как вид экологической деятельности государства предполагает систему мероприятий по сохранению и воспроизводству действующих экологических цепей, многообразия растительного и животного мира во имя настоящего и будущего поколений.

Во внутреннем праве каждого государства имеются определенные правовые нормы, регламентирующие природоохранение и природопользование [7].

Основными актами на федеральном уровне, которые касаются вопросов обеспечения экологической безопасности, в настоящее время являются: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г.¹); Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ 30 ноября 2016 г.²); Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (ред. от 28.09.2018) (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г.³); Экологическая доктрина Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 31 августа 2002 г.⁴); Стратегия экологической безопасности Российской Фе-

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

² Указ Президента РФ от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 49. Ст. 6886.

³ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 36. Ст. 3510.

дерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г.¹); Федеральный закон от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды»² и др.

Отечественными учеными отмечается потребность приступить к совершенствованию и гармонизации системы экологических политико-правовых актов. Предлагается два направления такого совершенствования: принятие отдельных законов относительно государственной политики в той или иной сфере или включение в текст отдельных комплексных законов глав, прямо регулирующих и определяющих государственную политику. Представляется возможным принять отдельный федеральный закон об экологической политике, закрепив основные долгосрочные ориентиры развития правового регулирования в области охраны окружающей среды, природопользования и обеспечения экологической безопасности [8].

Осуществление экологической безопасности состоит в осуществлении комплекса мер правового, организационного, эколого-экономического, материально-технического и иного характера, направленных на нейтрализацию угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства со стороны природных объектов, загрязненных в результате длительной техногенной деятельности, аварий и катастроф природного и техногенного характера [6].

Учитывая, что деятельность государства направлена на решение как внутренних, так и внешних задач, можно говорить о внутренних и внешних функциях.

Экологическая функция государства направлена на бережное отношение к природе, охрану природных ресурсов и окружающей среды, борьбу с экологическими правонарушениями [4. С. 55].

Внешние функции государства – это направления позитивной деятельности государства по решению стоящих перед ним задач на международной арене. К ним относятся функции: обороны и защиты национальной безопасности страны, обеспечения мира и поддержания мирового порядка; сотрудничества с другими государствами.

Содержание функции обороны и защиты национальной безопасности страны выражается в охране суверенитета и территориальной целостности государства, поддержании достаточного уровня его обороноспособности, обеспечении экономической, политической и военной безопасности.

Функция обеспечения мира и поддержания мирового порядка направлена на предупреждение и устранение межгосударственных и межнациональных конфликтов; разоружение, сокращение и уничтожение ядерного, химического и иного оружия массового уничтожения, предотвращение войн.

¹ Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.

² Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

Функция сотрудничества с другими государствами и различными формами интеграционных объединений (СНГ, ЕС и др.) включает установление и развитие дипломатических, экономических, политических, технических, культурных и иных связей и отношений между различными странами.

Функции государства могут быть постоянными и временными, основными и неосновными. Осуществляются они с помощью юридических (издание законов, их реализация) и неюридических средств, методов убеждения и принуждения [4. С. 56].

Большинство авторов, исследовавших данную проблему, признают экологическую функцию в качестве одной из основных функций государства. Однако нет единого мнения о времени возникновения данной функции. Одни ученые считают, что она возникла с победой Великой Октябрьской социалистической революции [9], другие – в начале 1960-х гг. [10. С. 21].

В 1980 г. В.В. Петровым в статье «Проблемы эколого-правовой терминологии» был использован термин «экологическая функция государства» [11].

Представляется, что следует согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что экологическая функция возникла с созданием нашего государства, ибо уже в первых законодательных актах были закреплены задачи защиты и охраны природы, получившие продолжение в последующем развитии советского и российского законодательства об охране природы, а в последующем – окружающей среды.

Учеными отмечается, что по историческим меркам экологическая функция новая, но значение ее в современном обществе и государстве возрастает. К началу XXI в. эта функция постоянная, требующая осуществления регулярных мер и затрат. Как и всякая функция государства, она имеет свой предмет, содержание, область деятельности, различные способы воздействия [12. С. 549].

В литературе обычно выделяют правотворческую, правоисполнительную и правоохранительную формы осуществления функций государства (Н.Г. Александров, М.И. Байтин, И.С. Самощенко и др.). Другие авторы (С.С. Алексеев, А.В. Мицкевич) добавляют к этому ряду контрольно-надзорную, а В.М. Горшенев – и учредительную деятельность. В.Н. Карташов предлагает более развернутую классификацию. Так, в зависимости от характера преобразования общественных отношений ученый разграничивает правотворческую, правоприменительную, распорядительную и интерпретационную деятельность. В функциональном плане выделяет учредительную, контрольную, правоконкретизирующую, правосистематизирующую и координационную разновидности деятельности, осуществление которых возможно с помощью правотворческих, правоприменительных, распорядительных и праворазъяснительных средств и способов. Причем каждый из отмеченных типов юридической деятельности состоит из определенных видов и подвидов, которые выделяются по самым различным крите-

риям (целям, субъектам, сфере осуществления и т.д.). Предложенная типология имеет существенную практическую ценность при рассмотрении путей формирования правового государства и реализации им экологической и других внутренних и внешних функций [13. С. 23].

Одной из функций права как инструмента управления обществом является экологическая функция. Она осуществляется наряду с традиционными политическими, экономическими и культурно-воспитательными функциями. Ее цель состоит в обеспечении качества окружающей среды в условиях современного развития общества средствами правового регулирования и достигается путем разработки, принятия и применения норм права, отражающих требования экологических потребностей во взаимодействии общества и природы. Особенности экологической функции обусловлены спецификой предмета правового регулирования, т.е. сферы взаимодействия общества и природы как особой сферы общественных отношений. Экологическая функция по своей форме относится к системе права, а по содержанию – к системе экологии.

Отдельные аспекты экологической функции государства, касающиеся ее понятия, содержания, конституционных основ, правовых и организационных форм реализации, деятельности государственной власти, нашли свое отражение в работах О.С. Колбасова [14], Н.Д. Вершило [15], М.И. Васильевой [16], В.В. Петрова [17] и др.

В современном мире у этой функции появился также внешний аспект. В настоящее время необходима новая экологическая политика, которая смогла бы учесть не только внутренние интересы государства, но и интересы соседних государств.

В соответствии со ст. 42 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением¹.

Положения, предусмотренные ч. 1 ст. 9 Конституции Российской Федерации (земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории), а также ст. 2 и 18 в контексте ст. 42 Конституции Российской Федерации (устанавливающие в совокупности, что права человека на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением, являются высшей ценностью, непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием) закрепляют не только экологическую функцию государства, но и определяют ее содержание. Речь

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

идет о том, что государство в рамках экологической функции осуществляет деятельность по таким обусловленным общественными экологическими интересами направлениям, как распоряжение в интересах общества природными ресурсами, находящимися в государственной собственности; обеспечение рационального использования природных ресурсов; охрана окружающей среды; соблюдение, охрана и защита экологических прав и законных интересов человека и гражданина [18. С. 11–12].

Возникающие в процессе юрисдикционной деятельности судебных органов по применению экологического законодательства трудности нередко обусловлены особенностями эколого-правового регулирования [19].

Еще в январе 1990 г. в Москве состоялся Глобальный форум по защите окружающей среды и развитию в целях выживания, на котором были предложены основы новой международной экологической политики¹. Было предложено разработать международный кодекс экологической этики, тем самым государства, принявшие его, могли бы перейти к реальному сотрудничеству, более тесной взаимопомощи, от чего в итоге выиграло бы все международное сообщество.

Также было предложено разработать международно-правовой режим охраны уникальных природных зон, подобный режиму, сложившемуся в Антарктике, в соответствии с Договором об Антарктике 1959 г.² и Системой Договора³. Это позволит сохранить их в естественном, первозданном виде, практически без внесения в него антропогенных факторов, и иметь возможность сравнивать органичное развитие данного природного региона с другими.

Помимо этого, необходимо осуществлять сотрудничество в области обмена экологически чистыми технологиями. Создав режим наибольшего благоприятствования по взаимному обмену технологиями, государства перестали бы загрязнять отходами производства не только свою территорию, но и территории соседних государств. А режим международного экологического контроля мог бы помочь не только взаимному доверию, но и четкой проверке тех экологических параметров, по которым возникли вопросы.

Можно было бы подумать о создании международного механизма мониторинга и контроля за состоянием окружающей среды. Следовало бы ввести более жесткую экономическую ответственность за экологические преступления. Также нужно установить значительно более низкие пределы допустимых выбросов, особенно в нашей стране; а предприятие, нанесшее ущерб окружающей среде, должно не только в полной мере нести установленную законом ответственность, но и проводить комплекс восстановительных мероприятий. При этом предприятия, причинившие невосполнимый ущерб окружающей среде, следует закрывать либо репрофилировать.

¹ См.: Правда. 1990. 21 января.

² URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/antarctic.pdf

³ Международное право : учебник / под ред. проф. Ю.М. Колосова, проф. Э.С. Кривичевой. М. : Междунар. отношения, 2005.

Для создания международного механизма защиты окружающей среды, необходимо создание крупных структур, которые потребуют много средств. Одним из серьезных источников финансирования может стать разоружение. Средства, высвобождающиеся при демилитаризации, можно направить на восстановление и охрану окружающей среды. Было бы актуально включать в такие соглашения разделы, которые будут предусматривать осуществление совместных международных программ в вопросах охраны окружающей среды за счет высвобождаемых от разоружения ресурсов.

Представляется, что также необходимо создать экологический банк, как государственно-коммерческий. Во многих государствах такие банки уже созданы. Они выполняют не только финансовые операции, но и направляют средства на охрану окружающей среды (примером является деятельность Всемирного банка¹). Такой банк мог бы финансировать как внутригосударственные, так и международные программы.

И, наконец, сокращение военной деятельности позволит не только снизить военную угрозу, но и обеспечить охрану окружающей среды, направить материальные средства на реализацию экологических программ.

Отметим, что разрушительное воздействие военной деятельности на окружающую среду идет по нескольким направлениям. Испытания атомного оружия в начале 1960-х гг. привели к устойчивому радиационному загрязнению на всей поверхности Земли. Разработка, производство, испытания и хранение как обычного оружия, так и оружия массового уничтожения представляют серьезную опасность для флоры и фауны. Маневры, передвижения военной техники уничтожают поверхностный слой земли, отравляют атмосферу и т.д.

Основной функцией современного оружия является разрушение, уничтожение не только окружающей среды, но и причинение ущерба человеку самыми изощренными и эффективными технологическими средствами. Сам процесс военного производства весьма опасен как для людей, занятых в нем, так и для населения и природы тех районов, где размещается это производство.

Следует отметить, что до недавнего времени экологические последствия гонки вооружений практически игнорировались. Да и сама проблема охраны окружающей среды не вырисовывалась до начала 1970-х гг. Лишь сейчас вопросы охраны окружающей среды, экологической безопасности и устойчивого развития получают активное развитие.

Еще 11 мая 1971 г. Генеральному Секретарю ООН было вручено Обращение 2 200 ученых, представителей 23 стран, адресованное «трем с половиной миллиардам соседей по планете Земля». Его авторы предупредили о серьезной опасности, грозящей человечеству. Принимая это Обращение, Генеральный Секретарь ООН заявил: «Я убежден, что человечество, наконец, осознало, что на Земле и вокруг нее существует хрупкое равновесие физических и биологических явлений, которое нельзя безрассудно нарушать в

¹ World Bank and Environment.

ходе нашего все ускоряющегося технического прогресса»¹. Важной мерой является принятие Конвенции 1977 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду², запрещающей всякие действия, ведущие к нарушению экологического баланса, а также процессов, происходящих в недрах Земли, морях, океанах, атмосфере и космическом пространстве³.

Термин «средства воздействия на природную среду» стал употребляться относительно недавно. Многие исследователи относят подобные средства к «новым видам вооружений» [20]. В зависимости от способов воздействия и последствий, которые они вызывают, подобные средства можно подразделить на тактические и глобальные. Естественно, наиболее опасными и пагубными являются средства воздействия, наносящие ущерб глобального характера, которые, по сути дела, мало чем отличаются от средств массового уничтожения [21. С. 29].

Ядерное разоружение является важнейшей составной частью права разоружения, которое находится в процессе формирования в современном международном праве. Существует целая система международных договоров в области разоружения и разрабатываются все новые. В них содержатся как конкретные нормы, так и общие положения, раскрывающие принцип разоружения.

2 июня 2020 г. принят Указ Президента РФ № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания»⁴. В Указе отмечается, что «гарантированное сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников относится к числу высших государственных приоритетов. Сдерживание агрессии обеспечивается всей совокупностью военной мощи Российской Федерации, включая ядерное оружие.

Государственная политика в области ядерного сдерживания носит оборонительный характер, направлена на поддержание потенциала ядерных сил на уровне, достаточном для обеспечения ядерного сдерживания, и гарантирует защиту суверенитета и территориальной целостности государства, сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников, а в случае возникновения военного конфликта – недопущение эскалации военных действий и их прекращение на приемлемых для Российской Федерации и (или) ее союзников условиях»⁵.

¹ Гигиена и санитария. 1972. № 6. С. 3–4.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIV. М., 1980. С. 437–440.

³ Там же.

⁴ Указ Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 23. Ст. 3623.

⁵ Пункты 2, 4 Указа Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

«Ядерное сдерживание осуществляется непрерывно в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время, вплоть до начала применения ядерного оружия»¹.

Необходимо разработать специальные международно-правовые принципы и нормы, предусматривающие: неприменение силы с одновременным запрещением применения ядерного оружия, дальнейшее утверждение и развитие в международном праве принципа ядерного разоружения, разработку частичных мер ядерного разоружения с учетом того, что задача полного устранения ядерного оружия пока не решена.

С юридической точки зрения охрана окружающей среды представляет собой правовую регламентацию, осуществляемую государством и выражающуюся в издании соответствующих законов, правил, инструкций и других административных актов, а также надзоре за соблюдением этих норм и наложении соответствующих санкций за их нарушение.

Также происходит становление и развитие принципов и норм международной ответственности за вредные последствия при правомерной деятельности государств, существо которой вытекает из общепризнанного принципа международного права, гласящего, что осуществление территориального верховенства государством или осуществление им своих прав за пределами национальной юрисдикции или контроля не должно наносить ущерба другим странам путем действий, хотя и правомерных, но которые могут иметь вредные последствия для других государств или поставить под угрозу их безопасность, то есть иметь вредные последствия такого же характера, что и последствия неправомερных действий. Постоянно усиливающаяся потребность регулирования международной ответственности в случае наступления вредных последствий таких действий обуславливает необходимость определения основных принципов в этом институте международного права и их формулирования в виде правовых норм [21. С. 29].

Список источников

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. М. : Госполитиздат, 1960. 907 с.
2. Байтин М.И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1979. 302 с.
3. Радько Т.Н. Теория государства и права : учеб. пособие. М. : Проспект, 2022. 173 с.
4. Карташов В.Н. Теория государства и права. Ярославль : ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2018. 270 с.
5. Голиченков А.К. Экологическое право России: словарь юридических терминов. М. : Городец, 2012. 498 с.
6. Экологическое право Российской Федерации : курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. проф. Ю.Е. Винокурова. М. : МНЭПУ, 1999. 457 с.
7. Колбасов О.С. Концепция экологической безопасности (юридический аспект) // Государство и право. 2022. № 2. С. 227–234.
8. Краснова И.О. Политико-правовые акты в регулировании экологических отношений // Экологическое право. 2018. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹ Пункт 11 Указа Президента РФ от 2 июня 2020 г. № 355 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания».

9. Макаревич Н.С. Некоторые характерные черты функции охраны окружающей среды социалистического государства // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С. 101–111.
10. Колбасов О.С. Проблемы охраны окружающей среды в новой конституции СССР // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 21–29.
11. Петров В.В. Проблемы эколого-правовой терминологии // Правовые проблемы экологии. Сборник научно-аналитических обзоров советской и зарубежной литературы. М. : Изд-во ИНИОН АН СССР, 1980. С. 101–133.
12. Сиваков Д.О. Экологическая функция государства и ее финансовые рычаги: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 549–554.
13. Карташов В.Н. Правовые формы осуществления экономической функции государства // Построение правового государства: вопросы теории и практики. 1990. С. 23–25.
14. Колбасов О.С. Экология: политика – право. Правовая охрана природы в СССР. М.: Наука, 1976. 230 с.
15. Вершило Н.Д. Экологическая функция Российского государства в контексте устойчивого развития // Экологическое право. 2005. № 4. С. 11–14.
16. Васильева А.К. К вопросу о внешних функциях социалистического государства. // Советское государство и право. 1958. № 6. С. 53–54.
17. Петров В.В. Экологическая функция права // Советское государство и право. 1982. № 5. С. 19–25.
18. Гиззатуллин Р.Х. Экологическая функция государства: теория и практика реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 56. с.
19. Хабриева Т.Я., Лазарев В.В., Габов А.В. и др. Судебная практика в современной правовой системе России / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М. : ИЗиСП, НОРМА, ИНФРА-М, 2020. 432 с. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
20. Васильев В., Писарев В., Хозин Г. Экология и международные отношения. М. : Междунар. отношения, 1978. 237 с.
21. Иойрыш А.И. Научно-технический прогресс и новые проблемы права. М. : Междунар. отношения, 1981. 167 с.

References

1. Marx, K. & Engels, F. (1960) *Sochineniya* [Works]. 2nd ed. Vol. 23. Translated from German. Moscow: Gospolitizdat.
2. Baytin, M.I. (1979) *Sushchnost' i osnovnye funktsii sotsialisticheskogo gosudarstva* [The essence and main functions of a socialist state]. Saratov: Saratov State University.
3. Radko, T.N. (2022) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow: Prospekt.
4. Kartashov, V.N. (2018) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
5. Golichenkov, A.K. (2012) *Ekologicheskoe pravo Rossii: slovar' yuridicheskikh terminov* [Environmental Law of Russia: A Dictionary of Legal Terms]. Moscow: Gorodets.
6. Vinokurov, Yu.E. (ed.) (1999) *Ekologicheskoe pravo Rossiyskoy Federatsii* [Environmental Law of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: MNEPU.
7. Kolbasov, O.S. (2022) Kontseptsiya ekologicheskoy bezopasnosti (yuridicheskiy aspekt) [The concept of environmental safety (a legal aspect)]. *Gosudarstvo i pravo*. 2. pp. 227–234.
8. Krasnova, I.O. (2018) Politiko-pravovye akty v regulirovanii ekologicheskikh otnosheniy [Political and legal acts in the regulation of environmental relations]. *Ekologicheskoe pravo*. 4. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus.
9. Makarevich, N.S. (1983) Nekotorye kharakternye cherty funktsii okhrany okruzhayushchey sredy sotsialisticheskogo gosudarstva [Some characteristic features of the environmental protection function of a socialist state]. In: Kulapov, V.L. & Borisov, V.V. (eds) *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Questions of the Theory of State and Law]. Saratov: SGAP. pp. 101–111.

10. Kolbasov, O.S. (1978) Problemy okhrany okruzhayushchey sredy v novoy konstitutsii SSSR [Problems of environmental protection in the new Constitution of the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 21–29.

11. Petrov, V.V. (1980) Problemy ekologo-pravovoy terminologii [Problems of environmental and legal terminology]. In: Lisitsyn, E.N. (ed.) *Pravovye problemy ekologii. Sbornik nauchno-analiticheskikh obzоров sovetskoй i zarubezhnoy literatury* [Legal Problems of Ecology. Collection of Scientific and Analytical Reviews of Soviet and Foreign Literature]. Moscow: USSR AS. pp. 101–133.

12. Sivakov, D.O. (2014) Ekologicheskaya funktsiya gosudarstva i ee finansovye ryuchagi: sravnitel'no-pravovoy analiz [Ecological function of the state and its financial levers: A comparative legal analysis]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 3. pp. 549–554.

13. Kartashov, V.N. (1990) Pravovye formy osushchestvleniya ekonomicheskoy funktsii gosudarstva [Legal forms of implementation of the state economic function]. In: *Postroenie pravovogo gosudarstva: voprosy teorii i praktiki* [Construction of a legal state: Questions of theory and practice]. [s.l.: s.n.]. pp. 23–25.

14. Kolbasov, O.S. (1976) *Ekologiya: politika – pravo. Pravovaya okhrana prirody v SSSR* [Ecology: Politics – Law. Legal Protection of Nature in the USSR]. Moscow: Nauka.

15. Vershilo, N.D. (2005) Ekologicheskaya funktsiya Rossiyskogo gosudarstva v kontekste ustoychivogo razvitiya [Ecological function of the Russian state in the context of sustainable development]. *Ekologicheskoe pravo*. 4. pp. 11–14.

16. Vasilieva, A.K. (1958) K voprosu o vneshnikh funktsiyakh sotsialisticheskogo gosudarstva [On the question of the external functions of the socialist state]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 6. pp. 53–54.

17. Petrov, V.V. (1982) Ekologicheskaya funktsiya prava [Ecological function of law]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 19–25.

18. Gizzatullin, R.Kh. (2014) *Ekologicheskaya funktsiya gosudarstva: teoriya i praktika realizatsii* [Ecological function of the state: Theory and practice of implementation]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

19. Abrieva, T.Ya., Lazarev, V.V., Gabov, A.V. et al. (2020) *Sudebnaya praktika v sovremen-noy pravovoy sisteme Rossii* [Judicial Practice in the Modern Legal System of Russia]. Moscow: IZiSP, NORMA, INFRA-M.

20. Vasiliev, V., Pisarev, V. & Khozin, G. (1978) *Ekologiya i mezhdunarodnye otnosheniya* [Ecology and International Relations]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

21. Iozyrsh, A.I. (1981) *Nauchno-tekhnicheskii progress i novye problemy prava* [Scientific and Technological Progress and New Problems of Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

Информация об авторе:

Кукушкина А.В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России (Москва, Россия). E-mail: a.kukushkina@inno.mgimo.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Kukushkina A.V., Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: a.kukushkina@inno.mgimo.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 07.05.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 07.05.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Научная статья

УДК 343

doi: 10.17223/22253513/50/7

Уголовная политика: дефиниция и цель

Вилли Андреевич Маслов¹

¹ Уральский юридический институт МВД России,
Екатеринбург, Россия, vmaslov-lex@yandex.ru

Аннотация. Исследуются доктринальные подходы ведущих ученых современности к определению категории «уголовная политика». Констатируется факт плюрализма мнений относительно как сущностных признаков данной деятельности, так и цели уголовной политики. На основе приведенных точек зрения предлагается авторское видение указанной юридической дефиниции.

Ключевые слова: уголовная политика, борьба с преступностью, противодействие преступности, уголовная ответственность, уголовный закон

Для цитирования: Маслов В.А. Уголовная политика: дефиниция и цель // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 89–99. doi: 10.17223/22253513/50/7

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/7

Criminal policy: definition and purpose

Willie A. Maslov¹

¹ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Ekaterinburg, Russian Federation, vmaslov-lex@yandex.ru

Abstract. The article "Criminal policy: definition and purpose" is devoted to the study of doctrinal approaches of such leading modern scientists to the definition of the category of "criminal policy" as A.I. Aleksandrov, M.M. Babaev, A.I. Boyko, S.S. Bosholov, G.Y. Lesnikov, N.A. Lopashenko, A.V. Naumov, E.F. Pobegailo, Y.E. Pudovochkin, A.I. Rarog and others.

Stating the fact of pluralism of opinions regarding the essential features of the term "criminal policy", including the purpose of criminal policy as a key component, the issues of "volume" of criminal policy, its subjects and objects of influence are investigated.

In particular, it is argued that it is acceptable to limit criminal policy to "strategy" and to refuse such a component, often referred to by authors as "tactics".

Special attention is paid to the issue of the purpose of criminal policy, for this purpose we refer to various points of view and put forward the thesis on the relative necessity of shifting the emphasis in determining the purpose of criminal policy due to the inadmissibility of its significant "narrowing".

In particular, it is pointed out that the goal is still the final result, which should be considered the rule of law - the state of society in which the rights and freedoms of all members of society without exception are fully protected.

It is argued that the emphasis should be shifted from such variants of the goal as reduction, minimisation, elimination of crime (as well as crime control), since these goals should be recognised as intermediate results, and, in addition, this approach is likely to create a risk of "abuse" on the part of the state in terms of artificial "external" reduction of crime rates.

It is argued that it is incorrect to specify as a goal the achievement of social justice, since, among other things, the criminal law has a more punitive potential than a restorative one, and a number of consequences of some offences cannot be compensated to the necessary extent.

On the basis of the above study, we focus on the key aspects, the need to pay attention to which, when forming the definition of "criminal policy", is recognised as appropriate. In particular, it is pointed out that it is necessary to refuse laconic definitions, as well as the use of the words "policy" and "tactics"; it is recommended to limit the "object" of criminal policy to crime (excluding "other offences"), the subject of criminal policy is proposed to be recognised only by the state.

As a final conclusion, the author's definition of criminal policy is proposed, under which it is proposed to understand "strategic activities of the state to counter crime in order to protect the rights and freedoms of the individual".

Keywords: criminal policy, crime control, crime counteraction, criminal responsibility, criminal law

For citation: Maslov, V.A. (2023) Criminal policy: definition and purpose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 89–99. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/7

На фоне набирающей обороты критики в адрес нашего государства в части проводимой им политики борьбы с преступностью, представляется уместным привести цитату известного ученого-криминолога М.М. Бабаева, предложившего достаточно лаконичную формулу, раскрывающую корректный вектор движения государства в вопросе уголовной политики: «...интенсивность защиты от криминальных угроз должна быть минимально необходимой, но и максимально достаточной для достижения целей уголовной политики» [1. С. 97].

Нам импонирует данное высказывание, но его корректное воплощение в жизнь возможно только при условии законодательной, правоприменительной и доктринальной унификации во всех значимых аспектах.

Вместе с тем позволим себе процитировать Ю.Е. Пудовочкина, отмечающего, что «значимой проблемой современной науки уголовного права является определение ее фундаментальных категорий» [2. С. 126], и констатировать факт отсутствия обозначенного свойства применительно к такой фундаментальной категории юриспруденции, как «уголовная политика», что и является первопричиной нашего внимания к рассматриваемой проблеме.

Присоединяясь к точке зрения Н.А. Лопашенко, согласно которой должная научная проработанность уголовной политики отсутствует [3. С. 430], отметим, что М.М. Бабаев под уголовной политикой предлагает понимать

«государственную политику борьбы с преступностью» [1. С. 95], «концептуальную базу реакции государства на существующую совокупность криминальных угроз» [4. С. 29].

А.И. Александров под уголовной политикой предлагает понимать отношение власти к преступности [5. С. 35]. В то же время С.С. Босхолов определяет уголовную политику как стратегию и тактику противодействия преступности и иным правонарушениям [6. С. 28], основанную на Конституции и законах Российской Федерации, принципах, а также на политических и политико-правовых директивах и предписаниях» [7. С. 31].

Г.Ю. Лесников утверждает, что уголовная политика – это «направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику борьбы с преступностью на базе уголовного материального, процессуального и исполнительного права» [8. С. 60] или же «система принципов, политических и политико-правовых предписаний, программ, осуществляемых государством совместно с гражданским обществом, по предупреждению и борьбе с преступностью, ресоциализации преступников, обеспечению безопасности личности, общества и государства» [9. С. 54]. С данной точкой зрения солидарен и А.И. Рарог [10. С. 89], выделяющий три ключевых признака уголовной политики: 1) представляет собой совместную деятельность государства и субъектов формирующегося гражданского общества; 2) основана, во-первых, на принципах и предписаниях политического и политико-правового характера и, во-вторых, на правовых нормах антикриминального цикла; 3) имеет целью обеспечение правопорядка, предупреждения преступности и борьбы с ней, безопасности личности и национальной безопасности» [11. С. 471].

Э.Ф. Побегайло отмечает, что уголовная политика – это «направление деятельности государства в сфере борьбы с преступностью, определение форм, задач, содержания деятельности государства и его органов в этой сфере» [12. С. 7; 13. С. 47].

А.В. Наумов предлагает понимать под уголовной политикой «направление (часть) внутренней и внешней политики государства, определяющую стратегию и тактику в области борьбы с преступностью» [14. С. 3; 15. С. 3].

Согласно точке зрения А.И. Бойко, уголовная политика представляет собой «комплекс идей и действий по борьбе с преступностью, охватывающий содержание, цели и направления специальных антикриминальных мер государства (законодательство, правоприменение, профилактика), а также согласование этих мер с более широкими социальными программами» [16. С. 16].

Интерес представляет точка зрения О.А. Малышевой, согласно которой уголовная политика представляет собой базирующуюся на правовых принципах и нормах деятельность государства, направленную на выработку и реализацию совокупности мер как специального, так и общесоциального характера в целях защиты личности, общества, государства от преступных посягательств и возмещения причиненного преступлением вреда [17].

И.Л. Третьяков указывает на то, что уголовная политика современной России представляет собой «систему политико-правовых отношений, юридических норм, идей, взглядов, реализующихся в направлениях, формах и

способах деятельности ее субъектов по предупреждению и устранению преступности в переходный для российского общества период» [18].

Уголовную политику «как государственную стратегию обеспечения безопасности личности, общества и государства от преступности, систему принятия и реализации крупномасштабных решений с целью противодействия преступности, формирующую принципы, направления, содержание и формы деятельности по борьбе с преступностью» предлагает понимать И.Н. Соловьев [19. С. 14].

В свою очередь, А.В. Ендольцева отмечает, что под уголовной политикой следует понимать «генеральную линию, выработанную государством и институтами гражданского общества, в которой отражаются цели, основные направления развития, принципы, а также различные средства воздействия на преступность с целью ее минимизации и ее последствий» [20. С. 104].

На первый взгляд может показаться, что вышеуказанные варианты по своей сути тождественны друг другу, однако же, в действительности, это не так, и мы вынуждены не согласиться с точкой зрения А.В. Наумова, согласно которой «“градус” критичности авторов по отношению к чужим определениям явно преувеличен» [15. С. 3], поскольку:

1) представляется некорректным с точки зрения юридической техники раскрывать дефиницию через однокоренные слова (уголовная политика – государственная политика...);

2) суть уголовной политики чаще всего трактуется как определенный процесс (деятельность, направление, совокупность (комплекс) мер и т.п.), однако же «объем» данной деятельности у авторов существенно отличен. Ряд авторов указывают на то, что уголовная политика – это стратегия («генеральная линия»), в то же время достаточно часто в дефинициях указывается на то, что уголовная политика – это и стратегия и тактика, что представляется достаточно спорным, ввиду, в частности, того обстоятельства, что политика нацелена на решение глобальных задач, достижение генеральной цели (о которой будет чуть ниже) и априори направлена на долгосрочный успех. Поддержание общественного порядка, охрана безопасности, прав и свобод – стратегические задачи любого государства и несомненно то, что решение данных задач происходит посредством их детализации (разукрупнения, «разбивки» и т.п.) на более мелкие, с определением наиболее эффективного механизма для их решения, однако «размывание» уже на уровне дефиниции сути деятельности государства в вопросах борьбы с преступностью признаем нецелесообразным. Кроме того, если термин «стратегия» вполне можно считать общеупотребимым, то термин «тактика» до сих пор, чаще всего, ассоциируется с военными действиями (за исключением, пожалуй, криминалистической тактики);

3) относительно субъекта уголовной политики единство также отсутствует: ряд авторов считают таковым только государство, другие предлагают считать таковым помимо государства еще и гражданское общество. Не умаляя значимости формирования в современном российском государстве гражданского общества, тем не менее, отметим, что в вопросах уголовной

политики, по меньшей мере, ключевую роль играют именно государственные структуры. Несомненно, что различные аспекты деятельности независимых общественных организаций, к примеру, в части контроля за принимаемыми органами государственной власти решениями, чрезвычайно важны, однако дополнять дефиницию указанием на гражданское общество считаем все же нецелесообразным;

4) преобладающей точке зрения о том, что «объектом» воздействия является преступность, противостоит (в некотором смысле) точка зрения, согласно которой уголовная политика также противодействует и иным правонарушениям.

Отдавая себе отчет в чрезвычайной «тонкости» грани между правонарушениями (административными в первую очередь) и преступлениями, именуемую общественной опасностью (вредностью), в свете еще большего ее «уточнения» ввиду конструирования составов с административной преюдицией в уголовном законе, полагаем, что необоснованно говорить об уголовной политике как инструменте, среди прочего, борьбы (противодействия) именно правонарушениям.

Опять же несомненна значимость профилактических мер борьбы с преступностью, среди которых особое место занимает деятельность, связанная с предупреждением совершения преступлений лицами, совершившими административные правонарушения, а также работа с несовершеннолетними правонарушителями, являющимися таковыми только ввиду недостижения возраста уголовной ответственности. Вместе с тем очевиден факт специфичности вопросов предупреждения административных правонарушений и производства по делам об административных правонарушениях, явно выходящих за рамки уголовной политики;

5) стоит отметить, что не во всех дефинициях закрепляется конечная цель, а там, где она есть, опять же, единство отсутствует: это может быть минимизация, борьба или противодействие преступности, безопасность личности, общества и государства, ресоциализация преступников, возмещение причиненного вреда и т.д.

Говоря о данной составляющей, позволим себе снова привести ряд точек зрения на то, что же является целью уголовной политики (уже «вне рамок» самой дефиниции).

Так, А.В. Пронников в качестве генеральной стратегической цели уголовно-правовой политики указывает обеспечение социальной справедливости [21. С. 8], в то же время М.М. Бабаев утверждает, что генеральная цель уголовной политики состоит в «достижении состояния безопасности личности, общества, государства от криминальных угроз» [22. С. 13], «сокращение преступности до минимально-возможного уровня и обеспечение надежной безопасности граждан, общества и государства от криминальных угроз» [4. С. 29].

Главной целью уголовной политики А.И. Рарог считает «максимально эффективное обеспечение правопорядка и воздействие на преступность» [10. С. 89; 11. С. 471].

Стратегической целью уголовной политики О.В. Графцов указывает защиту прав, свобод и интересов личности, общества и государства [23].

Э.Ф. Побегайло утверждает, что цель уголовной политики состоит в определении путей и средств противостояния криминальной экспансии, преодолении уголовного беспредела, разработке на основе реалистичной взвешенной оценки обстановки стратегии и конкретных мер по воздействию на преступность, чтобы остановить, а затем повернуть вспять ее неблагоприятную динамику [12. С. 7].

Говоря о цели уголовной политики, стоит указать и точку зрения Ю.Е. Пудовочкина, согласно которой «основным законом является закон обеспечения эффективной охраны интересов человека, общества и государства от наиболее опасных деяний в соответствии с общественными потребностями определенного социального строя» [24. С. 17].

И.Н. Кондрат к целям уголовной политики относит «обеспечение безопасности личности, общества и государства, минимизацию уровня социальной напряженности в обществе, содействие достижению социального благополучия» [25. С. 108]. Стоит отметить и тот факт, что ряд авторов предлагают дополнить данный перечень «минимизацией затрат на правоохранительную деятельность и борьбу с преступностью» [26. С. 644].

М.В. Бавсун к целям противодействия преступности относит «во-первых, подавление наиболее опасных форм преступных проявлений, во-вторых, установление контроля над преступностью, в-третьих, обеспечение безопасности общества от преступности» [27. С. 29].

На «противодействие преступности, ее ограничение и последующее количественное и качественное уменьшение» как цель уголовной политики указывает Г.Ю. Лесников [28. С. 27].

Принимая в расчет различия в категориях уголовная политика и уголовное право, тем не менее, считаем уместным указать точку зрения М.М. Бабаева, согласно которой целями Уголовного кодекса Российской Федерации являются «подавление средствами уголовно-правового воздействия наиболее опасных форм преступного поведения, установление контроля над преступностью, а также обеспечение безопасности общества <...> сущность уголовного права в том, что оно выступает (должно выступать) средством минимизации, сдерживания и разрешения социального конфликта» 29. С. 88].

Как мы видим, в вопросе цели уголовной политики наблюдается не меньшая вариативность (если не сказать полярность) точек зрения, нежели в вопросе дефиниции. Предлагаемые авторами варианты: достижение социальной справедливости, безопасность личности и государства, сокращение или минимизация преступности (контроль над преступностью), защита прав и свобод человека и гражданина, охрана интересов человека, общества и государства и т.д., в своей совокупности наверняка в целом отражают истинную цель уголовной политики. Однако же нам представляется, что унификация все же необходима. Для этого примем во внимание следующее:

Во-первых, цель – все-таки конечный результат, каковым мы склонны считать правопорядок – понимаемый нами как состояние общества, в котором в полной мере охраняются права и свободы всех без исключения членов общества.

Во-вторых, вышеизложенное предполагает, что необходимо смещать акцент с таких вариантов цели, как сокращение, минимизация, устранение преступности (а равно контроль над преступностью). Безусловно, данное направление можно назвать ключевым, однако, представляется, что достижение указанных результатов – лишь промежуточный результат. Кроме того, формулируя цель подобным образом, с большой долей вероятности возникает риск того, что деятельность государства будет сведена к необоснованной гуманизации-либерализации-декриминализации-депенализации лишь с целью «внешнего» снижения показателей преступности.

В-третьих, такая постановка цели обоснованно смещает акцент с интересов государства в сторону интересов отдельной личности.

В-четвертых, говоря о социальной справедливости как цели уголовной политики, несмотря на всю концептуальность данной категории (как минимум ввиду ее принципиального статуса в уголовном законе), мы склонны считать, что указывать ее в качестве цели (по крайней мере «генеральной») некорректно ввиду следующего:

- уголовный закон, к сожалению, несет в себе много больше карательный потенциал, нежели правосстановительный;

- ряд последствий некоторых преступлений «в принципе» невозможно компенсировать никаким образом, поскольку объективно отсутствует соответствующий эквивалент причиненного вреда, как и «шкала», по которой можно было бы говорить о сколь бы то ни было справедливой компенсации;

- факт переноса вопросов компенсации вреда в гражданско-правовую сферу (факультативность рассмотрения данных вопросов как таковых) и не-принципиальность их разрешения при решении вопросов привлечения к уголовной ответственности.

По тем же причинам возмещение причиненного преступлением вреда также не может рассматриваться как цель уголовной политики.

Подытоживая, обозначим ряд ключевых выводов:

1. В целях корректного понимания категории «уголовная политика» необходимо отказаться от лаконичных дефиниций, несмотря на их определенное «удобство»;

2. В дефиниции «уголовная политика» следует отказаться от использования слов:

- «политика» (часть государственной политики и т.п.), поскольку это вполне очевидно исходя из других составляющих дефиниции;

- «тактика», поскольку данный термин лишь вводит в заблуждение, позволяя существенно «занижать уровень» уголовной политики.

3. Представляется оправданным в качестве «объекта» уголовной политики ограничиться лишь преступностью (исключив «иные правонарушения

ния»), при этом принимая во внимание высокую значимость предупредительной (превентивной) деятельности, в частности с несовершеннолетними правонарушителями.

4. Необходимо исключить акцент на гражданском обществе как субъекте уголовной политики, поскольку общественность может принимать лишь косвенное (опосредованное) участие в отношениях, связанных с формированием и реализацией уголовной политики.

5. Говоря о том, чьи интересы должна защищать уголовная политика «традиционный» триумvirат «личность – общество – государство» в достаточной мере отражает суть, однако, нам представляется уместным ограничиться указанием лишь личности, поскольку в полной мере соблюдение прав и свобод каждой отдельно взятой личности будет с неизбежностью гарантией осуществления прав и свобод общества и государства.

6. Говоря о цели уголовной политики:

– следует отказаться от указания на достижение социальной справедливости, поскольку это межотраслевая цель, достижение которой лишь средствами уголовной политики (к сожалению, несмотря на прямое указание данного требования в принципах уголовного закона) затруднительно;

– равным образом стоит отказаться от цели сокращения (минимизации, устранения, уменьшения преступности (а равно контроль над преступностью) и т.п.), в частности ввиду того, что это «промежуточный» результат в борьбе с преступностью, а не конечная цель;

– также некорректно считать целью уголовной политики снижение социальной напряженности и достижение социального благополучия, поскольку это частные случаи, которые с необходимостью будут присутствовать, если будет достигнута генеральная цель уголовной политики.

В заключение позволим себе привести, как нам представляется, имеющую право на существование дефиницию уголовной политики, под которой мы понимаем стратегическую деятельность государства по противодействию преступности в целях охраны прав и свобод личности.

Список источников

1. Бабаев М.М. Криминологические предпосылки формирования уголовной политики // Ученые труды Российской Академии адвокатуры и нотариата. 2012. № 3. С. 94–99.
2. Пудовочкин Ю.Е. Понятие и система уголовно-правовых последствий совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 126–136.
3. Лопашенко Н.А. Российская уголовная политика: поиск истины или метод проб и ошибок? (Субъективная попытка анализа и прогноза) // Российский ежегодник уголовного права / под ред. Б.В. Волженкина. 2007. № 2. С. 430–449.
4. Бабаев М.М. Уголовная политика и преступность как взаимодействие // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. 2015. С. 29–38.
5. Александров А.И. Уголовная политика в Российской Федерации. Еще раз о самом главном // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 4. С. 34–44.
6. Босхолов С.С., Бадмеева Б.Б. О понятии и критериях криминологической обоснованности гуманизации уголовной политики // Всероссийский юридический журнал. 2012. С. 28–35.

7. Босхолов С.С. Российский либерализм и проблемы антикоррупционной уголовной политики // Труды института государства и права российской академии наук. 2014. № 3. С. 31–43.
8. Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 350 с.
9. Лесников Г.Ю. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права // Научные ведомости. 2008. № 8. С. 75.
10. Парог А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 3. С. 88–95.
11. Парог А.И. Уголовная политика и уголовно-правовые амбиции // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 3. С. 470–479.
12. Побегайло Э.Ф. Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник РГУ им. И. Канта. 2007. Вып. 9. Экономические и юридические науки. С. 6–15.
13. Побегайло Э.Ф. Тенденции современной преступности и кризис российской уголовной политики // Публичное и частное право. 2011. № 4. С. 47–66.
14. Наумов А.В. Об уголовной политике в области назначения и исполнения наказания // Вестник Академии генеральной прокуратуры РФ. 2008. № 4. С. 3–8.
15. Наумов А.В. Уголовная политика в области назначения и исполнения наказания: противоречие между законодательным идеалом и практикой // Вестник института. Научно-практический журнал Волгоградского института права и экономики ФСИН. 2009. № 5. С. 3–9.
16. Бойко А.И. Системная среда уголовного права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 49 с.
17. Малышева О.А. Современная уголовная политика Российского государства и ее реализация на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2006. 519 с.
18. Третьяков И.Л. Уголовная политика России: общетеоретические и прикладные проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 384 с.
19. Соловьев И.Н. Реализация уголовной политики России в сфере налоговых преступлений: проблемы и перспективы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 46 с.
20. Ендольцева А.В. Уголовная политика России и ее значение в регулировании общественных отношений в сфере борьбы с преступностью // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 2. С. 103–112.
21. Пронников А.В. Уголовно-правовая политика в сфере противодействия экономической преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2008. 26 с.
22. Бабаев М.М. Криминологическая и уголовная политика // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2. С. 7–19.
23. Графцов О.В. Уголовная политика современной России и предупреждение преступности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 182 с.
24. Пудовочкин Ю.Е., Андрианов В.К. Закономерности уголовного права: к постановке проблемы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 7. С. 10–20.
25. Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 3 (30). С. 105–109.
26. Ендольцева А.В., Ендольцева Ю.В., Платонова Н.И. Базовые начала уголовной политики: от теоретических рассуждений к de lege ferenda // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 4. С. 641–650.
27. Бавсун М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013. 39 с.
28. Лесников Г.Ю. Синергетика и теория современной уголовной политики // Современное право. 2004. № 3. С. 27–31.
29. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Провокативная роль уголовного закона // Общественные науки и современность. 2013. № 4. С. 78–90.

References

1. Babaev, M.M. (2012) Kriminologicheskie predposylki formirovaniya ugolovnoy politiki [Criminological prerequisites for the formation of criminal policy]. *Uchenye trudy Rossiyskoy Akademii advokatury i notariata*. 3. pp. 94–99.
2. Pudovochkin, Yu.E. (2021) Ponyatie i sistema ugolovno-pravovykh posledstviy soversheniya prestupleniya [The concept and system of criminal legal consequences of committing a crime]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1. pp. 126–136.
3. Lopashenko, N.A. (2007) Rossiyskaya ugolovnaya politika: poisk istiny ili metod prob i oshibok? (Sub"ektivnaya popytka analiza i prognoza) [Russian criminal policy: A search for truth or trial and error? (A subjective attempt at analysis and forecast)]. *Rossiyskiy ezhegodnik ugolovnoy prava*. 2. pp. 430–449.
4. Babaev, M.M. (2015) Ugolovnaya politika i prestupnost' kak vzaimodeystvie [Criminal policy and crime as interaction]. *Sovremennye problemy ugolovnoy politiki* [Modern Problems of Criminal Policy]. Proc. of the Sixth International Conference. pp. 29–38.
5. Aleksandrov, A.I. (2017) Ugolovnaya politika v Rossiyskoy Federatsii. Eshche raz o samom glavnom [Criminal policy in the Russian Federation. The most important thing reviewed]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'*. 4. pp. 34–44.
6. Boskholov, S.S. & Badmeeva, B.B. (2012) O ponyatii i kriteriyakh kriminologicheskoy obosnovannosti gumanizatsii ugolovnoy politiki [On the concept and criteria of criminological validity of the humanization of criminal policy]. *Vserossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 2012. pp. 28–35.
7. Boskholov, S.S. (2014) Rossiyskiy liberalizm i problemy antikorrupsionnoy ugolovnoy politiki [Russian liberalism and problems of anti-corruption criminal policy]. *Trudy instituta gosudarstva i prava rossiyskoy akademii nauk*. 3. pp. 31–43.
8. Lesnikov, G.Yu. (2005) *Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii* [Criminal policy of modern Russia]. Law Dr. Diss. Moscow.
9. Lesnikov, G.Yu. (2008) Problemy sootnosheniya ugolovnoy politiki i ugolovnoy prava [Problems of the relationship between criminal policy and criminal law]. *Nauchnye vedomosti*. 8. p. 75.
10. Rarog, A.I. (2014) Repressivnyy kren rossiyskoy ugolovnoy politiki [The repressive tilt of Russian criminal policy]. *Kriminolo-gicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 3. pp. 88–95.
11. Rarog, A.I. (2016) Ugolovnaya politika i ugolovno-pravovye ambitsii [Criminal policy and criminal legal ambitions]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 10(3). pp. 470–479.
12. Pobegaylo, E.F. (2007) Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii: avtorskaya kontseptsiya [Criminal policy of modern Russia: The author's concept]. *Vestnik RGU im. I. Kanta*. 9. pp. 6–15.
13. Pobegaylo, E.F. (2011) Tendentsii sovremennoy prestupnosti i krizis rossiyskoy ugolovnoy politiki [Trends in modern crime and the crisis of Russian criminal policy]. *Publichnoe i chastnoe pravo*. 4. pp. 47–66.
14. Naumov, A.V. (2008) Ob ugolovnoy politike v oblasti naznacheniya i ispolneniya nakazaniya [On criminal policy in the field of assignment and execution of punishment]. *Vestnik Akademii general'noy prokuratury RF*. 4. pp. 3–8.
15. Naumov, A.V. (2009) Ugolovnaya politika v oblasti naznacheniya i ispolneniya nakazaniya: protivorechie mezhdru zakonodatel'nym idealom i praktikoy [Criminal policy in the field of sentencing and execution: The contradiction between the legislative ideal and practice]. *Vestnik instituta. Nauchno-prakticheskii zhurnal Volgogradskogo instituta prava i ekonomiki FSIN*. 5. pp. 3–9.
16. Boyko, A.I. (2008) *Sistemnaya sreda ugolovnoy prava* [The systemic environment of criminal law]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
17. Malysheva, O.A. (2006) *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossiyskogo gosudarstva i ee realizatsiya na dosudebnykh stadiyakh ugolovnoy sudoproizvodstva* [Modern criminal policy of the Russian state and its implementation at the pre-trial stages of criminal proceedings]. Law Dr. Diss. Ryazan.

18. Tretyakov, I.L. (2006) *Ugolovnaya politika Rossii: obshcheteoreticheskie i prikladnye problemy* [Criminal policy of Russia: General theoretical and applied problems]. Law Dr. Diss. St. Petersburg.

19. Soloviev, I.N. (2004) *Realizatsiya ugovnoy politiki Rossii v sfere nalogovykh prestupleniy: problemy i perspektivy* [Implementation of Russian criminal policy in the field of tax crimes: Problems and prospects]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.

20. Endoltseva, A.V. (2018) *Ugolovnaya politika Rossii i ee znachenie v regulirovani obshchestvennykh otnosheniy v sfere borby s prestupnost'yu* [Criminal policy of Russia and its importance in regulating public relations in the fight against crime]. *Yurist"-Pravoved"*. 2. pp. 103–112.

21. Pronnikov, A.V. (2008) *Ugolovno-pravovaya politika v sfere protivodeystviya ekonomicheskoy prestupnosti* [Criminal law policy in the field of combating economic crime]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.

22. Babaev, M.M. (2012) *Kriminologicheskaya i ugovnaya politika* [Criminological and criminal policy]. *Yurist"-Pravoved"*. 2. pp. 7–19.

23. Graftsov, O.V. (2000) *Ugolovnaya politika sovremennoy Rossii i preduprezhdenie prestupnosti* [Criminal policy of modern Russia and crime prevention]. Abstract of Law Cand. Diss. St. Petersburg.

24. Pudovochkin, Yu.E. & Andrianov, V.K. (2015) *Zakonomernosti ugovnogo prava: k postanovke problem* [Regularities of criminal law: towards the formulation of the problem]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*. 7. pp. 10–20.

25. Kondrat, I.N. (2013) *Kontseptsiya ugovnoy politiki i sovershenstvovanie ugovnogo i ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva* [The concept of criminal policy and the improvement of criminal and criminal procedural legislation]. *Vestnik MGIMO-universiteta*. 3(30). pp. 105–109.

26. Endoltseva, A.V., Endoltseva, Yu.V. & Platonova, N.I. (2019) *Bazovye nachala ugovnoy politiki: ot teoreticheskikh rassuzhdeniy k de lege ferenda* [Basic principles of criminal policy: from theoretical reasoning to de lege ferenda]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13(4). pp. 641–650.

27. Bavsun, M.V. (2013) *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie: ideologiya, tseli i sredstva realizatsii* [Criminal legal impact: Ideology, goals and means of implementation]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.

28. Lesnikov, G.Yu. (2004) *Sinergetika i teoriya sovremennoy ugovnoy politiki* [Synergetics and theory of modern criminal policy]. *Sovremennoe pravo*. 3. pp. 27–31.

29. Babaev, M.M. & Pudovochkin, Yu.E. (2013) *Provokativnaya rol' ugovnogo zakona* [The provocative role of the criminal law]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 78–90.

Информация об авторе:

Маслов В.А., кандидат юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Уральского юридического института МВД России (Екатеринбург, Россия). E-mail: vmaslov-lex@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Maslov W.A., Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: vmaslov-lex@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.10.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 11.10.2022;
approved after reviewing 17.02.2023; accepted for publication 20.12.2023.

Проблемы частного права

Научная статья

УДК 347

doi: 10.17223/22253513/50/8

Понятие и виды страхования ответственности за причинение вреда

Алеся Мнацакановна Авакян¹

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, avakyan.alesya@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены понятие и виды страхования ответственности за причинения вреда. Проведен сравнительный анализ правового регулирования понятия страхования ответственности за причинение вреда в России и зарубежных странах. Исследованы виды страхования ответственности за причинения вреда, закрепленные законодателем, отмечена их добровольная и обязательная форма.

Ключевые слова: понятие страхования ответственности за причинение вреда, виды страхования ответственности за причинение вреда

Для цитирования: Авакян А.М. Понятие и виды страхования ответственности за причинение вреда // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 100–116. doi: 10.17223/22253513/50/8

Problems of the private law

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/8

Concept and types of liability insurance for causing damage

Alesya M. Avakyan¹

¹ *Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, avakyan.alesya@mail.ru*

Abstract. Subject of the study. This study is devoted to the comparative legal analysis of the concept and types of liability insurance for causing harm. Particularly relevant is the analysis of foreign legislation that enshrines the concept of liability insurance for causing harm. The purpose of this type of insurance is to protect the interests, first of all, of victims, as it is thanks to the insurance fund that they are guaranteed compensation for the damage caused. Especially significant is the huge scope of such contracts due to the unlimited number of possible cases of causing harm. In this regard, the relevance of the study is obvious.

Purpose of the article. The aim of the study is to identify the full concept of liability insurance for causing harm and to substantiate the compulsory type of liability insurance for causing harm for medical workers. These conclusions can be a foundation for the improvement of both legislation and law enforcement practice.

Methods and methodology. The following methods were used in the research: general scientific dialectical, universal scientific methods, comparative-legal, method of system interpretation, method of legal modelling.

Main scientific results. The main scientific result of the study is the conclusion that it is necessary to enshrine a separate concept of liability insurance for causing harm. This conclusion will allow to fix the guarantee and protection of the interests of the insured, the cause of harm, whose civil liability is insured and the victim, beneficiary. Argued the importance of two forms of insurance of liability for causing harm: voluntary and compulsory. A scientific conclusion is made by conducting a comparative analysis of the legislation of Russia and foreign countries, and problems in judicial practice, about the need to introduce compulsory insurance of liability for causing harm to medical workers in our country. This would ensure the interests of all participants of legal relations in the field of liability insurance for causing harm and would raise the standard of living in our country as a whole.

Conclusions about the achievement of the research objective. Thus, it can be stated that the purpose of the publication has been achieved. The author's concept of liability insurance for causing harm is proposed and the necessity of fixing compulsory insurance of liability for causing harm to medical workers in Russia is substantiated. These conclusions are aimed at improving civil legislation, which can be used for the preservation and effective use of the institute of liability insurance for causing harm in general.

Keywords: concept of liability insurance for causing harm, types of liability insurance for causing harm

For citation: Avakyan, A.M. (2023) Concept and types of liability insurance for causing damage. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 100–116. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/8

Современное развитое гражданское общество уже невозможно представить без участия института страхования ответственности за причинение вреда, поскольку именно благодаря ему не только защищаются имущественные интересы участников страховых отношений, но и не возникает конфликта между примирителем вреда и потерпевшим.

Законодатель закрепляет возможность такого страхования, указав в п. 1 ст. 931 Гражданского кодекса Российской Федерации на то, что по договору страхования риска ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахован риск ответственности самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена [1].

Однако мы не считаем возможным ограничиться одним лишь приведением нормы закона и потому полагаем необходимым обратиться к доктрине и законодательству иностранных государств, дабы более полно осветить этот вопрос и избежать возможных неясностей на этот счет. Тем более, что определением это назвать трудно, ибо данная норма просто указывает на возможность застраховать свою ответственность, однако не раскрывает ни содержания, ни признаков, ни иных существенных аспектов данной разновидности страхования.

Раздел 100 Закона Германии «О договоре страхования» от 23.11.2007 следующим образом характеризует страхование ответственности: «...в случае страхования ответственности страховщик должен освободить страхователя от любых требований, предъявленных третьим лицом по причине возникновения на стороне страхователя ответственности за факт, имевший место быть в период страхования, и отклонить необоснованные претензии» [2].

Такое представление о страховании ответственности достаточно существенно отличается от того, что принято у нас. Так, если необходимость указания в определении на наличие у страховщика обязанности предоставить потерпевшему возмещение убытков, возникших в результате действий страхователя, не вызывает сомнений (ибо в этом и состоит сущность страхования ответственности, всегда представляющего собой договор в пользу третьего лица), то в остальном подобная формулировка не может не вызывать некоторых вопросов [3. С. 420].

Неясно, почему речь идет о необходимости предоставления страхового возмещения в случае заявления любых требований, вытекающих из факта причинения вреда страхователем. Все-таки страхуются обычно лишь определенные риски, а обязанность удовлетворить требования потерпевшего возникает на стороне страхователя только тогда, когда вред был причинен в результате названных в договоре действий страхователя.

Если же допустить иное и предположить, что при заключении такого рода договора автоматически оказываются застрахованными все возможные риски, связанные с причинением вреда любым третьим лицам, то это представляется по меньшей мере странным. Так, в подобном случае стороны договора оказываются лишены возможности по своей воле устанавливать, какие случаи будут признаваться страховыми, что явно противоречит принципу свободы договора, притом противоречие это не вызвано какой-либо объективной необходимостью. Напротив, оно вынуждает страховщика брать на себя огромные риски, а страхователя – уплачивать страховую премию в размере значительно большем, чем было бы в случае страхования только некоторых рисков (ибо представляется очевидным, что чем с большей вероятностью наступит страховой случай, тем больше придется заплатить страхователю).

Вполне вероятно, что все это является лишь следствием использования в данной норме неудачной формулировки, однако один лишь факт того, что она позволяет задуматься о подобных вещах, заставляет признать ее достаточно неудачной, да и не отражающей сущности договора страхования ответственности.

Включение в определение договора страхования ответственности указания на наличие у страховщика обязанности отклонить необоснованные требования кажется достаточно странным.

Представляется очевидным, что обязанность по предоставлению страхового возмещения возникает на стороне страховщика лишь того, когда требования потерпевшего обоснованы (т.е. наступление страхового случая в период действия договора в самом деле имело место быть). Нет страхового случая – нет и обязанности удовлетворить заявленные требования.

А если страховщик ничего не обязан выплатить обратившегося к нему лицу, то нужно ли вменять ему в обязанность необходимость отказывать в этом? Представляется, что это не имеет никакого смысла, ибо ни один сотрудник коммерческой организации (коими в большинстве своем страховые компании и являются), находящийся в здравом уме и твердой памяти, не передаст денег тому лицу, которое права на их получение не имеет.

Кроме того, если обязывать страховщиков отказывать в удовлетворении необоснованных требований о передаче денежных средств, то почему бы не возложить подобную обязанность и на банки в случаях, когда со стороны вкладчика поступают требования передать ему больше денег, чем находится у него на вкладе? Отчего же нам не обязать хранителей отказывать в выдаче вещей в ситуациях, когда им эти вещи на хранение вовсе не передавались? Никому подобное в голову и не приходит, поскольку оно представляется самоочевидным.

Как мы можем увидеть, установление подобной обязанности на стороне страховщика представляется совершенно излишним, ибо необходимость совершения подобных действий и без того диктуется его коммерческим интересом и просто здравым смыслом, а кроме того, это не является чем-то, характеризующим исключительно страхование ответственности. А раз так, то и в определении страхования ответственности упоминанию о подобном делать нечего.

Там образом, данное в Германии определение этой категории кажется нам хотя и весьма своеобразным, но при этом достаточно спорным, чтобы идея брать его за образец для подражания отпадала сама собой.

Статья 2463 ГК Квебека указывает, что при страховании от убытков страховщик обязан компенсировать любой вред, понесенный во время причинения ущерба, но лишь в пределах суммы страхового покрытия [4. С. 363].

Такое определение также представляется нам достаточно спорным, одной из причин чего является указание на необходимость предоставления страхового возмещения в результате причинения любого вреда, безотносительно к тому, какие именно действия страхователя стали тому причиной. Но поскольку об этом мы уже говорили немного выше, скажем о некоторых неясностях, которые не возникли в ходе изучения законодательства Германии.

Так, непонятно, что понимается под «временем причинения ущерба». Скажем, в какое именно время будет причиняться ущерб в результате дорожно-транспортного происшествия? Может, только в тот промежуток времени, на который пришлось столкновение автомобилей? Казалось бы, это логично, поскольку в таком случае интересующий нас период времени оказывается точно определен, да и когда еще возникать такому вреду, как не в момент самого дорожно-транспортного происшествия?

Но что если причинение вреда явилось прямым следствием столкновения, однако произошло уже после него? Допустим, автомобиль потерпевшего после дорожно-транспортного происшествия следовал в место, где сотрудники страховой компании должны были организовать его осмотр для определения стоимости устранения повреждений автомобиля, и во время

пути у него отвалился глушитель или бампер. Будет ли подобное считаться «вредом, понесенным во время причинения ущерба»? Если нет, то это будет совершенно несправедливо по отношению к потерпевшему: на его стороне возникнет вред, явившийся прямым результатом действий страхователя, однако возмещен он не будет исключительно по формальным основаниям. Если да, то выходит, что это время представляется совершенно неопределенным.

А если между этими двумя событиями произошло что-то еще, например, случайный прохожий поцарапал дверь автомобиля, которая в ходе дорожно-транспортного происшествия вообще не пострадала? Тогда выходит, что-либо и этот вред будет компенсироваться лицом, застраховавшим ответственность виновника ранее произошедшего столкновения, либо «время причинения ущерба» обладает свойством дискретности, в результате чего все запутывается еще сильнее.

Как нам представляется, включение чего-то подобного в определение страхования ответственности является совершенно неоправданным, ибо создает совершенно никому не нужную неопределенность. Однако законодатель преследовал благие цели, просто избрав не совсем то средство.

Куда более уместным было бы говорить здесь о необходимости наличия причинно-следственной связи между наступлением события, названного в договоре в качестве страхового случая, и причинением вреда потерпевшему. В таком случае все те достаточно странные вопросы, которые мы были вынуждены задать себе несколько ранее, отпадут сами собой.

В силу § 2861 ГК Чехии на основании страхования ответственности застрахованное лицо имеет право, чтобы вместо него страховщик в случае возникновения страхового случая возместил потерпевшему ущерб или другой вред в той мере и в размере, который установлен законом или договором, если возникло обязательство по выплате застрахованному [5].

А вот такое определение нам уже нравится куда больше, нежели приведенные выше. Причиной тому выступает и указание на необходимость причинения вреда именно в результате наступления страхового случая, и отсутствие на стороне страховщика достаточно странных обязанностей, какие у него имеются по законодательству Германии.

Но и к нему есть определенные вопросы.

Так, не совсем ясным представляется, как стоит оценить отход от установления в самом определении страхования ответственности размера страховой выплаты. Если в Квебеке попробовали указать, какой именно вред подлежит возмещению, то здесь законодатель счел за благо просто сделать отсылку к иным нормам закона либо же к заключенному между сторонами договору.

Казалось бы, это хорошо, поскольку делает норму гибче, позволяя законодателю регулировать размер страховой выплаты для каждого отдельного вида страхования ответственности в отдельности.

Однако так ли это на самом деле применительно к страхованию ответственности за причинение вреда? Ведь в его рамках страхуется исключи-

тельно риск причинения этого самого вреда и потому размер страховой выплаты должен быть равен сумме, которая необходима для возмещения, причиненного в результате действий страхователя вреда (если он, конечно, не превышает страховой суммы). Ничего другого страховщик возмещать не должен, ибо это противоречит самой сути страхования, которое должно лишь возмещать понесенные в результате наступления определенных событий потери, а не приводить к обогащению страхователя [6. С. 731].

Кроме того, насколько верным будет делать акцент на наличии у страхователя права требовать от страховщика возместить вред, причиненный потерпевшему? Нам такой подход представляется не совсем корректным.

Как уже было сказано выше, договор страхования ответственности всегда является договором в пользу третьего лица. Чешское законодательство предусматривает наличие у третьего лица права требовать от должника исполнения обязательства, если оно должно осуществляться в основном в ее пользу (п. 2 § 1767 ГК Чехии). Ключевой фигурой в страховании ответственности является именно такое третье лицо – потерпевший. Именно он пострадал от действий страхователя, именно ему был причинен вред и потому первой же целью всего этого предприятия должно быть наиболее быстрое и эффективное предоставление ему страхового возмещения. А раз так, то в первую очередь речь должна идти не о наличии у страхователя права вместо самостоятельного исполнения возникшего между ним и потерпевшим обязательства понудить к этому страховщика, а о праве потерпевшего потребовать у страхователя возмещения причиненного вреда независимо от того, что на этот счет думает страхователь.

Согласно ст. 809 ГК Республики Казахстан, при страховании гражданско-правовой ответственности страхуется риск ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу третьих лиц, а также ответственности по обязательствам, возникающим из договоров [7].

Как установлено п. 1 ст. 823 ГК Республики Беларусь, по договору страхования ответственности по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда жизни, здоровью или имуществу других лиц, может быть застрахована ответственность самого страхователя или иного лица, на которое такая ответственность может быть возложена [8].

Как мы можем увидеть, анализ этих определений едва ли что-то способен нам дать, поскольку по сути своей они мало отличаются от того, которое содержится в нашем Гражданском кодексе: все они лишь указывают на возможность страхования ответственности за причинение вреда, однако о том, что же такое страхование собой представляет, не говорят ни слова.

Для конструирования понятия страхования ответственности за причинение вреда необходимо понимать, к какой отрасли страхования оно относится: входит ли оно в состав имущественного страхования, относится ли к страхованию личности или же вовсе представляет собой отдельную отрасль страхования.

Российское гражданское законодательство исходит из того, что страхование ответственности за причинение вреда является разновидностью имущественного страхования, явное указание на что содержится в абз. 2 п. 2 ст. 929 ГК РФ.

Доктрина соглашается с этим. Так, еще В.И. Серебровский относил страхование ответственности к имущественному страхованию. Он писал, что «юридическая природа страхования гражданской ответственности в значительной степени спорна», но при этом «несомненно, что основная цель страхования гражданской ответственности состоит также в возмещении вреда, как и при других видах имущественного страхования» [9. С. 69].

Судебная практика также исходит из того, что страхование ответственности за причинение вреда представляет собой разновидность имущественного страхования. Это находит свое отражение, в частности, в Обзоре практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств [10], Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2020 № 09АП-6221/2020-ГК по делу № А40-274724/2019 [11], Апелляционном определении Московского городского суда от 22.07.2020 № 2-4520/2019, 33-18241/2020 [12].

Исходя из вышесказанного, мы полагаем необходимым следующим образом определить рассматриваемую категорию: «...страхование ответственности за причинение вреда представляет собой разновидность имущественного страхования, в рамках которой страховщик в пределах страховой суммы обязан при наступлении страхового случая компенсировать вред, причиненный потерпевшему в результате действий застрахованного лица».

Некоторые вопросы может вызвать использование термина «застрахованное лицо», ранее здесь практически не встречавшегося. Однако мы полагаем это необходимым, поскольку по договору страхования ответственности за причинение вреда не всегда страхуется ответственность именно страхователя: ими может быть застрахована ответственность и прямо названных в договоре третьих лиц, и даже неограниченного их числа (например, п. 2 ст. 15 ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» позволяет застраховать ответственность любого водителя, управляющего автомобилем на законном основании [13]).

По нашему мнению, страхование ответственности за причинение вреда представляет собой разновидность имущественного страхования, в рамках которой страховщик в пределах страховой суммы обязан при наступлении страхового случая компенсировать вред, причиненный потерпевшему в результате действий застрахованного лица.

Несмотря на то, что страхование ответственности само по себе является лишь одной из разновидностей имущественного страхования, выступающего в роли отрасли страхования, оно также имеет множество видов.

Главным и наиболее существенным критерием деления страхования на разновидности выступает его подразделение на имущественное и личное.

Однако поскольку выше мы уже определились с тем, что страхование ответственности является разновидностью страхования имущественного, это нас интересоваться не будет, а потому осветим другую важную и также следующую из закона классификацию.

Наше гражданское законодательство в целом исходит из принципа свободы заключения договора, однако в ряде допускает отступления от него. Частным случаем этого является установление обязательности страхования определенных интересов, в частности, риска свой гражданской ответственности (п. 1 ст. 934 ГК РФ).

Подобное представляется нам справедливым и целесообразным и вот почему. Если в результате наступления определенных событий погибнет имущество некоего лица, то от этого пострадают главным и, можно сказать, единственным образом интересы этого самого лица, заботится об обеспечении которых оно должно самостоятельно. А раз так, то и выбор, страховать такой риск или же этого делать не стоит, должен целиком и полностью лежать на лице, заинтересованным в сохранении подобного имущества.

Однако если в результате действий названного субъекта вред будет причинен не ему самому, а третьим лицам, то это уже совсем другое дело. Конечно, правило генерального деликта предусматривает наличие у причинителя вреда обязанности возместить потерпевшему такой вред, однако вопрос зачастую упирается в то, а обладает ли причинитель достаточным объемом средств для этого? И когда вероятность того, что необходимого количества денег у него может не оказаться, оказывается достаточно высокой, а страхуемый риск – достаточно распространенным, от законодателя может потребоваться принятие определенных мер, направленных на обеспечение интересов потерпевших.

А что может обеспечить их лучше, чем страхование гражданской ответственности причинителя вреда? В результате этого обязанным предоставить возмещение оказывается не причинитель вреда, у которого за душой может почти ничего и не быть, а страховая компания – специальный субъект, обладающий значительными финансовыми возможностями, и потому способный выплатить потерпевшему то, что ему причитается.

Учитывая средний размер накоплений россиянина, составляющий 140–219 тыс. руб., и отсутствие у 59% наших соотечественников сколько-нибудь существенных сбережений [14], решение переложить риск ответственности в некоторых наиболее важных случаях на несравненно более платежеспособные страховые компании определенно выглядит оправданным.

Таким образом, можно констатировать существование деления страхования в целом и страхования ответственности, в частности на добровольное и обязательное, а также отметить ту огромную роль, которую занимает последнее именно в рамках этой разновидности имущественного страхования.

На основании того, чьи именно и какие именно интересы страхуются, из текстов законов можно выделить следующие виды страхования ответственности за причинение вреда:

– страхование гражданской ответственности владельцев транспортных средств;

- страхование ответственности перевозчиков за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров [15];
- страхование гражданской ответственности владельцев опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте [16];
- страхование гражданской ответственности владельца воздушного судна перед третьими лицами за вред, причиненный жизни или здоровью либо имуществу третьих лиц при эксплуатации воздушного судна;
- страхование гражданской ответственности перевозчика перед пассажиром воздушного судна;
- страхование ответственности перевозчика перед грузовладельцем или грузоотправителем;
- страхование ответственности эксплуатанта при авиационных работах [17];
- страхование ответственности специализированного депозитария и управляющих компаний перед Министерством обороны РФ [18];
- страхование ответственности специализированного депозитария и управляющих компаний перед Пенсионным фондом РФ [19];
- страхование ответственности кадастрового инженера по обязательствам, возникающим вследствие причинения убытков заказчику кадастровых работ, и (или) третьим лицам [20];
- страхование ответственности оценщика по обязательствам, возникающим вследствие причинения ущерба заказчику, заключившему договор на проведение оценки, и (или) третьим лицам [21];
- страхование ответственности арбитражного управляющего за причинение убытков лицам, участвующим в деле о банкротстве, и иным лицам в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением возложенных на него обязанностей [22];
- страхование гражданской ответственности нотариуса при осуществлении им нотариальной деятельности [23].

Итого получаем 13 поименованных в законе видов одного только обязательного страхования – количество более чем серьезное. Постараемся указать, от каких же не названных в законе рисков страховщики предлагают защититься и какие интересные виды обязательного страхования ответственности встречаются в зарубежных правовых порядках.

Допустим, АО «МАКС» предлагает застраховать также:

- профессиональную ответственность врачей [24];
- ответственность лиц, занимающихся охранной (детективной) деятельностью [25];
- ответственность директоров, должностных лиц и компаний [26];
- ответственность строителей, архитекторов, проектировщиков и изыскателей [27];
- гражданскую ответственность работодателей [28];
- ответственность при проведении клинических исследований (испытаний) [29];
- ответственность за причинение вреда, возникающего в результате эксплуатации жилого помещения и домашнего имущества [30].

И это далеко не полный список рисков (поиск на странице сайта АО «МАКС», посвященной отдельным видам страхования, выдал 49 совпадений по запросу «ответственность»), которые готова застраховать только АО «МАКС».

Оно и неудивительно, ведь жизнь бесконечно многообразна и совершенно непредсказуема, а значит, никогда нельзя заранее сказать, в результате какого из совершенных тобой действий можно оказаться привлеченным к гражданской ответственности. Вот страховщики за некоторую плату и предлагают обезопасить себя как от таких простых и понятных каждому человеку вещей, вроде затопления соседа снизу в результате поломки стиральной машинки, так и весьма специфических, как то причинение вреда здоровью человека в ходе клинических испытаний препаратов.

А коль так, мы полагаем совершенно невозможным дать классификацию по характеру страхуемого риска ответственности за причинение вреда – всех случаев, которые потенциально можно застраховать, охватить в принципе нельзя, да и ненужно этого делать. Это приведет лишь к избыточной зарегулированности складывающихся в этой сфере правоотношений, что едва ли можно назвать положительным явлением [31. С. 186].

Теперь лучше перейдем к опыту зарубежных стран и посмотрим, есть ли у них какие-то виды обязательного страхования ответственности, которые стоило бы перенять и нам.

Надо полагать, что есть, и в первую очередь это касается области, с которой соприкасается каждый из нас – оказание медицинской помощи. Все мы, приходя на прием к врачу, надеемся оказаться в руках грамотного специалиста, который непременно поставит нам верный диагноз и назначит правильное лечение. Однако люди, к сожалению, несовершенны и потому дать стопроцентную гарантию этого нельзя – ошибаются все. Ценой такой ошибки могут стать здоровье или даже жизнь пациента.

По понятным причинам вести объективную статистику, показывающую долю ошибочных диагнозов среди общего их количества, едва ли представляется возможным. Но некоторые выводы об этом можно сделать на основании косвенных показателей: так, расхождения диагнозов, поставленных пациенту в поликлинике и в стационаре, имеются в 30–35% случаев [32. С. 16]. То есть по меньшей мере каждый третий диагноз, поставленный первоначально, оказывается неверным.

В таком случае назначается неверное лечение (лечат-то не от того, от чего нужно), что может привести к проблемам со здоровьем пациента, тогда как подобное является основанием для предъявления с его стороны требования о возмещении причиненного вреда (ст. 1084 ГК РФ).

Во многих зарубежных правовых системах законодатель это понимает и стремится обеспечить интересы и пациентов, и медицинских работников, для чего вводит обязательное страхование профессиональной ответственности последних. Так было сделано в США (на уровне отдельных штатов) [33. С. 82], Швеции, Финляндии, Австралии и канадской провинции Квебек [34].

Но как же с этим обстоят дела у нас? А у нас лишь говорится о наличии у медицинских работников права на страхование риска своей профессиональной ответственности [35], будто бы без прямого указания в законе никто бы о наличии такого права и подумать не мог.

Между тем в пользу необходимости подобного решения свидетельствуют и зарубежный опыт, и статистика судебных споров, количество которых исчисляется тысячами и год за годом неуклонно растет [36].

В таких обстоятельствах представлялось бы обоснованным введение обязательного страхования риска профессиональной ответственности медицинских работников. Это позволило бы гарантировать права и пациентов, которым был причинен вред в результате врачебной ошибки, и медицинских работников, которые тем самым будут защищены от предъявления требований непосредственно от потерпевшего или от своего работодателя в порядке регресса (п. 1 ст. 1081 ГК РФ).

Главным и используемым в практике критерием классификации договоров страхования ответственности за причинение вреда является обязательный либо добровольный характер их заключения. Хотя отдельные виды таких договоров различаются также по характеру страхуемых интересов, однако составить сколько-нибудь полную классификацию договоров страхования ответственности по этому признаку едва ли возможно: слишком уж велико число жизненных ситуаций, в которых может быть причинен вред третьим лицам, и, соответственно, в которых такой риск может быть застрахован.

Но вот что сделать возможно, так это внести предложение закрепить в России необходимость обязательного страхования риска профессиональной ответственности медицинских работников, как это уже было сделано во многих развитых странах, скажем, США или Швеции. Это позволило бы гарантировать права и пациентов, которым был причинен вред в результате врачебной ошибки, и медицинских работников, которые тем самым будут защищены от предъявления требований непосредственно от потерпевшего или от своего работодателя в порядке регресса.

Список источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Versicherungsvertragsgesetz vom 23. November 2007 (BGBl. I S. 2631). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/vvg_2008/BJNR263110007.html#BJNR263110007 BJNG000100000 (дата обращения: 21.10.2021).
3. Фогельсон Ю.Б. Страхование право: теоретические основы и практика применения. М., 2021. 574 с.
4. Гражданский кодекс Квебека / ред. О.М. Козырь, А.А. Маковская. М. : Статут, 1999. 472 с.
5. Гражданский кодекс Чешской Республики от 03.02.2012 № 89/2012. URL: http://juristpraha.cz/ru/89_2012_rus (дата обращения: 21.10.2021).
6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву : Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. : Консультант плюс : Статут, 2003. 780 с.

7. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Особенная часть) от 01.07.1999 № 409-І. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013880 (дата обращения: 21.10.2021).

8. Гражданский кодекс Республики Беларусь от 07.12.1998 № 218-З. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения: 21.10.2021).

9. Серебровский В.И. Страхование. М., 1927. 143 с.

10. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с обязательным страхованием гражданской ответственности владельцев транспортных средств (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.06.2016 (в ред. от 26.04.2017)) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 2.

11. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.04.2020 № 09АП-6221/2020-ГК по делу № А40-274724/2019. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/dd60ca76-e68b-4d7f-808b-5c071e58f391> (дата обращения: 21.10.2021).

12. Апелляционное определение Московского городского суда от 22.07.2020 по делу № 2-4520/2019, 33-18241/2020. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/95bd6d3a-5975-438a-91c6-75800830e280?caseNumber=33-18241/2020> (дата обращения: 21.10.2021).

13. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств : Федеральный закон от 25.04.2002 № 40-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/.

14. Назван средний размер сбережений россиян. URL: <https://www.interfax.ru/business/676620> (дата обращения: 21.10.2021).

15. Об обязательном страховании гражданской ответственности перевозчика за причинение вреда жизни, здоровью, имуществу пассажиров и о порядке возмещения такого вреда, причиненного при перевозках пассажиров метрополитеном : Федеральный закон от 14.06.2012 № 67-ФЗ (в ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131156/.

16. Об обязательном страховании гражданской ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте : Федеральный закон от 27.07.2010 № 225-ФЗ (в ред. от 18.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103102/.

17. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19.03.1997 № 60-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/.

18. О накопительно-ипотечной системе жилищного обеспечения военнослужащих : Федеральный закон от 20.08.2004 № 117-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48957/.

19. Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/.

20. О кадастровой деятельности : Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (в ред. от 11.06.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70088/.

21. Об оценочной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_19586/.

22. О несостоятельности (банкротстве) : Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/.

23. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1) (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/.

24. Правила страхования профессиональной ответственности врачей № 35.4 от 29.09.2017. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/16_otv_vrachey/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0%2035.4.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
25. Правила страхования ответственности лиц, занимающихся охранной (детективной) деятельностью, № 70.2 от 29.07.2015. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/34_otv_ohrannikov/Rules_70.2.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
26. Правила страхования ответственности директоров, должностных лиц и компаний № 143.1 от 23.05.2013. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/83_otv_direktorov/Pravila_143.1_OTVST_DIREKTOROV.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
27. Правила страхования ответственности строителей, архитекторов, проектировщиков и изыскателей № 137.1 от 18.12.2012. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/78_otv_stroiteley_arhitektorov/Pravila_137.1_OTVT_STROITELEY_ARHITEKTOROV_PROEKTIROVSh.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
28. Правила страхования ответственности перевозчиков и экспедиторов № 157.1 от 08.02.2017. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/87_otvetstvennost_perevozchiki/rules_otv_perevozchiki.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
29. Правила страхования ответственности при проведении клинических исследований (испытаний) № 161.1 от 27.06.2019. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/pravila160/Rules_161.1.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
30. Правила страхования имущества и гражданской ответственности физических лиц № 92.6 от 30.04.2019. URL: http://www.makc.ru/upload/RULES/44_imvo_i_go_fiz_lic/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0%2092.6.pdf (дата обращения: 21.10.2021).
31. Сехин И.В. Плотность нормативно-правового регулирования: понятие и шкала оценки // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 4. С. 186–189.
32. Шарабчиев Ю.Т. Врачебные ошибки и дефекты оказания медицинской помощи: социально-экономические аспекты и потери общественного здоровья // Международные обзоры: клиническая практика и здоровье. 2013. № 6. С. 14–31.
33. Завражский А.В. Анализ отечественного и зарубежного опыта страхования профессиональной ответственности медицинских работников // Финансы и управление. 2019. № 1. С. 79–90.
34. Международные системы страхования ответственности медицинских работников: на примере системы деликтной ответственности в США и шведской системы страхования ответственности от вреда, наступающего без вины страхователя. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/447221468780343679/pdf/290110Russian0malpractice1systems.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).
35. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/.
36. Количество гражданских исков к клиникам растет на 15% в год. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvo-grajdanskikh-iskov-k-klinikam-rastet-na-15-v-god.html> (дата обращения: 21.10.2021).

References

1. Russian Federation. (1996) *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya)* ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 01.07.2021, s izm. ot 08.07.2021) [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) dated January 26, 1996, No. 14-FZ (as amended on July 1, 2021, as amended on July 8, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/.
2. Germany. (2007) *Versicherungsvertragsgesetz vom 23. November 2007 (BGBl. I S. 2631)*. [Online] Available from: http://www.gesetze-im-internet.de/vvg_

2008/BJNR263110007.html#BJNR263110007 BJNG000100000 (Accessed: 21st October 2021).

3. Fogelson, Yu.B. (2021) *Strakhovoe pravo: teoreticheskie osnovy i praktika primeneniya* [Insurance Law: Theoretical Foundations and Practice of Application]. Moscow: Norma.

4. Kozyr, O.M. & Makovskaya, A.A. (eds) (1999) *Grazhdanskiy kodeks Kvebeka* [The Civil Code of Quebec]. Moscow: Statut.

5. Czech Republic. (2012) *Grazhdanskiy kodeks Cheshskoy Respubliki ot 03.02.2012 № 89/2012* [Civil Code of the Czech Republic dated February 3, 2012, No. 89/2012]. [Online] Available from: http://juristpraha.cz/ru/89_2012_rus (Accessed: 21st October 2021).

6. Ioffe, O.S. (2003) *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii tsivilist. mysli. Grazhdanskoe pravootnosheniye. Kritika teorii "khozystvennogo prava"* [Selected works on civil law: From the history of civil law thoughts. Citizen legal relationship. Criticism of the theory of "household" law]. Moscow: Konsultant plyus: Statut.

7. Kazakhstan. (1999) *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Kazakhstan (Osobennaya chast') ot 01.07.1999 № 409-I* [Civil Code of the Republic of Kazakhstan (Special Part) dated July 1, 1999, No. 409-I]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013880 (Accessed: 21st October 2021).

8. Belarus. (1998) *Grazhdanskiy kodeks Respubliki Belarus' ot 07.12.1998 № 218-Z* [Civil Code of the Republic of Belarus dated December 7, 1998, No. 218-Z]. [Online] Available from: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (Accessed: 21st October 2021).

9. Serebrovskiy, V.I. (1927) *Strakhovanie* [Insurance]. Moscow: [s.n.].

10. Russian Federation. (2016) *Obzor praktiki rassmotreniya sudami del, svyazannykh s obyazatel'nykh strakhovaniem grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv* (utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 22.06.2016 (v red. ot 26.04.2017) [Review of the practice of courts considering cases related to compulsory civil liability insurance of vehicle owners (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 22, 2016 (as amended on April 26, 2017)). *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 2.

11. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 13.04.2020 № 09AP-6221/2020-GK po delu № A40-274724/2019* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated April 13, 2020 No. 09AP-6221/2020-GK in Case No. A40-274724/2019]. [Online] Available from: <https://kad.arbitr.ru/Card/dd60ca76-e68b-4d7f-808b-5c071e58f391> (Accessed: 21st October 2021).

12. Russian Federation. (2020) *Apellyatsionnoe opredelenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 22.07.2020 po delu № 2-4520/2019, 33-18241/2020* [Appeal ruling of the Moscow City Court dated July 22, 2020, in Case No. 2-4520/2019, 33-18241/2020]. [Online] Available from: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/95bd6d3a-5975-438a-91c6-75800830e280?caseNumber=33-18241/2020> (Accessed: 21st October 2021).

13. Russian Federation. (2002) *Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti vladel'tsev transportnykh sredstv: Federal'nyy zakon ot 25.04.2002 № 40-FZ (v red. ot 02.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 22.08.2021)* [On compulsory civil liability insurance of vehicle owners: Federal Law No. 40-FZ dated April 25, 2002 (as amended on July 2, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on August 22, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_36528/

14. Interfax. (2019) *Nazvan sredniy razmer sberezheniy rossiyan* [The average amount of savings of Russians is named]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/business/676620> (Accessed: 21st October 2021).

15. Russian Federation. (2012) *Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoy otvetstvennosti perevozchika za prichinenie vreda zhizni, zdorov'yu, imushchestvu passazhirov i o poryadke vozmeshcheniya takogo vreda, prichinennogo pri perevozkakh passazhirov metropolitenom: Federal'nyy zakon ot 14.06.2012 № 67-FZ (v red. ot 18.12.2018)* [On compulsory insurance of the carrier's civil liability for damage to the life, health, property of passengers and on the procedure for compensation for such damage caused during the transportation of passengers by metro: Federal Law No. 67-FZ of June 14, 2012 (as amended

on December 18, 2018). [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131156/.

16. Russian Federation. (2010) *Ob obyazatel'nom strakhovanii grazhdanskoj otvetstvennosti vladel'tsa opasnogo ob'ekta za prichinenie vreda v rezul'tate avarii na opasnom ob'ekte: Fede-ral'nyy zakon ot 27.07.2010 № 225-FZ (v red. ot 18.12.2018)* [On compulsory insurance of civil liability of the owner of a hazardous facility for damage caused by an accident at a hazardous facility: Federal Law No. 225-FZ dated July 27, 2010 (as amended on December 18, 2018)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103102/

17. Russian Federation. (1997) *Vozdushnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 19.03.1997 № 60-FZ (v red. ot 02.07.2021)* [Air Code of the Russian Federation dated March 19, 1997, No. 60-FZ (as amended on July 2, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/.

18. Russian Federation. (2004) *O nakopitel'no-ipotechnoy sisteme zhilishchnogo obespecheniya voennosluzhashchikh: Federal'nyy zakon ot 20.08.2004 № 117-FZ (red. ot 02.07.2021)* [On the savings-mortgage housing system for military personnel: Federal Law of August 20, 2004 No. 117-FZ (as amended on July 2, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48957/.

19. Russian Federation. (2002) *Ob investirovaniy sredstv dlya finansirovaniya nakopitel'noy pensii v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 24.07.2002 № 111-FZ (red. ot 11.06.2021)* [On investing funds to finance funded pensions in the Russian Federation: Federal Law of July 24, 2002 No. 111-FZ (as amended on June 11, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37863/

20. Russian Federation. (2007) *O kadaстровой деятельности: Federal'nyy zakon ot 24.07.2007 № 221-FZ (v red. ot 11.06.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2021)* [On cadastral activities: Federal Law No. 221-FZ dated July 24, 2007 (as amended on June 11, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70088/

21. Russian Federation. (1998) *Ob otsenочноy деятельности v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.07.1998 № 135-FZ (red. ot 02.07.2021)* [On appraisal activities in the Russian Federation: Federal Law No. 135-FZ of July 29, 1998 (as amended on July 2, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_19586/

22. Russian Federation. (2002) *O nesostoyatel'nosti (bankrotstve): Federal'nyy zakon ot 26.10.2002 № 127-FZ (v red. ot 02.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 18.10.2021)* [On insolvency (bankruptcy): Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002 (as amended on July 2, 2021) (as amended and supplemented, entered into force on October 18, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/

23. Russian Federation. (1993) *Osnovy zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii o notariate (utv. VS RF 11.02.1993 № 4462-1) (v red. ot 02.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 25.08.2021)* [Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on February 11, 1993, No. 4462-1) (as amended on July 2, 2021) (with amendments and additions, entered into force on August 25, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1581/

24. Russian Federation. (2017) *Pravila strakhovaniya professional'noy otvetstvennosti vrachey № 35.4 ot 29.09.2017* [Rules for professional liability insurance for doctors No. 35.4 dated September 29, 2017]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/16_otv_vrachey/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0%2035.4.pdf (Accessed: 21st October 2021).

25. Russian Federation. (2015) *Pravila strakhovaniya otvetstvennosti lits, zanimayushchikhsya okhrannoy (detektivnoy) deyatel'nost'yu № 70.2 ot 29.07.2015* [Rules for liability insurance of persons engaged in security (detective) activities No. 70.2 dated July 29, 2015]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/34_otv_ohrannikov/Rules_70.2.pdf (Accessed: 21st October 2021).

26. Russian Federation. (2013) *Pravila strakhovaniya otvetstvennosti direktorov, dolzhnostnykh lits i kompanii № 143.1 ot 23.05.2013* [Rules for liability insurance of directors, officers and companies No. 143.1 dated May 23, 2013]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/83_otv_direktorov/Pravila_143.1_OTVST_DIREKTOROV.pdf (Accessed: 21st October 2021).

27. Russian Federation. (2012) *Pravila strakhovaniya otvetstvennosti stroiteley, arkhitektorov, proektirovshchikov i izyskateley № 137.1 ot 18.12.2012* [Rules for liability insurance of builders, architects, designers and surveyors No. 137.1 dated December 18, 2012]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/78_otv_stroiteley_arhitektorov/Pravila_137.1_OTVT_STROITELEY_ARHITEKTOROV_PROEKTIROVSh.pd.pdf (Accessed: 21st October 2021).

28. Russian Federation. (2017) *Pravila strakhovaniya otvetstvennosti perevozchikov i ekspeditorov № 157.1 ot 08.02.2017* [Rules for liability insurance of carriers and forwarders No. 157.1 dated February 8, 2017]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/87_otvetstvennost_perevozchiki/rules_otv_perevozchiki.pdf (Accessed: 21st October 2021).

29. Russian Federation. (2019) *Pravila strakhovaniya otvetstvennosti pri provedenii klinicheskikh issledovaniy(ispytaniy) № 161.1 ot 27.06.2019* [Rules for liability insurance during clinical trials (trials) No. 161.1 dated June 27, 2019]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/pravila160/Rules_161.1.pdf (Accessed: 21st October 2021).

30. Russian Federation. (2019) *Pravila strakhovaniya imushchestva i grazhdanskoj otvetstvennosti fizicheskikh lits № 92.6 ot 30.04.2019* [Rules for property and civil liability insurance of individuals No. 92.6 dated April 30, 2019]. [Online] Available from: http://www.makc.ru/upload/RULES/44_im-vo_i_go_fiz_lic/%D0%9F%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B8%D0%BB%D0%B0%2092.6.pdf (Accessed: 21st October 2021).

31. Sekhin, I.V. (2019) Plotnost' normativno-pravovogo regulirovaniya: ponyatie i shkala otsenki [Density of legal regulation: The concept and assessment scale]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 4. pp. 186–189.

32. Sharabchiev, Yu.T. (2013) Vrachebnye oshibki i defekty okazaniya meditsinskoj pomo-shchi: sotsial'no-ekonomicheskie aspekty i poteri obshchestvennogo zdorov'ya [Medical errors and defects in the provision of medical care: Socio-economic aspects and losses of public health]. *Mezhdunarodnye obzory: klinicheskaya praktika i zdorov'e*. 6. pp. 14–31.

33. Zavrzhzhiy, A.V. (2019) Analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta strakhovaniya professional'noy otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov [The analysis of Russian and foreign experience in insurance of professional liability of medical workers]. *Finansy i upravlenie*. 1. pp. 79–90.

34. World Bank. (n.d.) *Mezhdunarodnye sistemy strakhovaniya otvetstvennosti meditsinskikh rabotnikov: na primere sistemy deliktnoy otvetstvennosti v SShA i shvedskoy sistemy strakhovaniya otvetstvennosti ot vreda, nastupayushchego bez viny strakhovatelya* [International liability insurance systems for medical workers: using the example of the tort liability system in the USA and the Swedish system of liability insurance for harm occurring without the fault of the insured]. [Online] Available from: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/447221468780343679/pdf/290110Russian0malpractice1systems.pdf> (Accessed: 21st October 2021).

35. Russian Federation. (2011) *Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ (v red. ot 02.07.2021) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.10.2021)* [On the basics of protecting the health of citizens in the Russian Federation: Federal Law No. 323-FZ of November 21, 2011, (as amended on July 2, 2021) (as amended and supplemented, entered into force from October 1, 2021)]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/

36. Beskaravaynaya, T. (2019) *Kolichestvo grazhdanskikh iskov k klinikam rastet na 15% v god* [The number of civil claims against clinics is growing by 15% per year]. [Online]

Available from: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvo-grajdanskih-iskov-k-klinikam-rastet-na-15-v-god.html> (Accessed: 21st October 2021).

Информация об авторе:

Авакян А.М., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: avakyan.alesya@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Avakyan A.M., Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: avakyan.alesya@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2022;
одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 03.01.2022;
approved after reviewing 12.05.2022; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья

УДК 349.6

doi: 10.17223/22253513/50/9

Экологический комплаенс: понятие, особенности, роль в снижении эколого-правовых рисков и обеспечении экологической безопасности

**Владимир Викторович Булгаков¹,
Александра Александровна Бросалина²**

^{1,2} *Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия*

¹ *bvv30081960@yandex.ru*

² *brosalina2001@mail.ru*

Аннотация. Раскрываются понятие и особенности экологического комплаенса, конкретизируются основные составляющие в его содержании. Обосновывается самостоятельный характер эколого-правовых рисков, объясняется их значение для возникновения нарушения требований в сфере охраны окружающей среды. Делается вывод о недостаточном развитии экологического комплаенса и его правовом регулировании в России по сравнению с иными видами комплаенса.

Ключевые слова: экологический комплаенс, эколого-правовой риск, окружающая среда, зеленая экономика, государственный контроль (надзор), хозяйствующий субъект

Для цитирования: Булгаков В.В., Бросалина А.А. Экологический комплаенс: понятие, особенности, роль в снижении эколого-правовых рисков и обеспечении экологической безопасности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 117–131. doi: 10.17223/22253513/50/9

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/9

Environmental compliance: concept, features, role in mitigating environmental and legal risks and ensuring environmental security

Vladimir V. Bulgakov¹, Alexandra A. Brosalina²

^{1,2} *Tambov State University, Tambov, Russian Federation*

¹ *bvv30081960@yandex.ru*

² *brosalina2001@mail.ru*

Abstract. In the presented study, the authors focus on environmental compliance as a private law instrument in the legal protection of the environment. It is noted that environmental compliance should be considered as a system built according to certain

legal, managerial, and economic criteria and aimed at preventing environmental and legal risks entailing adverse legal consequences for business entities.

Based on the scientific analysis of the available approaches to understanding environmental compliance, the authors outline the key features of environmental compliance: 1) environmental compliance is a type of compliance in the corporate sector; 2) the object of environmental compliance management is environmental and legal risks; 3) the main purpose of environmental compliance is the timely identification and prevention of environmental and legal risks, as well as the reduction of reputational and financial costs resulting from them; 4) environmental compliance involves constant monitoring of the impact of an enterprise's economic activities on the environment; 5) environmental compliance is aimed at compliance by the enterprise, employees with the requirements of environmental legislation, internal regulatory documents, as well as international legal acts in order to prevent damage to the environmental sphere; 6) environmental compliance involves the functioning of a special unit in the enterprise responsible for compliance activities; 7) environmental compliance performs a control function in relation to the company's activities to comply with environmental standards.

The authors specify that the key components in the concept of "environmental compliance" are: identification and prevention of environmental and legal risks and control over compliance with the requirements of environmental legislation. The nature of environmental and legal risks is revealed in detail, their independent nature is substantiated. The issues related to the implementation of the control function of environmental compliance and its importance for ensuring a balance of private and public interests are highlighted.

The authors conclude that in modern conditions, environmental compliance could become an important mechanism in the implementation of state policy in the field of the environment. However, the lack of regulatory provision for environmental compliance (which is not typical for antimonopoly and anti-corruption compliance in Russia) is a condition that prevents the full implementation of environmental compliance in business activities in Russia.

Keywords: environmental compliance, environmental legal risk, environment, green economy, state control (supervision), business entity

For citation: Bulgakov, V.V. & Brosalina, A.A. (2023) Environmental compliance: concept, features, role in mitigating environmental and legal risks and ensuring environmental security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. 117–131. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/9

Введение. Постановка проблемы

Современное развитие общества связано с тенденциями активного построения промышленности, наращивания темпов отечественной и мировой экономик, внедрения инновационных решений в социально-экономические процессы, формирования политики устойчивого развития. Последнее, на наш взгляд, стало выступать одним из ключевых аспектов в повышении качества жизни населения и ресурсобеспеченности государства. Как отмечается в литературе, «устойчивое развитие – это парадигма сбалансированного, самоподдерживающегося развития, путем взаимосвязанного достижения экологических, социальных и экономических целей» [1. С. 15]. Сочетание этих целей рассматривается современными государствами в качестве неотъемлемого условия для обеспечения двух жизненно важных состояний

– состояния экономического роста и состояния экологического благополучия. Поэтому в настоящий момент времени вопросы, связанные с выстраиванием взаимодействия между экономикой и экологией крайне актуальны. Исследователями даже подчеркивается, что «проблемы окружающей среды ныне интегрированы в экономическую науку» [2. С. 20]. Поэтому в настоящее время актуально говорить о тенденциях экологизации экономики, а также о формировании так называемой зеленой экономики. Как верно отмечает М.Р. Аврора в своем диссертационном исследовании, «экологизация экономического развития в конечном итоге создала новую науку (отрасль научного знания) – зеленую экономику, в основе которой лежит тесная взаимосвязь проблем экономики и экологии» [3. С. 3].

Однако проблемы взаимовлияния экономики и окружающей среды, по нашему мнению, не могут ограничиваться лишь экономической наукой, они в том числе находятся в тесном пересечении с правовой наукой, в частности, с отраслью экологического права. По мнению В.В. Кваниной и Т.И. Макаровой, наличие экономических инструментов в осуществлении экологических отношений обусловлено «двойственным природоохранно-природоресурсным содержанием самих этих отношений», что, в свою очередь, предопределило специфику содержания правового механизма охраны окружающей среды с присущими ему экономическими методами [4. С. 160]. Именно посредством инструментов экономического, а также организационного характера государство на современном этапе способно выстраивать систему взаимосвязи между публичными и частными интересами в вопросах отношения к окружающей среде. Совместной задачей экологического права и экологической безопасности является формирование регулятивных мер, которые позволят обеспечить прежде всего баланс между окружающей средой и хозяйственной деятельностью человека.

О каких же регулятивных мерах может идти речь? На наш взгляд, это прежде всего такие меры, которые должны включать в себя два основных направления: 1) стимулирование добросовестной деятельности со стороны предпринимательского сектора как объективно необходимого элемента в развитии рыночной системы хозяйствования; 2) минимизация и предотвращение эколого-правовых рисков со стороны различных предприятий. Поэтому в рамках нашего исследования нам хотелось бы актуализировать проблему использования такого регулятивного инструмента в деятельности предпринимательского сообщества и его признания со стороны государства как экологический комплаенс.

Понятие и значение комплаенса

С активным развитием предпринимательства как необходимого элемента в поддержании конкурентоспособности экономики государства все больше стало уделяться внимания внедрению в деятельность различных компаний и предприятий систем, позволяющих регулировать их хозяйственную деятельность с целью самостоятельного предотвращения возможных нарушений установленных требований, предотвращения рисков. Такие

системы получили наименование «комплаенс» (от англ. compliance – соответствие, согласие, действие в соответствии с указаниями).

Учитывая новизну термина «комплаенс» как для отечественной, так и зарубежной науки, можно увидеть отсутствие единого подхода к его толкованию. Он может рассматриваться не только через призму юридических, но и экономических, управленческих, социальных аспектов. В этой связи выделяются такие понятия, как комплаенс-менеджмент, комплаенс-процесс, комплаенс-контроль, комплаенс-риск, комплаенс-функция, комплаенс-среда, комплаенс-культура [5]. Распространенным в литературе является понимание комплаенса как определенного «механизма системы внутреннего контроля и ее оценки» [5. С. 31]. При этом ключевым отличием данной системы контроля от механизма обычного контроля является «понууждение корпораций к самостоятельному выявлению допущенных нарушений с последующим уведомлением контролирующих органов» [6. С. 33]. Полагаем, что помимо непосредственно самих нарушений немаловажную роль здесь играют так называемые комплаенс-риски, содержание которых мы рассматривали ранее в одном из своих исследований [7]. Ключевым в комплаенс-рисках является то, что они выступают в качестве объекта самой системы комплаенс-контроля. При этом сами комплаенс-риски могут быть разнообразными – репутационными, налоговыми, правовыми и др. В контексте предмета нашего исследования остановим внимание на такой группе рисков, как и эколого-правовые, и, соответственно, актуализируем проблему функционального назначения экологического комплаенса в преодолении этих рисков, а также обеспечении экологической безопасности.

Экологический комплаенс и эколого-правовые риски

Экологический комплаенс является одной из наиболее новых разновидностей комплаенса на современном этапе, поэтому в литературе еще не выработалось единого определения данного понятия. Так, по мнению В.В. Кваниной и Т.И. Макаровой, экологический комплаенс представляет собой «прикладной инструмент – программу, которая включает оптимальный набор природоохранных мер, необходимых в определенном случае, при данном виде хозяйственной деятельности, с целью реализовать природоохранную политику конкретного субъекта» [8. С. 100]. В.И. Прасолов и В.О. Зубков используют формулировку «комплаенс в сфере экологии», понимают под ним «мониторинг внутреннего характера, позволяющий осуществлять контроль работы предприятия на предмет его соответствия международным стандартам экологической безопасности» [9. С. 44]. На наш взгляд, не совсем ясным в последнем из представленных определений является сделанный акцент на соответствии исключительно «международным стандартам экологической безопасности», поскольку в данном случае размывается значимость национальных стандартов и национального законодательства в природоохранной сфере. Ведь экологическая безопасность является состав-

ной частью национальной безопасности, о чем свидетельствуют действующие в Российской Федерации акты стратегического планирования, в частности, Стратегия национальной безопасности РФ [10] и Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г. [11].

Безусловно, международные стандарты имеют определяющее значение для построения эффективной экологической политики в государстве, однако для сохранения благоприятной окружающей среды, минимизации ущерба для ее компонентов важны, в первую очередь, национальные стандарты и требования национального законодательства, на основе которых и реализуется долгосрочная государственная политика Российской Федерации в сфере окружающей среды. Экологический комплаенс, являясь системой, позволяющей обеспечить соблюдение хозяйствующими субъектами требований природоохранного законодательства и предотвратить эколого-правовые риски в их деятельности, может выступать одновременно как «частью общей экологической политики корпорации» [12. С. 49], так и частью государственной экологической политики, в частности, в вопросах реализации контрольно-надзорной и экологической функций государства.

В своем исследовании А.В. Захаров и А.Г. Попов отмечают, что «в современных условиях государство не будет развиваться, если не будет отражать все стороны экологической деятельности в содержании экологической функции» [13. С. 131]. Полагаем, что как раз экологический комплаенс и можно рассматривать в качестве перспективного регулятивного инструмента в деятельности предприятий, а также средства, которое может быть востребовано в экологической политике государства как альтернативная мера правовой охраны окружающей среды. Совершенно обоснованно по этому поводу в литературе подчеркивается «необходимость сочетания при осуществлении охраны окружающей среды публично-правовых (организационных) и частноправовых (экономических) природоохранных мер» [14. С. 185]. К числу первых ученые относят государственный экологический надзор, к числу вторых – экологический комплаенс – инструмент, которому присущ не только правовой, но и экономический характер [14. С. 185].

Каковы же особенности содержания экологического комплаенса? Полагаем, что, в первую очередь, экологический комплаенс необходимо рассматривать в качестве системы, построенной по определенным юридическим, управленческим, экономическим критериям и направленной на предотвращение эколого-правовых рисков, возможных неблагоприятных для предприятия последствий.

В.И. Прасолов и В.О. Зубков выделяют следующие элементы в содержании экологического комплаенса:

- контроль руководства и его приверженность в области комплаенса и экологической безопасности;
- наличие специального подразделения по осуществлению комплаенса и его взаимодействие с другими подразделениями;
- оценка экологических комплаенс-рисков;
- осуществление более опасных по риску процедур в бизнес-процессах;

– расследование нарушений и преступлений, возможность применения дисциплинарных взысканий;

– наличие специальных стандартов, документов, вводимых в предприятия в рамках экологического законодательства [9. С. 44].

А.И. Михайлова, анализируя содержание комплаенс-программы в сфере экологической политики предприятия, отмечает важность наличия специальных эколого-правовых средств, которые должны позволять предприятию достигать экологически значимые результаты, оценивать состояние экологической безопасности и возможность наступления экологических рисков, осуществлять природоохранные мероприятия, реализовывать сотрудничество с заинтересованными в экологических аспектах деятельности субъектами, проводить экологическое информирование и просвещение населения с целью повышения имиджа предприятия [15. С. 121].

Таким образом, анализируя научные мнения относительно ключевых особенностей экологического комплаенса, можем выделить следующие:

1) экологический комплаенс представляет собой разновидность комплаенса в корпоративном секторе;

2) объектом управления системы экологического комплаенса являются эколого-правовые риски;

3) основной целью экологического комплаенса является своевременное выявление и предотвращение эколого-правовых рисков, а также снижение вытекающих из них репутационных, финансовых издержек;

4) экологический комплаенс предполагает осуществление постоянного мониторинга за воздействием хозяйственной деятельности предприятия на окружающую среду;

5) экологический комплаенс направлен на соблюдение предприятием, сотрудниками требований экологического законодательства, внутренних регулятивных документов, а также международных правовых актов в целях недопущения ущерба природоохранной сфере;

6) экологический комплаенс предполагает функционирование специального подразделения в предприятии, отвечающего за деятельность в сфере комплаенса;

7) экологический комплаенс осуществляет контрольную функцию в отношении деятельности предприятия по соблюдению экологических норм.

Таким образом, ключевыми составляющими в понятии «экологический комплаенс» являются: выявление и предотвращение эколого-правовых рисков и контроль за соблюдением требований экологического законодательства. Считаем целесообразным проанализировать более подробно каждую из обозначенных составляющих.

Эколого-правовые риски представляют собой одну из разновидностей комплаенс-рисков или, как их еще именуют в литературе, регуляторных рисков [16. С. 102]. Эколого-правовые риски также по своей сущности принадлежат к экологическим рискам, которые, в свою очередь, раскрываются в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей

среды» [17]. Так, в соответствии со ст. 1 под экологическим риском понимается «вероятность наступления события, имеющего неблагоприятные последствия для природной среды и вызванного негативным воздействием хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайными ситуациями природного и техногенного характера». Однако именно эколого-правовые риски имеют собственную специфику, являются отличными, например, от эколого-экономических рисков.

Н.В. Кичигин предлагает понимать эколого-правовой риск как «разновидность юридического риска, который проявляется в возможности наступления негативных правовых последствий для субъектов экологического права в результате нарушения экологических требований, публичных экологических интересов, экологических прав человека» [18. С. 140].

К.Н. Зуев, Т.Б. Рогова, С.В. Шаклеин не используют формулировку «эколого-правовой риск», а рассматривают комплаенс-риск добывающей компании, под которым понимают «риск применения к недропользователю юридических санкций или санкций регулирующих органов в результате несоблюдения им законов, инструкций, указаний и т.п.» [19. С. 88].

А.В. Молочко наделяет эколого-правовые риски также политическим контекстом, в связи с чем использует формулировку «эколого-политический риск (эколого-правовой) риск», понимает под ним «риск, обусловленный экологическими акциями протеста» [20. С. 13]. По мнению ученого, сущность эколого-правовых рисков состоит в возможном ужесточении требований российского природоохранного законодательства и международных правовых норм к промышленным объектам.

Проведя научный анализ работ, затрагивающих в той или иной степени проблемы экологического комплаенса и эколого-правовых рисков, мы приходим к выводу, что на настоящий момент времени в доктрине отсутствует устоявшаяся терминологическая база в этой области. Недостаточное исследование понятия и специфики экологического комплаенса как относительно нового явления в экологическом праве логически объясняет не частое использование категории «эколого-правовой риск» в литературе и юридической практике. В большинстве работ акцент делается на экологических рисках, что может быть обусловлено нормативным закреплением этого понятия в Законе об охране окружающей среды. Однако установленное в этом законодательном акте определение экологического риска является более широким понятием, чем эколого-правовой риск.

Экологический риск представляет собой один из элементов, входящих в комплексную систему экологической безопасности, которая в своем содержании предполагает систему, позволяющую установить предельно допустимое негативное воздействие природных и антропогенных факторов экологической опасности на окружающую среду, социум, человека. Эта система базируется на определенных физических, химических, биологических, географических принципах. В этом контексте можно было бы предположить, что часто применяемое в литературе понятие «экологический риск» обосновывается его комплексным и универсальным характером по отношению ко

всем взаимосвязанным с ним явлениям и процессам. Однако система экологической безопасности не является системой, построенной только по естественным критериям и принципам, она выступает еще и правовым механизмом, объектом, который опосредуется и в сфере правового регулирования. Исходя из этого, возникает вопрос: достаточно ли широкого понятия «экологический риск» для содержательного наполнения системы экологической безопасности прежде всего как правовой категории? Или же целесообразно признавать необходимость использования в научном обороте более конкретные категории, имеющие собственную специфику? Полагаем, что при изучении экологического комплаенса, правового регулирования хозяйственной деятельности в сфере окружающей среды и иных вопросов в этой области более правильным является использование категории «эколого-правовой риск» и придание ей самостоятельного значения.

В дополнение к своим рассуждениям приведем выделенные Н.В. Кичиных ключевые отличия эколого-правовых рисков от экологических рисков:

1) эколого-правовые риски подразумевают исключительно правовой характер негативных последствий;

2) если экологические риски подразумевают негативные последствия для окружающей среды, то эколого-правовые риски связаны с причинением вреда для субъектов права (физических и юридических лиц);

3) экологические риски могут выступать в качестве источников эколого-правовых рисков (экологический риск причиняет ущерб водным биологическим ресурсам, что обуславливает возникновение эколого-правового риска – ответственности природопользователя за причинение вреда) [21. С. 148].

Таким образом, основной чертой, отражающей сущность эколого-правовых рисков, является их взаимосвязь с возникающими неблагоприятными юридическими последствиями для субъектов, причинивших вред окружающей (природной) среде. Эти последствия выражаются в применении к нарушителям природоохранных норм определенных мер юридической ответственности.

Поэтому считаем обоснованным под эколого-правовыми рисками понимать риски, которые обуславливают возникновение нарушения норм экологического законодательства, иных требований в сфере окружающей среды, и в последующем применение юридических санкций к субъектам хозяйственной деятельности, причинившим вред охраняемым природным объектам. Снижение и предотвращение эколого-правовых рисков и есть задача экологического комплаенса.

Эколого-правовые риски имеют правовую сущность, однако управление ими определяет не только уровень соответствия предпринимательской деятельности нормативным требованиям, но и иные показатели, которые определяют успешность деятельности хозяйствующего субъекта, в частности, преодоление постоянных проверок со стороны контрольных (надзорных) органов, недопущение серьезных экономических потерь. Эти показатели на

самом деле очень важны для деятельности предприятий, поскольку достаточно часто из-за отсутствия внутренних регуляторов предприятия недобросовестно оказывают негативное воздействие на природные ресурсы, что в последующем приводит к неоднократным проверкам их деятельности и значительным штрафам. Достаточно вспомнить недавнее дело № А32-8101/2022 Арбитражного суда Краснодарского края по иску Черноморско-Азовского морского управления Федеральной службы по надзору в сфере природопользования к акционерному обществу «Каспийский трубопроводный консорциум-Р» о взыскании вреда, причиненного водному объекту – Черному морю, в размере 5 285 111 430 руб. [22]. Данное предприятие существенным образом нарушило нормы природоохранного законодательства, обеспечило «залповый сброс сырой нефти из выносного причального устройства № 1 в акваторию Черного моря». Таким образом, произошло значительное превышение предельно допустимых концентраций нефтепродуктов в морской воде. Очевидно, что эколого-правовые риски повлекли огромный ущерб предприятию, выразившийся в значительном размере штрафа, снижении репутации, давлении органов контроля (надзора).

Важное значение экологического комплаенса состоит в том, что он реализует контрольную функцию внутри самого предприятия. Контроль в данном случае предполагает совокупность мер, направленных на обеспечение соответствия деятельности предприятия требованиям экологического законодательства, нормативам, предписаниям контролирующих органов. То есть в данном случае контроль в рамках экологического комплаенса представляет собой инструмент, способствующий самостоятельному предотвращению нарушений хозяйствующим субъектом и ограничению государственного вмешательства в его деятельность за счет минимизации излишних проверок со стороны государственных органов контроля (надзора) в сфере охраны окружающей среды. Основываясь на вышесказанном, считаем возможным предположить, что в современных условиях экологический комплаенс мог бы приобрести значение важного механизма в реализации государственной политики в области обеспечения законности в вопросах, касающихся окружающей среды. Однако необходимо дальнейшее изучение экологического комплаенса и его позитивного влияния на обеспечение баланса частных и публичных интересов в сфере охраны окружающей среды.

Современное состояние развития экологического комплаенса в России

В литературе отмечается, что несмотря на то, что в большей степени рассмотрение экологического комплаенса в качестве эффективного правового инструмента происходит в доктрине, на практике этот инструмент мог бы оказать положительное влияние на эколого-правовую деятельность юридических лиц [15. С. 120]. Каковы же перспективы применения экологического комплаенса в российской практике? В этом вопросе присутствует определенная неоднозначность. С одной стороны, экологический компла-

енс имеет большой потенциал как инструмент, сочетающий в себе совокупность природоохранных мер частного субъекта, а это вполне соответствует тем средствам частноправового характера, которые получили закрепление в усовершенствованном законодательстве в области контроля (надзора). Так, например, в ст. 51 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [23] говорится о возможности самообследования контролируемого лица в целях добровольного определения уровня соблюдения им обязательных требований. С другой стороны, экологический комплаенс не получил нормативного урегулирования на национальном уровне, в частности, не содержится никаких законодательных разъяснений относительно определения экологического комплаенса, правил и условий его осуществления. В этом аспекте состояние правового регулирования экологического комплаенса уступает состоянию правовой обеспеченности антимонопольного комплаенса в России, поскольку последний получил закрепление в федеральном законодательстве (ст. 9.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [24]), а также в разъяснениях ФАС [25]. Кроме того, если обратиться к Федеральному закону от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [26], можно увидеть, что там закреплена необходимость разработки антикоррупционного комплаенса в организациях (ст. 13.3).

Практику развития экологического комплаенса нельзя назвать сложившейся среди российских организаций по сравнению с крупными международными организациями. Исследователями отмечается, что среди основных факторов, препятствующих повсеместному введению экологического комплаенса, являются «добровольность применения экологического комплаенса, отсутствие законодательного стимулирования, значительные финансовые затраты на формирование комплаенс-системы, неопределенность компетенции органов управления корпорации» [12. С. 49].

Заключение

Таким образом, в рамках данного исследования мы предприняли попытку провести научный анализ такого явления, как экологический комплаенс, определить его основные черты и выявить его значение для природоохранной деятельности хозяйствующих субъектов, экологической безопасности государства в целом. Полагаем, что с учетом динамичного развития рыночных отношений, постоянной необходимости в обеспечении промышленности и производства экологический комплаенс мог бы играть роль качественного правового и экономического инструмента в регулировании процесса соблюдения норм экологического законодательства предприятиями наряду с публично-правовыми мерами, в частности, государственным контролем (надзором). Было установлено, что экологический комплаенс по своему содержанию представляет комплексную систему, имеющей своей

целью предотвращение эколого-правовых рисков, влекущих неблагоприятные для хозяйствующих субъектов юридические последствия.

Эколого-правовые риски составляют объект управления системы экологического комплаенса и характеризуются своей сугубо юридической направленностью в отличие от экологических рисков – более широкой категории. Отсутствие нормативной обеспеченности экологического комплаенса, безусловно, является условием, препятствующим для его полноценной имплементации в предпринимательскую деятельность в России. И в этом аспекте экологический комплаенс, являясь разновидностью комплаенса в корпоративном секторе, существенно уступает уровню развития иных видов комплаенса в российском государстве – антимонопольному и антикоррупционному.

Вместе с этим, принимая во внимание изученные в процессе данного исследования позиции ученых, мы считаем, что продуманная система экологического комплаенса вполне могла бы являться перспективной для России, что, в свою очередь, требует дальнейшего комплексного изучения различных аспектов функционирования экологического комплаенса не только с точки зрения охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности, но и с точки зрения социально-экономического развития страны.

Список источников

1. Лясковская Е.А., Григорьева К.А. Формирование «зеленой» экономики и устойчивость развития страны и регионов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2018. Т. 12, № 1. С. 15–22.
2. Иванова Н.И., Левченко Л.В. «Зеленая» экономика: сущность, принципы и перспективы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2017. № 2. С. 19–28.
3. Аврора М.Р. Зеленая экономика в контексте проблем устойчивого развития : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2021. 25 с.
4. Кванина В.В., Макарова Т.И. Системные проблемы в правовом обеспечении экологического страхования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 39. С. 159–173.
5. Батаева Б.С., Черепанова В.А. Перспективы развития комплаенса как средства улучшения корпоративного управления в российских компаниях // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 5. С. 30–36.
6. Ординарцев И.И. Проблемы становления комплаенса в России // Управленческие науки. 2020. № 2. С. 31–40.
7. Бросалина А.А. Комплаенс как инструмент управления правовыми рисками: к постановке вопроса о соблюдении баланса интересов между предпринимательским сообществом и органами государственного контроля (надзора) // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6, № 1. С. 7–18.
8. Кванина В.В., Макарова Т.И. Экологический комплаенс в системе правовой охраны окружающей среды // Журнал Белорусского государственного университета. Право. 2020. № 1. С. 95–101.
9. Прасолов В.И., Зубков В.О. Экологический комплаенс в деятельности современных компаний // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 3, № 12. С. 42–49.
10. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

11. Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2546.
12. Коваленко Е.И., Пушкарев И.П. Экологический комплаенс как часть корпоративной политики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 20, № 1. С. 46–50.
13. Захаров А.В., Попов А.Г. Обеспечение экологической безопасности в условиях современных глобальных экологических вызовов человечеству // Актуальные проблемы государства и права. 2017. № 1. С. 131–140.
14. Кванина В.В., Макарова Т.И. Публичные и частноправовые средства минимизации экологических рисков: теоретико-инструментальный анализ // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 36. С. 174–188.
15. Михайлова А.И. Роль экологического комплаенса в природоохранной деятельности юридического лица: правовой аспект (на примере нефтеперерабатывающего предприятия ОАО «Нафтан») // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2022. № 5. С. 120–125.
16. Таут С.В., Овечкина М.А. Антикоррупционный комплаенс как инструмент профилактики правовых рисков и эффективной защиты имущественных прав компаний // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 3 (234). С. 99–107.
17. Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.
18. Кичигин Н.В. Эколого-правовые риски как универсальный критерий оценки экологического законодательства // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 3. С. 138–151.
19. Зуев К.Н., Рогова Т.Б., Шаклеин С.В. Комплаенс-риски добывающих компаний, связанные с несовершенством действующего законодательства в области недропользования // Уголь. 2018. № 5 (1106). С. 88–93.
20. Молочко А.В. Геоинформационное моделирование геоэкологических рисков : учеб. пособие. Саратов : Техно-Декор, 2021. 92 с.
21. Кичигин Н.В. Минимизация и предупреждение эколого-правовых рисков // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 144–154.
22. Дело № А32-8101/2022: решение Арбитражного суда Краснодарского края от 29 апреля 2022 г. по делу № А32-8101/2022. URL: <https://www.profiz.ru/upl/5%2C28%20млрд%2C%20решение%20суда%20.pdf> (дата обращения: 07.01.2023).
23. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5007.
24. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3434.
25. Приказ Федеральной антимонопольной службы от 27 ноября 2018 г. № 1646/18 (ред. от 22.03.2022) «О системе внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства в ФАС России (антимонопольном комплаенсе)» // СПС «КонсультантПлюс».
26. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 07.10.2022) «О противодействии коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228.

References

1. Lyaskovskaya, E.A. & Grigorieva, K.A. (2018) Formirovanie “zelenoy” ekonomiki i ustoychivost' razvitiya strany i regionov [The formation of a “green” economy and sustainable development of the country and regions]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i menedzhment*. 12(1). pp. 15–22.

2. Ivanova, N.I. & Levchenko, L.V. (2017) "Zelenaya" ekonomika: sushchnost', printsipy i perspektivy ["Green" economy: Essence, principles and prospects]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Ekonomika."* 2. pp. 19–28.
3. Avrora, M.R. (2021) *Zelenaya ekonomika v kontekste problem ustoychivogo razvitiya* [Green economy in the context of sustainable development problems]. Abstract of Economy Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Kvanina, V.V. & Makarova, T.I. (2021) Systemic problems in the legal provision of environmental insurance at the federal and regional levels. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 39. pp. 159–173. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/39/13
5. Bataeva, B.S. & Cherepanova, V.A. (2017) Perspektivy razvitiya komplaensa kak sredstva uluchsheniya korporativnogo upravleniya v rossiyskikh kompaniyakh [Prospects for the development of compliance as a means of improving corporate governance in Russian companies]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo.* 5. pp. 30–36.
6. Ordinartsev, I.I. (2020) Problemy stanovleniya komplaens v Rossii [Problems of establishing compliance in Russia]. *Upravlencheskie nauki.* 2. pp. 31–40.
7. Brosalina, A.A. (2022) Komplaens kak instrument upravleniya pravovymi riskami: k postanovke voprosa o soblyudenii balansa interesov mezhdru predprinimatel'skim soobshchestvom i organami gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) [Compliance as a tool for managing legal risks: On maintaining a balance of interests between the business community and state control (supervision) bodies]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava.* 6(1). pp. 7–18.
8. Kvanina, V.V. & Makarova, T.I. (2020) Ekologicheskii komplaens v sisteme pravovoy okhrany okruzhayushchey sredy [Environmental compliance in the system of legal environmental protection]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo.* 1. pp. 95–101.
9. Prasolov, V.I. & Zubkov, V.O. (2018) Ekologicheskii komplaens v deyatel'nosti sovremennykh kompaniy [Environmental compliance in the activities of modern companies]. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya.* 3(12). pp. 42–49.
10. Russian Federation. (2021) Ukaz Prezidenta RF ot 02.07.2021 № 400 "O Strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii" [Decree No. 400 of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021, "On the National Security Strategy of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 27(2). Art. 5351.
11. Russian Federation. (2017) Ukaz Prezidenta RF ot 19.04.2017 № 176 "O Strategii ekologicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda" [Decree No. 176 of the President of the Russian Federation dated April 19, 2017, "On the Environmental Safety Strategy of the Russian Federation until 2025"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 17. Art. 2546.
12. Kovalenko, E.I. & Pushkarev, I.P. (2020) Ekologicheskii komplaens kak chast' korporativnoy politiki [Environmental compliance as part of corporate policy]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.* 20(1). pp. 46–50.
13. Zakharov, A.V. & Popov, A.G. (2017) Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v usloviyakh sovremennykh global'nykh ekologicheskikh vyzovov chelovechestvu [Ensuring environmental safety in the context of modern global environmental challenges to humanity]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava.* 1. pp. 131–140.
14. Kvanina, V.V. & Makarova, T.I. (2020) Public and private legal means of minimizing environmental risks: theoretical and instrumental analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law.* 36. pp. 174–188. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/36/16
15. Mikhaylova, A.I. (2022) Rol' ekologicheskogo komplaensa v prirodookhrannoy deyatel'nosti yuridicheskogo litsa: pravovoy aspekt (na primere neftepererabatyvayushchego predpriyatiya OAO "Naftan") [The role of environmental compliance in the environmental activities of a legal entity: legal aspect (a case study of the oil refining enterprise OJSC Naftan)].

Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 5. pp. 120–125.

16. Taut, S.V. & Ovechkina, M.A. (2021) Antikorrupcionnyy komplaens kak instrument profilaktiki pravovykh riskov i effektivnoy zashchity imushchestvennykh prav kompaniy [Anti-corruption compliance as a tool for preventing legal risks and effective protection of property rights of companies]. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii.* 3(234). pp. 99–107.

17. Russian Federation. (2002) Federal'nyy zakon ot 10.01.2002 № 7-FZ (red. ot 14.07.2022) “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” [Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002 (as amended on July 14, 2022) “On Environmental Protection”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 2. Art. 133.

18. Kichigin, N.V. (2021) Ekologo-pravovye riski kak universal'nyy kriteriy otsenki ekologicheskogo zakonodatel'stva [Environmental and legal risks as a universal criterion for assessing environmental legislation]. *Zhurnal rossiyskogo prava.* 25(3). pp. 138–151.

19. Zuev, K.N., Rogova, T.B. & Shaklein, S.V. (2018) Komplaens-riski dobyvayushchikh kompaniy, svyazannye s nesovershenstvom deystvuyushchego zakonodatel'stva v oblasti nedropol'zovaniya [Compliance risks of mining companies associated with the imperfection of current legislation in the field of subsoil use]. *Ugol'.* 5(1106). pp. 88–93.

20. Molochko, A.V. (2021) *Geoinformatsionnoe modelirovanie geoekologicheskikh riskov* [Geoinformation Modeling of Geoecological Risks]. Saratov: Tekhno-Dekor.

21. Kichigin, N.V. (2018) Minimizatsiya i preduprezhdenie ekologo-pravovykh riskov [Minimization and prevention of environmental and legal risks]. *Zhurnal rossiyskogo prava.* 8(260). pp. 144–154.

22. Russian Federation. (2022) *Delo № A32-8101/2022: reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 29 aprelya 2022 g. po delu № A32-8101/2022* [Case No. A32-8101/2022: decision of the Arbitration Court of the Krasnodar Territory dated April 29, 2022 in case No. A32-8101/2022]. [Online] Available from: <https://www.profiz.ru/upl/5%2C28%20mlrd%2C%20reshenie%20suda%20.pdf> (Accessed: 7th January 2023).

23. Russian Federation. (2020) Federal'nyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ (red. ot 05.12.2022) “O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipal'nom kontrole v Rossiyskoy Federatsii” [Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on December 5, 2022) “On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 31(1). Art. 5007.

24. Russian Federation. (2006) Federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2006 g. № 135-FZ (red. ot 19.12.2022) “O zashchite konkurentsii” [Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 (as amended on December 19, 2022) “On the Protection of Competition”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 31(1). Art. 3434.

25. Russian Federation. (2018) *Prikaz Federal'noy antimonopol'noy sluzhby ot 27 noyabrya 2018 g. № 1646/18 (red. ot 22.03.2022) “O sisteme vnutrennego obespecheniya sootvetstviya trebovaniyam antimonopol'nogo zakonodatel'stva v FAS Rossii (antimonopol'nom komplaense)”* [Order No. 1646/18 of the Federal Antimonopoly Service of November 27, 2018 (as amended on March 22, 2022) “On the system of internal compliance with the requirements of antimonopoly legislation in the FAS Russia (antimonopoly compliance)”]. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus.

26. Russian Federation. (2008) Federal'nyy zakon ot 25 dekabrya 2008 g. № 273-FZ (red. ot 07.10.2022) “O protivodeystvii korruptsii” [Federal Law No. 273-FZ of December 25, 2008 (as amended on October 7, 2022) “On Combating Corruption”]. *Sobranie zakonodatel'stva RF.* 52(1). Art. 6228.

Информация об авторах:

Булгаков В.В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.П. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Бросалина А.А., преподаватель кафедры конституционного и международного права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: brosalina2001@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Bulgakov V.V., Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: bvv30081960@yandex.ru

Brosalina A.A., Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: brosalina2001@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.11.2022;
одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 24.11.2022;
approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 20.12.2023*

Научная статья

УДК 347.78

doi: 10.17223/22253513/50/10

Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов

Дмитрий Владимирович Кожемякин^{1, 2}, Иван Игоревич Коверченко³

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия*

^{2, 3} *Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Волгоград, Россия*

^{1, 2} *i@dv-k.ru*

³ *vankover091@gmail.com*

Аннотация. Анализируются существующие внесудебные процедуры, направленные на пресечение распространения на цифровых платформах информации, нарушающей авторские и смежные права, процедуры реагирования на претензии со стороны правообладателей, а также положения антипиратского меморандума. Правовое регулирование в данной области рассматривается через призму соотношения конституционного права на свободу информационного обмена с правом на свободу творчества и охраной интеллектуальной собственности.

Ключевые слова: авторское право, пиратство, блокировка информации, цифровые платформы, информационные посредники

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>.

Для цитирования: Кожемякин Д.В., Коверченко И.И. Внесудебные процедуры пресечения распространения пиратства на цифровых платформах: обеспечение баланса интересов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 132–147. doi: 10.17223/22253513/50/10

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/10

Extrajudicial procedures to curb the spread of piracy on digital platforms: ensuring a balance of interests

Dmitry V. Kozhemyakin^{1,2}, Ivan I. Koverchenko³

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

^{2,3} *Volgograd Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russian Federation*

^{1,2} *i@dv-k.ru*

³ *vankover091@gmail.com*

Abstract. The article analyzes out-of-court procedures aimed at suppressing the distribution of pirated content on digital platforms. Legal regulation in this area is considered through the prism of the correlation of the constitutional right to freedom of information exchange with the right to freedom of creativity and protection of intellectual property.

It should be said that the discussion itself about the extent to which the possibility of free dissemination of information can be limited is not new and has been a companion of copyright since its inception. Meanwhile, with technological development and the emergence of new means of communication, it is only getting worse. At the same time, the conflict between the right to freedom of information dissemination and copyright can be resolved if we depart from the paradigm of protecting property interests in copyright and consider it as a means of streamlining information exchange.

When talking about mechanisms for the extrajudicial suppression of copyright and related rights violations on digital platforms, it is necessary to take into account the balance of interests of all interested parties, recognizing as such not only copyright holders and authors, but also users and intermediaries who own digital platforms.

The authors note that the emergence of extrajudicial procedures for blocking and deleting pirated content was the result of special regulation of the responsibility of information intermediaries. These rules have forced digital platform operators to create special procedures for reviewing copyright holders' claims. An offshoot of this procedure was the anti-piracy memorandum, which allows you to remove links to pirated content from search results.

A common disadvantage of all non-judicial procedures for the suppression of violations in the field of copyright and related rights is that they ignore the interests of users. When establishing and implementing such procedures, only the interests of copyright holders and owners of digital platforms are taken into account. Users are disenfranchised under such procedures and are effectively deprived of the ability to protect themselves from unjustified blocking on the platform and deleting information from search results.

According to the authors, such a state of affairs cannot be justified due to the consolidation in article 29 of the Constitution of the Russian Federation of the right to free search and dissemination of information. As a measure aimed at taking into account the interests of users, it is proposed to provide for a judicial challenge of blocking by operators of digital platforms, as well as the introduction of a declaratory claim for non-violation of an exclusive right to the copyright holder.

Keywords: copyright, piracy, blocking of information, digital platforms, information intermediaries

Funding: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-28-00914, <https://rscf.ru/project/22-28-00914/>

For citation: Kozhemyakin, D.V. & Koverchenko, I.I. (2023) Extrajudicial procedures to curb the spread of piracy on digital platforms: ensuring a balance of interests. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 132–147. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/10

Введение

Развитие информационных технологий, облегчивших процесс копирования и распространения информации, неизбежно обозначило новые вызовы в области охраны интеллектуальной собственности, поскольку в том числе сделало возможным практически неконтролируемое распространение информационной продукции с нарушением авторских и смежных прав. Соответствующая незаконная практика получила название «пиратство» и приобрела широкое распространение во всем мире [1].

При этом уход пиратства в Интернет значительным образом затруднил поиск ответчика и исполнение судебных решений, вынесенных против нарушителей интеллектуальных прав, в виду того, что как сам нарушитель, так и его информационные ресурсы могли находиться за пределами юрисдикции российских судов. В результате российским правовым порядком были выработаны специальные механизмы для противодействия распространению пиратской продукции в глобальной сети, а фокус защиты интеллектуальных прав сместился с мер ответственности, в виде взыскания компенсации за нарушение исключительного права, к мерам защиты, направленным на пресечение распространения информации¹. В российское законодательство были введены положения, позволяющие судам выносить решения об ограничении доступа к информационным ресурсам, на которых размещался контент с нарушением авторских и смежных прав. Порядок блокировки таких информационных ресурсов в случае отказа ответчика самостоятельно ограничить доступ к материалу определен в ст. 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (Далее Закон об информации), наряду с ним установлена возможность бессрочной блокировки в судебном порядке информационного ресурса, на котором неоднократно размещалась информация с нарушением авторских и смежных прав (ст. 15.6 Закона об информации). Также закон вводит процедуру административной внесудебной блокировки информационного ресурса, сходного до степени смешения с ресурсом, доступ к которому

¹ В настоящем исследовании мы рассматриваем вопрос пресечения пиратского контента и поэтому не затрагиваем активизировавшуюся в настоящий момент практику троллинга путем подачи массовых исков о нарушении прав на фотографические произведения. Троллинг в авторском праве во многом аналогичен троллингу в патентном и направлено на заработок не за счет правомерного использования произведений, а за счет взыскания компенсации за нарушение.

был ограничен бессрочно (ст. 15.6-1 Закона об информации), что позволило бороться с зеркалами, т.е. копиями заблокированных ресурсов, или пресекать доступ к таким ресурсам по альтернативным адресам.

Проблема юрисдикции российских судов при вынесении решений против пиратов из зарубежных стран была решена при помощи введения ст. 144.1 ГПК РФ, наделяющей Московский городской суд в рамках исключительной компетенции правом рассматривать заявления правообладателей о досудебных обеспечительных мерах в виде ограничений доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав. В случае принятия таких предварительных обеспечительных мер последующее рассмотрение спора о нарушении авторских и смежных прав становится подсудно Московскому городскому суду независимо от местонахождения ответчика, а также того, связан ли спор с осуществлением предпринимательской или иной экономической деятельности.

Наряду с судебными и административными процедурами практикой были выработаны подходы, предусматривающие неюрисдикционную форму защиты. В частности, между операторами поисковых систем и правообладателями прав на аудиовизуальные произведения был заключен меморандум, позволяющий удалять во внесудебном порядке из поисковой выдачи ссылки на пиратский контент. Также операторы цифровых платформ внедряют процедуры постмодерации размещаемых пользователями материалов автоматически или самими правообладателями.

Между тем появление различных процедур блокировки доступа к информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав, вызывает справедливые опасения относительно возможных злоупотреблений при их применении, а также поднимает вопрос соотношения соответствующих механизмов с правом на свободу создания, поиска, получения и распространения информации, закрепленном в ст. 29 Конституции РФ. При этом если в случае с судебными и административными процедурами вопрос подобных злоупотреблений отчасти снимается через обращение к судебному порядку рассмотрения спора или обжалования решений административного органа, то с применением блокировки в рамках неюрисдикционной формы защиты все обстоит сложнее, поскольку при такой процедуре отсутствует как эффективный механизм обжалования принятых решений, так и независимый от лиц иницирующих блокировку арбитраж при ее установлении.

Далее в рамках настоящего исследования нами будут проанализированы внесудебные процедуры блокировки информации на цифровых платформах, в контексте необходимости соблюдения баланса интересов операторов цифровых платформ, пользователей и правообладателей.

Соотношение конституционного права на свободу информационного обмена и правовой охраны интеллектуальной собственности

Введение в законодательство положений, позволяющих ограничивать доступ к информации, распространяемой с нарушением авторских и смежных прав, обострило давний вопрос о соотношении конституционного права

на свободу информационного обмена, предусмотренного ст. 29 Конституции РФ, с правом на свободу творчества, закрепленным, соответственно, в ст. 44 Конституции РФ, гарантией которой выступает охрана интеллектуальной собственности.

Сама по себе дискуссия о том, в какой мере мы можем ограничить возможность свободного распространения информации в угоду прежде всего имущественным интересам авторов и правообладателей, не нова и является спутником авторского права с самого его возникновения. Лайман Рэй Паттерсон отмечал, что законодатель, устанавливая авторско-правовую охрану, ограничен в усмотрении, поскольку последняя представляет собой ограничение права на свободу слова [2. С. 4–5]. При этом причину такого конфликта между свободой распространения информации и авторским правом Л. Р. Паттерсон видит в чрезмерной концентрации на идее, что последнее является средством обеспечения имущественных интересов, в угоду которым необходимо поступиться свободой информационного обмена.

Противопоставление авторского права и свободы распространения информации только усилилось с технологическим развитием и появлением более быстрых средств коммуникации. При этом ряд специалистов заговорили об авторском праве как об угасающем явлении. Так, Р.А. Будник отмечает, что «запретительные средства защиты интеллектуальных прав утратили свою эффективность. Данный факт подтверждается возможностью использовать практически каждое охраняемое произведение в сети “Интернет” с нарушением авторских прав, несмотря на повышение меры наказания и применение ограничительных средств» [3. С. 4]. Попытки же реформирования правовых институтов, направленные на пресечение распространения пиратской продукции, неизменно вызывают критику [4. С. 332–335], в том числе и потому, что существующие процедуры ограничения доступа к информационным ресурсам плохо сбалансированы и отвечают главным образом интересам правообладателей, не учитывая интересы пользователей информационных ресурсов. Так, зачастую при пресечении распространения пиратского контента доступ ограничивают к ресурсу в целом, а не только к странице, на которой неправомерно размещен объект, защищаемый авторским или смежным правом.

Между тем конфликт права на свободу распространения информации и авторского права может быть снят, если мы отступим от парадигмы рассмотрения последнего исключительно с позиций защиты имущественных интересов и взглянем на него как средство упорядочивания, способ структурирования информационного обмена оптимальным образом. Так, Л.Р. Паттерсон отмечает, что конституционная цель авторского права лучше всего выполняется при поощрении распространения информации, а не препятствовании такому распространению [2. С. 7]. Данная точка зрения коррелируется с теорией культуры (culture theory) и теорией общественного благосостояния (welfare theory), обосновывающими необходимость авторского права не через защиту имущественного интереса, но через необходимость создания оптимальных условий для развития культуры и доступа пользователей к ее плодам [5. С. 5–7].

О.А. Городов, характеризуя правовые режимы информации, относит режим исключительных прав, в который в том числе входят авторские и смежные права, к разновидности правового режима информации свободного доступа, справедливо отмечая, что «непременным условием установления режима исключительных прав будет выступать презумпция знания третьими лицами предмета того, что может быть ими использовано или подвергнуто подражанию или копированию... сам создатель этого результата интеллектуальной деятельности заинтересован в распространении... произведения» [6. С. 55].

Признание за авторским правом и следующими за ним смежными правами функции не только обеспечения имущественных интересов авторов и правообладателей, но и способствования доступу широкого круга пользователей к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, требует пересмотра подходов к регулированию в данной сфере. В частности, отхода от представления, что расширение института свободного использования ослабляет авторско-правовую охрану, пагубно сказываясь на интересах правообладателей. Напротив, увеличение доступности произведений, расширение возможностей для их вовлечения в культурное пространство, осмысления положительно сказываются на интересах как правообладателей, так и пользователей. При этом такой подход не исключает применение механизмов пресечения незаконного использования объектов авторских и смежных прав в тех областях, где такое использование способно нанести вред имущественным или немущественным интересам авторов и правообладателей.

Говоря о механизмах такого пресечения, следует, однако, учитывать баланс интересов всех заинтересованных сторон, признавая в качестве таковых не только правообладателей и авторов, но также пользователей и посредников, через которых последние получают доступ к объектам авторских и смежных прав. В контексте распространения информации в сети Интернет такими посредниками выступают цифровые платформы, роль которых в обмене информацией, в том числе охраняемой авторским правом и смежными правами, неуклонно возрастает.

Понятие цифровых платформ и особенности защиты авторских и смежных прав на них

Цифровые платформы на сегодняшний день оказывают огромное влияние на практику информационного обмена в сети Интернет, а также распространение объектов авторских и смежных прав.

Сам термин «цифровая платформа» может использоваться в различных контекстах, его определяют как группу технологий для создания системы цифрового взаимодействия, как инструмент цифровой трансформации рынка [7. С. 52–53], как инструментарий для ведения коммерческой деятельности [8] и т.п.

В широком смысле под цифровыми платформами можно понимать «все программные средства, которые обеспечивают взаимодействие между поставщиками и пользователями контента, товаров или услуг» [9. С. 435]. При этом

их можно подразделить на цифровые платформы, аккумулирующие информацию и оказывающие за счет этого своим пользователям услуги (например, поисковые системы, социальные сети), а также платформы, обеспечивающие заключение сделок между пользователями (торговые платформы) [10].

В зависимости от целей правового регулирования или исследования указанное определение может быть сужено. Так, в недавно принятых изменениях к Федеральному закону «О защите конкуренции», так называемом пятом антимонопольном пакете¹, положения которого вступили в силу с 1 сентября 2023 г., под цифровыми платформами понимаются только платформы, опосредующие заключение сделок между пользователями.

В контексте же настоящей статьи и в целом при анализе влияния цифровых платформ на распространение объектов авторских и смежных прав в сети Интернет нам, напротив, интересна другая группа – платформы, аккумулирующие информацию, так как именно посредством таких платформ может происходить распространение пиратских материалов.

При этом указанные платформы могут быть подразделены на две большие группы: а) платформы, предоставляющие возможность для размещения информации, включая объекты авторских и смежных прав; б) платформы, обеспечивающие доступ к информации, в том числе к объектам авторских и смежных прав.

К первому типу платформ относятся социальные сети, видеохостинги, форумы, торрент-трекеры. Ко второму – поисковые системы, каталоги, агрегаторы информации, непосредственно не хранящие у себя информацию, доступ к которой предоставляют.

От других информационных ресурсов цифровые платформы отличаются тем, что непосредственно их операторы (владельцы) не размещают на них информацию. Такое размещение происходит или в автоматическом режиме (как в случае с поисковыми системами), или третьими лицами – пользователями платформы (как в случае с социальными сетями). При этом в силу большого потока информации оператор цифровой платформы лишен возможности ее предварительной модерации.

Приведенные выше особенности функционирования цифровых платформ обусловили необходимость разработки специальных механизмов ответственности их операторов при нарушении интеллектуальных прав. Распространение на них безвиновной ответственности за нарушение таких прав, предусмотренной для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, п. 3 ст. 1250 ГК РФ, сделало бы деятельность операторов цифровых платформ фактически невозможной.

В результате в ст. 1253.1 ГК РФ были введены специальные положения об ответственности так называемых информационных посредников. Всего их было выделено три типа, при этом под второй и третий из них подпадали операторы цифровых платформ, соответственно, предоставляющие возможность размещения информации и предоставляющие возможность доступа к

¹ Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите конкуренции”».

информации. Положения п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ предусматривали ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав только при наличии вины.

Следует отметить, что понятие информационного посредника шире понятия оператора цифровой платформы. Так, К.В. Геец справедливо отмечает, что информационным посредником третьего типа могут являться не только операторы поисковых систем, но и любые лица «на ресурсах которых имеются гиперссылки... размещенные не пользователями, а правообладателями самих ресурсов» [11]. Между тем именно операторы цифровых платформ склонны вырабатывать внесудебные процедуры разрешения блокировки информации ввиду большого числа пользователей, а следовательно, и значительного потока претензий правообладателей, не позволяющих рассматривать их досконально в ручном режиме.

Для посредника второго типа были установлены специальные критерии, исключающие его вину в нарушении. Такой посредник освобождается от ответственности при одновременном соблюдении двух условий:

1) он не знал и не должен был знать о неправомерном использовании информации;

2) в случае получения заявления правообладателя о нарушении он своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения.

Схожие условия исключения ответственности для операторов цифровых платформ были приняты и в других юрисдикциях. Особенно важным в этом контексте были принятые ранее положения американского закона DMCA (Digital Millennium Copyright Act), введившего для освобождения от ответственности «online service provider» (по сути, операторов цифровых платформ) правило «notice-and-takedown» [12], которое обязывало владельцев таких платформ реагировать на претензии правообладателей, удаляя противоправный контент, для избежания ответственности за нарушение, совершенное пользователем.

Поскольку законодательство связывало ответственность оператора платформы с его реакцией на претензию правообладателя, операторы стали создавать механизмы обработки таких претензий, что явилось отправной точкой формирования внесудебных процедур пресечения нарушений авторских и смежных прав на цифровых платформах.

В целом такие механизмы хорошо работают в случае очевидных нарушений, однако в спорных ситуациях (например, связанных со свободным использованием произведений как пародий, цитированием, добросовестным использованием в рамках доктрины fair use и др.) пользователь оказывается заложником решения оператора платформы. При этом, как справедливо отмечает А.Г. Серго, при разрешении вопроса о нарушении исключительных прав часто «утверждение о нарушении прав подменяется мнением правообладателя о таком нарушении» [13. С. 8].

В целом общим недостатком таких процедур до сих пор остается фактическая невозможность для пользователей преодолеть решение оператора цифровой платформы, вынесенное по результатам рассмотрения претензии

правообладателя. Так, в силу договорной природы отношений пользователя и оператора такие решения не подлежат судебному контролю. Хотя сами операторы не склонны подменять собой суд и в случае возникновения спора о праве между пользователем и правообладателем предпочитают занимать нейтральную позицию, дожидаясь разрешения спора в суде, это не снимает того факта, что имеющиеся процедуры внесудебного урегулирования интересы пользователя не учитывают.

Несколько иным образом обстоит дело с операторами цифровых платформ, относящимся к информационным посредникам третьего типа. В отличие от предыдущего случая, критерии освобождения от ответственности посредников, обеспечивающих возможность доступа к информации, законодательно не определены. Это породило справедливую дискуссию о том, следует ли применять к ним по аналогии положения об информационных посредниках второго типа. О необходимости такого подхода, в частности, говорят А.И. Савельев [14] и К.В. Геец [11].

Однако, это не бесспорная точка зрения. Так, под определение информационного посредника третьего типа объективно попадают операторы поисковых систем, которые последовательно отстаивают свое право не модерировать поисковую выдачу по запросам правообладателей и крайне редко идут на уступки в данном вопросе. Так, в ряде случаев операторы поисковых систем отказывались модерировать результаты поиска даже по предписанию суда и уведомлению Роскомнадзора. В 2018 г. «Яндекс» отказывался исполнять определения Московского городского суда, обязывающего его удалить из поисковых запросов ряд ссылок на пиратский контент, – сериалы «Домашний арест»¹, «Вне игры»², шоу «Мистические истории»³ и анимационный сериал «Осторожно, земляне»⁴. Представители «Яндекса» отстаивали позицию, что «требования блокировки не распространяются на поисковики»⁵.

¹ Определение Московского городского суда от 6 декабря 2018 г. по делу № 3-0881/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/b6026b45-ccaa-4fed-99c9-469cc1882c48>

² Определение Московского городского суда от 5 декабря 2018 г. по делу 3-0860/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/3ab32694-b262-4307-82bb-0a4054196387>

³ Определение Московского городского суда от 5 декабря 2018 г. по делу 3-0858/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/6024b08f-9fe8-42c1-97a4-9871f68e6927>

⁴ Определение Московского городского суда от 6 декабря 2018 г. по делу № 3-0859/2018 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/84cc4806-cb35-40c8-9178-977d01a19c2e>

⁵ «Яндекс» намерен обжаловать решение суда по делу о пиратском контенте // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20180829/1527408843.html>

Отсутствие конкретики по данному вопросу привело в итоге к достижению компромисса между операторами поисковых систем и правообладателями, в результате которого был принят так называемый антипиратский меморандум, положения которого будут проанализированы далее.

Антипиратский меморандум и особенности его применения

В 2018 г. операторами поисковых систем, владельцами интернет-ресурсов и правообладателями был принят Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий, более известный как Антипиратский меморандум¹.

На стороне правообладателей выступили: Ассоциация по стимулированию оборота легального контента в сети Интернет «Интернет-видео», Ассоциация продюсеров кино и телевидения, Акционерное общество «Газпром-Медиа Холдинг», Закрытое акционерное общество «Национальная Медиа Группа», Акционерное общество «Первый канал», Федеральное государственное унитарное предприятие «Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная компания», Общество с ограниченной ответственностью «СТС Медиа», ООО «Кинопоиск».

Со стороны операторов поисковых систем и владельцев интернет-ресурсов (видеохостингов): ООО «Яндекс», ООО «Рамблер Интернет Холдинг», ООО «Руформ», ООО «Мэйл.Ру», представители владельцев сервисов «Одноклассники» и «ВКонтакте».

По условиям Меморандума правообладатели создали реестр, в который включаются сайты с аудиовизуальными произведениями, размещенными без разрешения правообладателя и в отсутствии иного законного основания. За работу реестра отвечает Держатель реестра, определяемый правообладателями.

В случае обнаружения контента, нарушающего исключительного права и размещенного на платформе участника меморандума, правообладатель направляет держателю реестра заявление, в котором указывает ссылку на страницу с размещенным контентом и указывает на отсутствие разрешения на его размещение или использование. Такое заявление может быть подано членами меморандума и их исключительными лицензиатами.

Держатель реестра проверяет заявление и наличие фактического нарушения, после чего добавляет указанный сайт в реестр. В свою очередь владельцы платформ обязаны ежедневно каждые пять минут обращаться в реестр за списком ссылок и в течение шести часов исключать ссылки из поисковой выдачи.

¹ Меморандум о сотрудничестве в сфере охраны исключительных прав в эпоху развития цифровых технологий от 01.11.2018. Документ опубликован не был. Личный архив Д.В. Кожемякина. 9 с.

Меморандум также обязывает создать на платформах форму для подачи заявлений о нарушении исключительных прав на аудиовизуальные произведения сторонними правообладателями и исключительными лицензиатами, не являющимися участниками Меморандума.

Антипиратский меморандум является во многом уникальной внесудебной институцией, направленной на защиту исключительных прав, при этом его применение полагалось переходной мерой, действующей до внесения изменений в законодательстве. На данный момент положения Меморандума содержатся в законопроекте № 1193590-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”», который находится на предварительном рассмотрении в Государственной думе с 2021 г. и до сих пор не дошел до первого чтения¹.

Говоря о недостатках Меморандума, следует отметить два основных момента.

Первый связан с его эксклюзивностью, поскольку он реализовывался в качестве механизма защиты прав только на аудиовизуальные произведения. При этом представители правообладателей иных произведений справедливо были возмущены недопуском их до механизма исключения ссылок на пиратский контент из поисковой выдачи.

В 2020 г. эту несправедливость попыталась исправить Ассоциация правообладателей, лицензиаров и лицензиатов по защите авторских прав в интернете (АЗАПИ), представляющая интересы книжной индустрии. После отказа в расширении Меморандума ей были поданы жалобы в Федеральную антимонопольную службу России на ООО «Мэйл.Ру» и ООО «Яндекс». В качестве основания Ассоциацией были заявлены недобросовестная конкуренция и злоупотребление доминирующим положением. Так, Ассоциация утверждала, что операторы поисковиков намеренно по-разному настроили поисковые алгоритмы, в результате чего в первых результатах поиска аудиовизуальных произведений выдавались ссылки на легальные информационные ресурсы. В то же время при поиске электронных книг в выдаче превалировали «зеркала» заблокированных пиратских сайтов. В результате легкодоступности пиратского контента, по мнению Ассоциации, дистрибьютерам цифрового контента навязывались услуги контекстной рекламы, поскольку дистрибьютеры были вынуждены конкурировать в поисковой выдаче с пиратскими ресурсами.

В отношении обеих жалоб ФАС России отказала в возбуждении дела, сославшись на отсутствие конкурентных отношений между заявителями и операторами поисковых ресурсов, а также на то, что последние выполняют

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в части уточнения внесудебных мер по прекращению нарушения авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет») // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1193590-7>

требования закона в области пресечения распространения пиратского контента. Введение же дополнительных мер, направленных на защиту авторских прав, вводится в добровольном, а не принудительном порядке¹.

Таким образом, антимонопольный орган пришел к выводу об отсутствии законных оснований для принудительного распространения механизмов антипиратского меморандума на другие категории правообладателей.

После отказа в ФАС России Ассоциацией была подана жалоба в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК). В обращении указывалось на нарушение «Мэйл.Ру» и «Яндекс» ст. 76 Договора о Евразийском экономическом союзе об общих правилах конкуренции.

ЕЭК приняла обращение и после проведения консультаций прекратила производство в связи с достижением компромисса. В результате проведенных консультаций с 1 сентября 2023 г. в Меморандум были внесены изменения, которые позволили правообладателям книжной индустрии и музыки присоединиться к нему².

Между тем достигнутый с таким трудом прогресс в области расширения антипиратского меморандума в целом показывает, что применение дополнительных, не предусмотренных законом механизмов защиты авторских и смежных прав в Интернете не является оптимальным решением, так как в любом случае такие решения вырабатываются кулуарно, без надлежащего публичного обсуждения и отражают чаяния лишь лиц, участвующих в соглашениях по их реализации.

И здесь мы переходим ко второму недостатку Меморандума – отсутствию какого-либо учета интересов пользователей при его принятии. Меморандум не предусматривает для лиц, в нем не участвующих, возможности эффективного обжалования решения Держателя реестра. Такое решение фактически остается незыблемым, не поддается судебному контролю. Так, пользователь, чей информационный ресурс был безосновательно исключен из поисковой выдачи, не имеет фактически никаких юридических механизмов для принудительного восстановления своего ресурса в результатах поиска. Такое бесправие поддерживается не только в силу Меморандума, но и в силу положений лицензионных договоров операторов поисковых систем. Например, согласно п. 3.4 Лицензии на использование поисковой системы «Яндекс», оператор вправе самостоятельно решать, какой веб-сайт должен или не должен включаться в выдаваемые поиском результаты, а согласно п. 3.8, оператор не комментирует исключение веб-сайтов из базы и (или) изменение их позиции, не уведомляет о таких действиях, и не дает никаких гарантий.

¹ Отказные решения ФАС России по жалобам АЗАПИ № 191608-ИП/20 от 10.11.2020, № 191462-ИП/20 от 10.11.2020, № 192033-ИП/20 от 11.11.2020.

² Книгоиздателей и музыкальные сервисы включили в антипиратский меморандум // Ведомости. 01.09.2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/09/01/993049-knigoizdatelei-servisi-vklyuchili-antipiratskii-memorandum>

В целом принимая во внимание, что поисковая выдача в настоящий момент является одним из основных источников для поиска информации, сложившееся положение вещей видится чрезмерно непропорциональным игнорированием предусмотренного Конституцией РФ права на свободный поиск и распространение информации (ст. 29), с перераспределением баланса в пользу защиты частного имущественного интереса.

Следует также отметить, что в российском правовом порядке отсутствует какой-либо декларативный иск, который пользователь мог бы подать на правообладателя, инициировавшего исключение его из поисковой выдачи. Таким образом, заблокированный пользователь вынужден ждать, пока правообладатель подаст на него иск, чтобы доказать правомерность использования объекта авторских или смежных прав.

Введение декларативного иска могло бы стать определенным выходом в сложившейся ситуации дисбаланса интересов с явным игнорированием интересов пользователей цифровых платформ. Примером такого иска является предусмотренный некоторыми правовыми актами иск о ненарушении исключительного права (*declaration of non-infringement*).

Заключение

Проведенное исследование показало, что имеющиеся в настоящий момент процедуры внесудебной защиты авторских и смежных прав при распространении информации на цифровых платформах наглядно показывают полное игнорирование прав пользователей на свободу создания, распространения, поиска и получения информации и отсутствие каких-либо гарантий реализации этого права в случае возникновения потребности в защите имущественных прав, связанных с охраной интеллектуальной собственности.

Такое положение вещей вытекает главным образом из ошибочного, на взгляд авторов, противопоставления охраны интеллектуальной собственности конституционному праву на свободу информационного обмена. Вместо рассмотрения интеллектуальной собственности как способа структурировать информационное пространство максимально эффективным образом, способствующим распространению достижений культуры и науки, правовые положения в данной области рассматриваются исключительно как средство защиты имущественных интересов авторов и правообладателей. Это естественным образом делает дискуссию о правах пользователей вторичной, идеалистической, не сулящей прямых бенефиций.

Текущие положения как внесудебных процедур рассмотрения претензий правообладателя операторами цифровых платформ, так и положения антипиратского меморандума делают решение оператора платформы безапелляционным и необжалуемым для пользователя. По мнению авторов, такая ситуация нуждается в изменении. Следует предусмотреть возможность судебного обжалования любого решения операторов цифровых платформ и правообладателей, касающихся возможности пользователя распространять контент посредством цифровых платформ. В качестве первой ступеньки на

пути к установлению такого механизма может быть введение деклораторного иска о ненарушении, предъявляемого пользователем правообладателю, по инициативе которого информация была заблокирована во внесудебном порядке.

Список источников

1. Online copyright infringement in the European Union: films, music, publications, software and tv (2017-2022) // European Union Intellectual Property Office URL: <https://www.euipo.europa.eu/en/publications/online-copyright-infringement-in-eu-2023> (дата обращения: 12.09.2023); doi: 10.2814/966644
2. Patterson L.R. Free Speech, Copyright, and Fair Use // *Vanderbilt Law Review* 1. 1987. Vol. 40, № 1. P. 2–66. URL: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol40/iss1/1> (дата обращения: 12.09.2023).
3. Будник Р.А. Цивилистическая концепция инклюдивного механизма гражданско-правового регулирования авторских отношений : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Российская государственная академия интеллектуальной собственности, 2018. 343 с.
4. Espinosa G. Internet piracy: is protecting Intellectual Property worth government censorship // *Texas Wesleyan Law Review*. 2011. Vol. 18. P. 309–335.
5. Copyright for Librarians: the essential handbook. Harvard's Berkman Center for Internet and Society, 2013. URL: https://cyber.harvard.edu/publications/2013/copyright_for_librarians (дата обращения: 10.06.2023).
6. Городов О.А. Информационное право : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2016. 303 с.
7. Сергеев Л.И., Сергеев Д.Л., Юданова А.Л. Цифровая экономика : учеб. для вузов / под ред. Л.И. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 437 с.
8. Рожкова М.А. Сайт, информационный ресурс, информационная система, онлайн-платформа – что это такое и как они взаимосвязаны между собой? // *Закон.ру*. 2021. 19 апреля. URL: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (дата обращения: 10.10.2023).
9. Obergfell E.I., Thamer A. (Non-) regulation of online platforms and internet intermediaries—the facts: Context and overview of the state of play // *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 2017. Vol. 12, № 5. P. 435–441.
10. Parker G., Petropoulos G., Van Alstyne M. Digital platforms and antitrust. Working Paper 06/2020. Bruegel, 2020. URL: https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp_attachments/WP-2020-06-1.pdf (дата обращения: 12.10.2023).
11. Геец К.В. Ответственность информационных посредников за нарушение интеллектуальных прав // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. URL: <http://ipc magazine.ru/legal-issues/liability-of-information-intermediaries-for-violation-of-intellectual-rights> (дата обращения: 10.10.2023).
12. Section 512 of Title 17: Resources on Online Service Provider Safe Harbors and Notice-and-Takedown System // Официальный сайт Copyright Office of USA. URL: <https://www.copyright.gov/512/> (дата обращения: 10.10.2023).
13. Серго А.Г. Что страшнее: пиратство или борьба с ним? // *ИС. Авторское право и смежные права*. 2017. № 11. С. 7–16.
14. Савельев А.И. Критерии наличия действительного и предполагаемого знания как условия привлечения к ответственности информационного посредника // *Закон*. 2015. № 11. С. 48–60.

References

1. European Union Intellectual Property Office. (n.d.) *Online copyright infringement in the European Union: films, music, publications, software and TV (2017–2022)*. [Online] Available from: <https://www.euipo.europa.eu/en/publications/online-copyright-infringement-in-eu-2023> (Accessed: 12th September 2023). doi: 10.2814/966644
2. Patterson, L.R. (1987) Free Speech, Copyright, and Fair Use. *Vanderbilt Law Review* 1. 40(1). pp. 2–66. [Online] Available from: <https://scholarship.law.vanderbilt.edu/vlr/vol40/iss1/1> (Accessed: 12th September 2023).
3. Budnik, R.A. (2018) *Tsivilisticheskaya kontseptsiya inklyuzivnogo mekhanizma grazhdansko-pravovogo regulirovaniya avtorskikh otnosheniy* [The civilistic concept of an inclusive mechanism of civil law regulation of copyright relations]. Law Dr. Diss. Moscow: Russian State Academy of Intellectual Property.
4. Espinosa, G. (2011) Internet piracy: is protecting Intellectual Property worth government censorship. *Texas Wesleyan Law Review*. 18. pp. 309–335.
5. Harvard's Berkman Center for Internet and Society. (2013) *Copyright for Librarians: The Essential Handbook*. [Online] Available from: https://cyber.harvard.edu/publications/2013/copyright_for_librarians (Accessed: 10th July 2023).
6. Gorodov, O.A. (2016) *Informatsionnoe pravo* [Information Law]. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
7. Sergeev, L.I., Sergeev, D.L. & Yudanov, A.L. (2023) *Tsifrovaya ekonomika* [Digital Economy]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
8. Rozhkova, M.A. (2021) Sayt, informatsionnyy resurs, informatsionnaya sistema, on-layn-platforma – chto eto takoe i kak oni vzaimosvyazany mezhdu soboy? [Website, information resource, information system, online platform – what is it and how are they interconnected?]. *Zakon.ru*. 19th April. [Online] Available from: https://zakon.ru/blog/2021/4/19/sajt_informacionnyj_resurs_informacionnaya_sistema_onlajn-platforma_chto_eto_takoe_i_kak_oni_vzaimo (Accessed: 10th October 2023).
9. Obergfell, E.I. & Thamer, A. (2017) (Non-) regulation of online platforms and internet intermediaries—the facts: Context and overview of the state of play. *Journal of Intellectual Property Law & Practice*. 12(5). pp. 435–441.
10. Parker, G., Petropoulos, G. & Van Alstyne, M. (2020) Digital platforms and antitrust. *Working Paper*. 6/2020. [Online] Available from: https://www.bruegel.org/sites/default/files/wp_attachments/WP-2020-06-1.pdf (Accessed: 12th October 2023).
11. Geets, K.V. (n.d.) *Otvetstvennost' informatsionnykh posrednikov za narushenie intellektual'nykh prav* [Responsibility of information intermediaries for violation of intellectual rights]. [Online] Available from: <http://ipcmagazine.ru/legal-issues/liability-of-information-intermediaries-for-violation-of-intellectual-rights> (Accessed: 10th October 2023).
12. Copyright Office of USA. (n.d.) *Section 512 of Title 17: Resources on Online Service Provider Safe Harbors and Notice-and-Takedown System*. [Online] Available from: <https://www.copyright.gov/512/> (Accessed: 10th October 2023).
13. Sergo, A.G. (2017) Chto strashnee: piratstvo ili bor'ba s nim? [What's worse: piracy or the fight against it?]. *IS. Avtorskoe pravo i smezhnye prava*. 11. pp. 7–16.
14. Saveliev, A.I. (2015) Kriterii nalichiya deystvitel'nogo i predpolagaemogo znaniya kak usloviya privlecheniya k otvetstvennosti informatsionnogo posrednika [Criteria for the presence of actual and presumed knowledge as a condition for holding an information intermediary accountable]. *Zakon*. 11. pp. 48–60.

Информация об авторах:

Кожемякин Д.В., кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НОЦ «Интеллектуальная собственность и интеллектуальные права» Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); доцент кафедры

гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия). E-mail: i@dv-k.ru

Коверченко И.И., частнопрактикующий юрист, ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоград, Россия). E-mail: vankover091@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kozhemyakin D.V., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Volgograd Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russian Federation). E-mail: i@dv-k.ru

Koverchenko I.I., Volgograd Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd, Russian Federation). E-mail: vankover091@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.10.2023;
одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 12.10.2023;
approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 347.2/3
doi: 10.17223/22253513/50/11

Ограниченные вещные права и особенности их гражданско-правовой защиты

Ирина Дмитриевна Кузьмина¹, Светлана Анатольевна Краснова^{2,3}

¹ Кузбасский гуманитарно-педагогический институт

Кемеровского государственного университета, Новокузнецк, Россия

² Новосибирский государственный исследовательский университет, Новосибирск, Россия

³ Сибирский институт – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, Новосибирск, Россия

¹ kuzmina-58@mail.ru

^{2,3} numeria@rambler.ru

Аннотация. Возможность применения вещно-правовых способов защиты (вещных исков) зависит, в том числе, от принадлежности нарушенного права к вещным правам и от его содержания. Проанализированы признаки и виды ограниченных вещных прав, выявлено, что существующее нормативное решение этих вопросов не позволяет определить границы вещных прав лиц, не являющихся собственниками. Требуется законодательного уточнения и круг доступных обладателям ограниченных вещных прав способов защиты, а также условия их применения.

Ключевые слова: ограниченные вещные права, вещные иски, иск

Для цитирования: Кузьмина И.Д., Краснова С.А. Ограниченные вещные права и особенности их гражданско-правовой защиты // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 148–165. doi: 10.17223/22253513/50/11

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/11

Limited property rights and peculiarities of their civil protection

Irina D. Kuzmina¹, Svetlana A. Krasnova^{2,3}

¹ Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russian Federation

² Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russian Federation

³ The Siberian Institute of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kuzmina-58@mail.ru

^{2,3} numeria@rambler.ru

Abstract. The current civil legislation uses two methods to resolve the issue of attributing a right to someone else's thing to limited real rights: first, it defines the signs

of limited real rights, and, secondly, it offers an approximate list of them (Article 216 of the Civil Code of the Russian Federation). The analysis of these criteria has shown the difficulty of using them due to the lack of a normative definition of such a feature as belonging to real rights, designation as a general feature of the property of following, which characterizes the rights of obligations, as well as a mixture of signs of limited real rights and signs of their legal regime, i.e. the order, the mood of legal regulation. It does not allow defining the boundaries of limited property rights and their list, since it is incomplete and open in nature. Meanwhile, the continuing ambiguity with the affiliation of a right to someone else's thing to limited real rights, the lack of an accurate statement of their content negatively affects the solution of the issue of the application of real-law methods of protection (property claims).

The range of possible ways to protect real rights also requires legislative clarification, which, along with the vindication and negatory claims named in the Civil Code, by virtue of established judicial practice, should include such methods aimed at restoring direct impact on the thing as recognition of real rights and release of property from seizure. Established in art. 305 CC the relationship between the right to use property claims and the existence of the right of possession as part of a limited property right creates uncertainty about the competence of holders of easement rights to use them, which can be eliminated by specifying acceptable ways to protect the easement, as well as the conditions for their application.

When describing such a method of protection as the recognition of property rights, the legislator must not only indicate the possibility of its application to exclude an invalid entry from the Unified State Register, but also create conditions for its application to protect the right of economic management and operational management as special property rights to manage the property of the owner. Along with the conditions common to the recognition of ownership rights (the presence of a real right to a disputed real estate object, the presence of an immovable thing in kind and actual possession of it), a necessary condition for the recognition of these limited real rights is the presence of the founder's ownership right to the object, confirmed by an entry in the register, and in case of challenging the right of economic management of another enterprise – the fact of violation the owner of the prohibition on the disposal of the property assigned to the enterprise.

Keywords: limited proprietary rights, proprietary claims

For citation: Kuzmina, I.D. & Krasnova, S.A. (2023) Limited property rights and peculiarities of their civil protection. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 148–165. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/11

Ограниченные вещные права представляют собой правовую форму закрепления возможности лица, не являющегося собственником вещи, осуществлять «не полное господство, а лишь частичное воздействие» [1. С. 199] на чужие вещи способами, которые определяются их содержанием. Их существование наряду с правом собственности предопределено, как отмечал И.А. Покровский, экономическими потребностями, условиями хозяйственного развития: «Одним правом собственности мог бы удовлетворяться только разве самый примитивный экономический быт. Режим, построенный только на праве индивидуальной собственности, был бы режимом, совершенно изолирующим одно хозяйство от другого. Между тем такая полная изоляция даже в натуральном хозяйстве немыслима. Дальнейшее развитие хозяйственных условий, усиление скученности построек, возникновение

потребности в кредите и т.д., еще настойчивее ставит вопрос о создании таких юридических форм, которые обеспечивали бы возможность известного прочного, т.е. независящего от простого личного согласия, участия одного лица в праве собственности другого» [2]. Исторически сложившееся понимание ограниченного вещного права сводится к тому, что для его обладателя интерес представляет не деятельность других лиц, в том числе и собственника вещи, а его собственная деятельность по отношению к вещи [3. С. 392], которое лицо осуществляет без чьего-либо содействия, «без посредства другого лица», т.е. «в этом случае нет надобности для извлечения экономических выгод, даваемых господством над вещью, обращаться к кому-либо обязанному доставить эти выгоды носителю права» [4. С. 10]; ограниченные вещные права характеризуются свойством следования, т.е. если «вещь выходит из имущества лица, установившего это право», то «субъект сможет осуществить свое право против третьего приобретателя, хотя бы он с ним не договаривался»; признается обязательность этого права для всех третьих лиц, включая собственника вещи, возлагая «на каждого обязанность не мешать носителю этого права» [4. С. 13], а поскольку «вещное право, будучи обязательным для всех, может быть и каждым нарушено», то устанавливается абсолютная защита посредством «вещных исков, которые могут быть предъявлены к каждому нарушителю» [5. С. 262].

В различных правовых системах складывается определенное разнообразие видов ограниченных вещных прав, обусловленное социально-экономическими причинами: «дроблением и теснотой земельных участков» или, наоборот, избытком «пустопорожних земель», «обширностью казенных территорий», потребностью в кредите и т.д. [1. С. 200–201]. При этом по содержанию эти права распределяют по следующим трем категориям: права пользования чужой вещью; права «на получение известной ценности из вещи» и права на приобретение вещи [2]. Конкретные виды действующих в том или ином правовом порядке в определенный исторический период вещных прав определяются законодательством. Это объясняется абсолютным характером вещного права, его обязательностью для всех: «...государство не может предоставить определение объема и содержания их произволу частных лиц и должно само, сообразуясь с потребностями юридического быта, наперед постановить, какие формы вещных прав оно считает возможным допустить на своей территории» [5. С. 264], а «частная автономия может проявлять себя только в выборе их» [2].

Закрепленные в современном российском гражданском законодательстве представления о понятии ограниченных вещных прав сосредоточены в ст. 216 Гражданского кодекса РФ, в которой дается указание на четыре их признака:

- являются вещными правами;
- принадлежат лицам, не являющимся собственниками имущества;
- характеризуются свойством следования;
- защищаются вещно-правовыми способами наравне с правом собственности.

Первый из указанных признаков ограниченных вещных прав (их принадлежность к категории вещных) затруднительно использовать ввиду отсутствия нормативного определения понятия или признаков вещных прав. Предлагаемые современной доктриной решения этого вопроса отличаются вариативностью; признанием в качестве общих признаков вещных прав тех, которые таковыми не являются (бессрочный характер, право следования); а также смешением признаков вещного права как субъективного гражданского права и признаков их правового режима, т.е. порядка правового регулирования, «который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования» [6. С. 185]. Так, «исчерпывающее определение в законе, как видов (перечня) вещных прав, так и их содержания» [7. С. 6], абсолютный характер защиты [8. С. 62; 9. С. 74–75], публичность вещного права, т.е. его обязательная государственная регистрация [10. С. 197], право следования [9. С. 75] являются следствием квалификации права в качестве вещного [11] и характеризуют настрой правового регулирования в сфере вещных отношений (императивность, публичность, стабильность и т.д.). В этой связи сохраняет свою ценность краткое определение вещного права, предложенное в одном из учебников гражданского права конца XIX в., отражающее его суть: «Вещное право есть известная мера власти, предоставленная лицу объективными нормами непосредственно над вещью» [5. С. 259–260].

Остальные признаки ограниченных вещных прав, указанные в ст. 216 ГК РФ (отсутствие у лица права собственности на вещь, свойство следования и вещно-правовые способы защиты), характеризуют не только прямо обозначенные законом ограниченные вещные права, но и некоторые права, которые традиционно относят к обязательственным. Речь идет прежде всего о правах, содержание которых составляют возможности владения и пользования (или только пользования) чужой вещью: аренда, жилищный найм, ссуда. Кроме того, свойство следования и вещно-правовые способы защиты являются не признаками, позволяющими определить ограниченные вещные права, а характеристикой последствий признания прав таковыми. Соответственно, существующее нормативное решение вопроса признаков ограниченных вещных прав сводится к следующим двум: эти права являются вещными, они учреждаются на чужую вещь, находящуюся в собственности другого лица. Очевидно, что это не позволяет определить границы вещных прав лиц, не являющихся собственниками.

Не позволяет это сделать и предложенный ст. 216 ГК РФ перечень ограниченных вещных прав, поскольку он носит незавершенный, открытый характер, который подчеркивается предшествующей ему оговоркой «в частности». В этот перечень включены права, обеспечивающие возможность пользоваться чужой вещью, т.е. удовлетворять интерес в извлечении из чужой вещи «тех выгод, которыми определяется ее экономическое значение»

[12. С. 167]: право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитуты.

Первые два вида ограниченных вещных прав на земельные участки характеризуются и ограничением сферы их применения: объектами данных прав могут быть только земельные участки, находящиеся в публичной собственности. Предоставление земельных участков гражданам на праве пожизненного наследуемого владения после введения в действие Земельного кодекса РФ не допускается, при этом права, приобретенные ранее, сохраняются. Земельные участки на праве постоянного (бессрочного) пользования предоставляются исключительно указанным в законе лицам (ст. 39.9 ЗК РФ). Содержание указанных ограниченных вещных прав составляют правомочия владения и пользования земельными участками, в том числе путем их застройки, с приобретением права собственности на вновь созданное недвижимое имущество (здание, сооружение, объект незавершенного строительства, помещение, машино-место) (ст. 266, 269, 287.1 ГК РФ). Устанавливая запрет на распоряжение земельными участками, предоставленными на праве пожизненного наследуемого владения и праве постоянного (бессрочного) пользования, законодатель не ограничивает распоряжение зданием, сооружением и другой недвижимостью, которая находится на таком земельном участке (ст. 552 ГК РФ).

Сервитут предоставляет право ограниченного пользоваться соседним земельным участком, а также зданием, сооружением и другим недвижимым имуществом (ст. 274, 277 ГК РФ). Законодатель определяет примерные способы использования обремененного сервитутом объекта недвижимости: для прохода и проезда, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующее использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также для других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута (п. 1 ст. 274 ГК РФ). В этом весьма лаконичном перечне, состоящем из трех конкретных целей установления сервитута, обращает на себя внимание последняя, третья цель, реализация которой очевидно вызывает вопрос о правах на земельный участок под такими линейными объектами. Устанавливается ли сервитут только для использования соседнего земельного участка в целях обеспечения строительства, реконструкции и эксплуатации линейных объектов (доступ и проход работников эксплуатанта, транспортировка материалов, оборудования, необходимых для строительных работ, временная подводка сетей энергоснабжения и т.д.) либо земельный участок или его часть передается во владение сервитутарию для размещения на нем линейного объекта без изъятия его у землевладельца и без заключения договора аренды, позволяющего осуществить застройку? В материалах Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г., приведены два дела, связанные с установлением такого сервитута размещения [13. П. 4, 5]. И хотя на это обстоятельство суд не обратил

внимание, рассматривая другие проблемы, возникшие при установлении сервитута для строительства и эксплуатации линейного объекта (соотношение сервитута и публичного сервитута; право собственника земельного участка, часть которого была занята под опору линейного объекта без его согласия, требовать установления сервитута), можно предположить, что какие-либо иные права, кроме сервитута, на части земельных участков, занятых линейными объектами, установлены не были. По существу в рассматриваемых случаях та часть земельного участка, на которой был размещен линейный объект, поступает во владение собственника линейного объекта и выбывает из владения землевладельца.

Между тем закон прямо не относит к содержанию сервитута правомочие владения чужим земельным участком или его частью, возможность его преобразования путем застройки. В цивилистической доктрине вопрос о возможности в рамках сервитута приобрести не только право ограниченного пользования чужим земельным участком, но и получить его во владение, вызывает споры. Традиционно считается, что в рамках сервитута лицо приобретает исключительно правомочие ограниченного пользования чужой недвижимостью, которая остается во владении, пользовании и распоряжении ее собственника [14. С. 61], «сервитут исключает правомочие владения и распоряжения служащей вещью» [15. С. 41]. В то же время особенности линейных объектов, вызванные их протяженностью, обуславливают необходимость специального решения вопроса об организации прав на земельные участки, на которых они строятся и эксплуатируются. Такое решение предложено нормами земельного и гражданского законодательства. Первое предлагает использовать конструкцию публичного сервитута (ст. 39.23 ЗК РФ), второе – частного сервитута (п. 1 ст. 274 ГК РФ), в составе которого «несмотря на буквальное определение сервитута... сервитуарию... принадлежит и правомочие владения» [16. С. 41] земельным участком.

Такое решение находит свое подтверждение и в Проекте федерального закона № 47538–6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Проект изменений ГК) [17], в котором воплощена концепция реформирования вещного права. Проектируемый коммунальный сервитут, предназначенный для создания, размещения, эксплуатации, ремонта и реконструкции линейных объектов, включает в себя не только право собственника создаваемого или существующего линейного объекта пользоваться земельным участком или другой служащей вещи для строительных, эксплуатационных, ремонтных, восстановительных работ в отношении линейного объекта и осуществление его реконструкции, но и предполагает, что сооружения и иные объекты недвижимости создаются лицом на чужом земельном участке, принадлежащем ему на условиях коммунального сервитута (ст. 301¹⁰).

Завершается перечень ограниченных вещных прав, содержащийся в ст. 216 ГК РФ, правом хозяйственного ведения и правом оперативного управления. Это особые, имеющие советскую предысторию права юриди-

ческих лиц (государственных и муниципальных предприятий, государственных, муниципальных и частных учреждений) на закрепленное за ними собственником имущество. Для унитарных предприятий и учреждений право хозяйственного ведения или право оперативного управления выступают правовыми формами имущественной обособленности, «создают материальную базу деятельности» таких образований [3. С. 143], необходимую для их участия в гражданских правоотношениях в качестве юридических лиц. Они наделяются правомочиями владения, пользования и распоряжения закрепленным за ними имуществом в ограниченных пределах (ст. 294 ГК РФ). Для собственников, а это преимущественно публично-правовые образования, указанные права созданных ими юридических лиц представляют собой «способ осуществления права собственности», поэтому их относят к правам «на хозяйствование с имуществом собственника» [7. С. 159]. При этом собственник, закрепляя имущество за организациями на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, утрачивает возможность осуществлять владение и пользование этим имуществом и ограничивается в осуществлении правомочия распоряжения, реализуя в этой сфере функцию контроля (ст. 295 ГК РФ). Исследователи этих прав обращают внимание на их существенные отличия от иных ограниченных вещных прав, а также на отличия их правовых режимов: объектами указанных прав являются имущественные комплексы, включающие в себя не только вещи, но и прочее имущество; права обладают свойством следования лишь в случаях, предусмотренных ст. 300 ГК РФ; содержание данных прав определяется не только законом, но и индивидуальным актом – уставом юридического лица, утвержденным собственником имущества [18, 19]. Делаются выводы об отсутствии в праве хозяйственного ведения и праве оперативного управления признаков ограниченных вещных прав [19] и предлагаются различные варианты их замещения иными правовыми конструкциями, в том числе обязательно-правовой конструкцией доверительного управления имуществом [20]. Проект изменений ГК не предполагает столь радикального решения судьбы рассматриваемых прав, сохраняя их существование в рамках права одного вида (права оперативного управления) с различающимся режимом осуществления правомочия распоряжения (Глава 20⁷).

За пределами перечня ограниченных вещных прав ст. 216 ГК РФ оказались права, которые в Проекте Концепции развития законодательства о вещном праве обозначались как «права с неясной правовой природой» [21. С. 111]. К ним, в частности, относятся права пользования жилыми помещениями членов семьи собственника, отказополучателей, получателей ренты, так называемые права проживания. Эти права обладают основными признаками вещных прав: объектом их является индивидуально-определенная вещь (жилое помещение или его часть), которой обладатель права может владеть и пользоваться (ст. 17, ч. 2 ст. 31, ст. 33, ст. 34 ЖК РФ); все остальные лица, включая и собственника, обязаны не нарушать эти права (п. 3 ст. 292 ГК РФ). Неясность вызывается отсутствием прямого законодатель-

ного обозначения этих прав в качестве вещных, а также отличиями их правовых режимов от режима прочих вещных прав: не все рассматриваемые права обладают свойством следования при переходе права собственности на жилое помещение; для них по-разному действует требование обязательной государственной регистрации права. Это не препятствует устоявшимся представлениям о квалификации их в качестве вещных. Проект изменений ГК предполагает устранить имеющиеся неясности и противоречия и вполне определенно относит такие права к ограниченным вещным правам.

Существующую неопределенность состава ограниченных вещных прав проектируется преодолеть в результате реформирования вещного права путем определения понятия вещного права, обозначения его признаков, а также закрытого перечня ограниченных вещных прав. Продолжающееся обсуждение этой отложенной реформы¹ выявило, в том числе, противоречие между предлагаемым Проектом изменений ГК легальным определением вещных прав и указанными в нем некоторыми конкретными видами ограниченных вещных прав [22]. Между тем сохраняющаяся неясность с принадлежностью того или иного права на чужую вещь к ограниченным вещным правам, отсутствие точного изложения их содержания негативно сказывается на решении ряда вопросов, таких как необходимость их государственной регистрации; допустимость свободы усмотрения участников гражданских правоотношений в определении оснований возникновения, содержания, прекращения прав; применение особого порядка и последствий отказа от права, а также вещно-правовых способов защиты. В последнем случае нужно не только отнесение права к числу ограниченных вещных прав, но и определение его содержания, которое имеет значение для установления факта нарушения права и применяемого способа защиты.

Специфика вещных прав, как уже отмечалось, влияет и на охранительные отношения, возникающие в связи с их нарушением. Поиск ответа на вопрос о возможных способах защиты ограниченных вещных прав осложняется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, это отсутствие полного перечня способов защиты вещных прав в гл. 20 ГК РФ, которая содержит нормы лишь о двух традиционно применяемых для защиты права собственности способах (вещных исках) – виндикационном иске (ст. 301–303) и негаторном иске (ст. 304). Указанные способы, возникшие в праве Древнего Рима непосредственно для защиты субъективных вещных прав, тем не менее, не закрывают весь спектр потребностей их обладателей с учетом характерной для современного гражданского оборота дифференциации

¹ Очевидно, что внесенные в 2021 и 2023 гг. изменения в часть первую ГК РФ (дополнение главами о недвижимых вещах (гл. 6.1), о праве собственности и других вещных правах на здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, помещения и машино-места (гл. 17.1); изменение структуры гл. 16 «Общая собственность» с выделением в ней отдельного параграфа об общем имуществе собственников недвижимых вещей и т.д.) не являются ожидаемым актом реформирования вещного права, реализацией в полной мере Проекта изменений ГК.

правового режима движимых и недвижимых вещей, влияния публично-правовых элементов на частноправовые отношения. Во-вторых, следует установить, все ли способы защиты, применимые для защиты права собственности, могут быть доступны обладателям иных вещных прав.

Вместе с тем такая традиционная лаконичность законодателя не являлась препятствием для советской науки гражданского права, большинство представителей которой признавали возможность применения иных способов защиты права собственности, понимая в таком качестве широкий круг правовых средств, обеспечивавших охрану экономических отношений собственности (договорные иски о возврате имущества в натуре, иски о возмещении ущерба в случае повреждения или уничтожения вещи, о возврате неосновательно полученного, ответственность за убытки от недопоставки товаров, поставки товаров ненадлежащего качества и др.) [23. С. 18–19; 24. С. 91–97]. Сложившейся в тот период доктринальный подход к выделению нескольких групп способов защиты вещных прав – вещно-правовых и обязательственно-правовых – распространен и в настоящее время [3. С. 549]. И хотя такой подход позволяет восполнить имеющуюся на нормативном уровне неопределенность, он не лишен существенного недостатка: в группе обязательственно-правовых способов оказываются не только те, которые действительно имеют восстановительный эффект, но и компенсационные способы, обеспечивающие защиту имущественного интереса пострадавшего собственника. Подобное смешение различных по целевой направленности и объекту защиты способов может дезориентировать при выборе надлежащего способа защиты как носителей вещных прав, так и суды.

Анализируя обязательственно-правовые способы защиты под таким углом зрения, мы обнаруживаем, что эта группа сужается до нескольких способов, обеспечивающих восстановление утраченного владения и, тем самым, восстановление права собственности. Соответственно, смысловое ядро системы способов защиты вещных прав образуют иные элементы (способы) – те, которые в рамках сложившегося в советской цивилистике подхода принято относить к вещно-правовым.

Представления о составляющих эту группу элементах разнятся: если некоторые авторы ограничиваются указанием на два поименованных в гл. 20 ГК РФ способа, то другие отмечают наличие иных способов, косвенно закрепленных в законе (признание права собственности, установление вещного права) [26. С. 57], либо выводят их из положений Концепции развития гражданского законодательства, судебной практики [27]. Обращение к сложившейся за период после принятия действующего Гражданского кодекса практике рассмотрения споров, связанных с принадлежностью вещей, безусловно, необходимо, однако и в данном случае из всего спектра рассматриваемых судами требований следует выбирать лишь те, которые обеспечивают восстановление субъективного вещного права. В этой связи следует признать ошибочной позицию Т.П. Подшивалова, обосновывающего включение иска об установлении (приобретении) вещного права в систему способов защиты вещных прав его востребованностью на уровне судебной

практики. При этом сам автор признает, что объектом защиты в ситуации с легализацией самовольной постройки, установлением сервитута является не существующее вещное право, а только правовое ожидание его возникновения [28].

Вместе с тем следует поддержать сложившийся еще до принятия действующего ГК РФ и санкционированный в совместном постановлении Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ № 10/22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление ВС и ВАС № 10/22) подход, допускающий защиту вещных прав посредством такого способа, как признание права. Традиционная сфера данного способа защиты – устранение правовой неопределенности относительно принадлежности вещи [29. С. 47–49] – была расширена в связи с введением в России системы регистрации прав на недвижимое имущество. Иски о признании стали рассматриваться судами как средство исправления не соответствующей действительности записи в реестре, существование которой создает собственнику препятствия в осуществлении права на объекты недвижимости [30. П. 52, 53]. Устранение такого препятствия совершенно обоснованно воспринимается правоприменителем как восстановление возможностей обладателя вещного права [31].

Высшие суды в Постановлении № 10/22, опираясь на ст. 119 Федерального закона «Об исполнительном производстве», указали также на возможность предъявления собственником, чье имущество ошибочно включено в опись судебным приставом по долгам другого лица, иска об освобождении имущества от наложения ареста (исключении из описи). Требование об исключении имущества из описи, как и вещные иски, может обеспечить восстановление нарушенного права, но механизм его действия не предопределен спецификой вещных прав как объекта защиты. В данном случае имеет значение не столько наличие права на вещь, сколько наличие законного интереса, связанного с имуществом [32]. Исключение имущества из описи обеспечивает защиту охраняемого законом интереса в устранении неопределенности о принадлежности вещи истцу, возникшей в результате наложения ареста уполномоченным органом и вызванную этим угрозой утраты вещи в случае реализации арестованного имущества с торгов. Кроме того, наложение ареста всегда означает ограничение правомочия распоряжения арестованным имуществом и зачастую сопровождается утратой владения им. Соответственно, исключение вещи из описи восстанавливает вещное право в прежнем объеме.

Таким образом, наряду с виндикационным и негаторными исками защита субъективных вещных прав возможна также посредством таких способов, как признание вещного права, освобождение имущества от наложения ареста (исключение из описи).

Возможность обладателей ограниченных вещных прав применять предусмотренные гл. 20 ГК способы защиты вытекает из системного толкования

норм ст. 216 и 305. Действительно, в судебной практике встречаются примеры истребования унитарными предприятиями, учреждениями имущества из чужого незаконного владения, довольно активно они обращаются и к негаторному иску, защищая права хозяйственного ведения, оперативного управления или постоянного бессрочного пользования [33, 34]. В то же время ст. 305 ГК связывает право предъявления вещных исков с правомочием владения, что порождает вопрос о допустимости применения вещно-правовых способов защиты обладателями сервитутных прав, которые, как упоминалось выше, традиционно понимаются как права ограниченного пользования чужой недвижимостью и в отличие от других вещных прав не предоставляют возможности владения «служащей» вещью. Очевидно, что основанный на буквальном толковании данной нормы вывод, что «в ГК РФ нет положений, однозначно указывающих на наличие у сервитутария правомочия на абсолютную защиту принадлежащего ему субъективного вещного права» [35. С. 207], приводил бы к необоснованному лишению сервитутариев возможности защиты против третьих лиц, характерной для всех вещных прав. В цивилистической доктрине предлагают различные варианты решения данной проблемы: от весьма искусственного конструирования неких отношений владения в рамках сервитута (любого) до создания нового, специального способа защиты права ограниченного пользования [35. С. 208].

Отечественные суды избрали более прагматичный путь – они не только не отклоняют заявленные истцами требования, опирающиеся на ст. 304 ГК, в связи с выбором ненадлежащего способа защиты, но рассматривают их по существу. При этом в случае вынесения судом положительного решения ссылка на ст. 305 ГК нередко отсутствует либо сопровождается воспроизведением правовой позиции ВАС РФ, изложенной в информационном письме от 15.01.2013 № 153, согласно которой собственник господствующего земельного участка может требовать устранения препятствий в проезде по служащему земельному участку как от собственника, так и от арендатора [36. П. 4]. А поскольку на уровне нижестоящих судов эта позиция служит для обоснования допустимости защиты любого сервитутного права против всех третьих лиц, включая собственника служащей недвижимости, право ограниченного пользования недвижимостью *de facto* оказывается снабженным характерной для всех вещных прав абсолютной защитой. Поддерживая сложившийся на уровне правоприменения подход, нельзя вместе с тем признать нормальной ситуацию, когда актом судебного толкования исправляются серьезные недостатки законодательной техники. *De lege ferenda* следует прямо закрепить возможность сервитутария требовать устранения препятствий, не связанных с лишением владения посредством негаторного иска, а также уточнить круг обстоятельств, подлежащих доказыванию с учетом специфики данного вещного права.

Универсальность негаторного иска как способа, обеспечивающего устранение физических неудобств, стеснений, не связанных с лишением фактического владения (господства), подтверждает и сложившаяся практика обращения землепользователей к ст. 304 ГК РФ в случае нарушения

права пользования, реализуемого в рамках того или иного публичного сервитута. В отсутствие специального, земельно-правового, механизма решения споров, связанных с устранением препятствий в осуществлении правомочия пользования обладателями публичных сервитутов, суды квалифицируют заявленные ими требования против собственников и против третьих лиц как негаторные. Причем эта практика, возникшая до введения в действие гл. V.7 ЗК РФ [38], сохраняется и в настоящее время [39].

Анализ судебных актов показывает, что обладатели ограниченных вещных прав прибегают и к такому способу защиты, как признание права в отношении зданий, сооружений. Потребность в констатации судом факта принадлежности спорного объекта недвижимости унитарному предприятию, учреждению может быть обусловлена возникновением вещного права до введения в действие системы государственной регистрации прав и, как следствие, не отражением его в ЕГРН.

Условия удовлетворения иска о признании права хозяйственного ведения, оперативного управления на объект недвижимости во многом совпадают с условиями удовлетворения иска о признании права собственности: наличие объекта в натуре (физически существует), нахождение его в фактическом владении истца, наличие соответствующего вещного права на спорное имущество. В то же время, учитывая производный характер всякого ограниченного вещного права от права собственности, вынесение судом положительного решения возможно лишь при условии, что спорная недвижимость является объектом права собственности учредителя. По-видимому, именно свойство производности права хозяйственного ведения, права оперативного управления принималось во внимание высшими судами, разъяснившими, что в такого рода спорах суду необходимо установить, находится ли спорное имущество в государственной или муниципальной собственности, и привлечь к участию в деле собственника унитарного предприятия или учреждения [30. П. 6]. В случае, если на момент предъявления иска в ЕГРН отсутствует запись о праве собственности учредителя юридического лица-несобственника, его участие в процессе по иску предприятия (учреждения) становится необходимым. Как правило, собственник вступает в процесс, инициированный унитарным предприятием или учреждением в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельное требование о признании права государственной или муниципальной собственности [40]. При этом отказ в удовлетворении требования собственника-учредителя автоматически влечет отказ в иске о признании права хозяйственного ведения или права оперативного управления. Тогда как признание права собственности публично-правового образования на спорный объект недвижимости в совокупности с указанными выше условиями обеспечивает положительный исход спора и для обладателя ограниченного вещного права [31].

Применение рассматриваемого способа защиты может быть реакцией и на допущенное собственником-учредителем нарушение – принятие решения о наделении предприятия правом хозяйственного ведения на недвижи-

мое имущество, уже закрепленное за другим унитарным предприятием. Ответчиком в такой ситуации оказывается юридическое лицо-несобственник, указанное в реестре как обладатель соответствующего ограниченного вещного права на спорный объект.

В такого рода спорах судам следует выяснять, было ли волеизъявление собственника о закреплении объекта недвижимости (его части) за истцом и в чьем фактическом владении находится спорный объект. Кроме того, следует учитывать специфику права хозяйственного ведения как обременения права публичной собственности, которая, как уже отмечалось, проявляется в существенных ограничениях распорядительных возможностей собственника-учредителя: он не может изъять имущество, ранее закрепленное за одним предприятием, и передать другому предприятию [30. П. 5]. Это решение законодателя, как представляется, обусловлено необходимостью обеспечить имущественную самостоятельность созданного для осуществления предпринимательской деятельности юридического лица, по долгам которого учредитель не отвечает (п. 6 ст. 113 ГК).

Таким образом, в спорах о признании права хозяйственного ведения на недвижимое имущество, аналогичное право на которое зарегистрировано за другим предприятием, значимым оказывается не столько поведение ответчика – унитарного предприятия, сколько факт нарушения собственником-учредителем существующего права хозяйственного ведения истца. Представляется, что констатации этого нарушения уже достаточно для удовлетворения иска о признании права хозяйственного ведения за предприятием, которому оно было передано собственником юридически (наличие акта о закреплении имущества) и фактически. Обращение к категории злоупотребления правом и ст. 10 ГК, как это делают некоторые суды, излишне, поскольку у собственника-учредителя унитарного предприятия нет права распоряжения закрепленным за предприятием имуществом [41].

Список источников

1. Кассо Л.А. Русское поземельное право. М. : Кн. маг. И.К. Голубева, п/ф «Правоведение», 1906. 280 с.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2013. Допущен из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
3. Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1 / отв. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М. : ТК Велби, Проспект, 2005. 776 с.
4. Годэмэ Е. Общая теория обязательств. М. : Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР, 1948. 511 с.
5. Васильковский Е.В. Учебник гражданского права. М. : Статут, 2003. 382 с. (Классика российской цивилистики).
6. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.
7. Гражданское право : в 4 т. Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М. : Волтерс Клувер, 2005. 496 с.
8. Щенникова Л.В. Вещное право : учеб. пособие. М. : Юристъ, 2006. 190 с.
9. Ахметьянова З.А. Вещное право : учебник. М. : Статут, 2011. 360 с.

10. Бабаев А.Б. Система вещных прав. М. : Волтерс Клувер, 2006. 408 с.
11. Рыбалов А.О. Ограниченные вещные права: проблемы определения // Закон. 2007. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М. : Спарк, 1995. 556 с.
13. Обзор судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 апреля 2017 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
14. Копылов А.В. Вещные права на землю. М. : Статут, 2000. 255 с.
15. Афанасьев И.В. Сервитут в гражданском праве. М. : Юрайт, 2018. 154 с.
16. Болтанова Е.С. Частные сервитуты на земельные участки для возведения зданий, сооружений и их эксплуатации: реальное и перспективное правовое регулирование // Centesimus annus: памяти Б.Л. Хаскельберга (1918–2011), к столетию со дня рождения. Цивилистические исследования. Вып. 5. М. : Инфотропик Медиа, 2018. С. 69–94.
17. Проект федерального закона № 47538–6/5 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» URL: <http://privlaw.ru/sovet-pokodifikacii/2019-1/obzor2019-12/>.
18. Козлова Н.В., Биленко А.И. К вопросу о природе права хозяйственного ведения и права оперативного управления // Законодательство. 2016. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
19. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
20. Шерстобитов А.Е. Проблемы права хозяйственного ведения и права *оперативного управления* в контексте осуществления права государственной и муниципальной собственности // Гражданско-правовые отношения: проблемы доктрины, законодательства и судебной практики : сб. ст., посвященный 75-летию доктора юридических наук, профессора Евгения Алексеевича Суханова. М. : Статут, 2023. 396 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
21. Проект Концепции развития законодательства о вещном праве. Рекомендован Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства к опубликованию в целях обсуждения (протокол от 18.03.2009 № 3) // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 104–185.
22. Рыбалов А.О. Почему я против реформы вещного права // Закон. 2020. № 3. С. 126–131. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
23. Арзамасцев А.Н. Охрана социалистической собственности в СССР. Л. : Изд-во ЛГУ, 1956. 206 с.
24. Венедиктов А.В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности. М. ; Л., 1954. 261 с.
25. Определение Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 305-ЭС22-16446 по делу № А40-49895/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
26. Новоселова А.А., Подшивалов Т.П. Вещные иски: проблемы теории и практики. М. : Инфра-М, 2023. 279 с.
27. Синицын С.А. Исковая защита вещных прав в российском и зарубежном гражданском праве: актуальные проблемы. М. : Инфотропик Медиа, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
28. Подшивалов Т.П. Систематизация вещных исков в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2022. № 5. С. 85–118. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».
29. Гордон М.В. Иски о признании. Ярославль, 1906. 370 с.

30. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

31. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 июля 2022 г. По делу № А40-128933/2021 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

32. Краснова С.А. Освобождение имущества от наложения ареста как способ защиты вещных прав // Судебная практика в Западной Сибири. 2015. № 1. С. 77–89.

33. Постановление Арбитражного Суда Поволжского округа от 15 августа 2023 г. № Ф06-6305/2023 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

34. Постановление Арбитражного Суда Московского округа от 19 октября 2020 г. по делу № А41-99395/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

35. Краснова Т.С. Анатомия воли и ее ограничение в сервитутном праве. М. : М-Логос, 2020. 256 с.

36. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

37. Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Болтанова Е.С. Общая теория ограничений права собственности на земельные участки // Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / под общ. ред. А.П. Анисимова. М. : Юстицинформ, 2020. 800 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

38. Определение Верховного Суда РФ от 17.02.2015 № 308-ЭС14-8502 по делу № А32-7561/2011 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

39. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.01.2019 по делу № А11-9898/2017 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

40. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2022 № 305-ЭС22-9221 по делу № А40-173639/2020 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

41. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 июня 2019 г. № Ф06-46670/2019 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Версия Проф».

References

1. Kasso, L.A. (1906) *Russkoe pozemel'noe pravo* [Russian land law]. Moscow: Kn. mag. I.K. Golubeva, p/f "Pravovedenie."
2. Pokrovskiy, I.A. (2013) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Main problems of civil law]. Moscow: Statut.
3. Sergeev, A.P. & Tolstoy, Yu.K. (2005) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 1. Moscow: TK Velbi, Prospekt.
4. Godeme, E. (1948) *Obshchaya teoriya obyazatel'stv* [General Theory of Obligations]. Moscow: USSR Ministry of Justice.
5. Vaskovskiy, E.V. (2002) *Uchebnik grazhdanskogo prava* [Civil Law]. Moscow: Statut.
6. Alekseev, S.S. (1989) *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law]. Moscow: Yurid. lit.
7. Sukhanov, E.A. (ed.) (2005) *Grazhdanskoe pravo* [Civil Law]. Vol. 2. Moscow: Volters Kluver.

8. Shchennikova, L.V. (2006) *Veshchnoe pravo* [Property Law]. Moscow: Yurist".
9. Akhmetyanova, Z.A. (2011) *Veshchnoe pravo* [Property Law]. Moscow: Statut.
10. Babaev, A.B. (2006) *Sistema veshchnykh prav* [The System of Property Rights]. Moscow: Volters Kluver.
11. Rybalov, A.O. (2007) Ogranichennyye veshchnyye prava: problemy opredeleniya [Limited property rights: Problems of definition]. *Zakon*. 2. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus.
12. Shershenevich, G.F. (1995) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.)* [Russian Civil Law (According to the 1907 Edition)]. Moscow: Spark.
13. Russian Federation. (2017) *Obzor sudebnoy praktiki po delam ob ustanovlenii servituta na zemel'nyy uchastok, utv. Prezidiumom Verkhovnogo Suda RF 26 aprelya 2017 g.* [Review of judicial practice in cases of establishing an easement on a land plot, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 26, 2017]. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus.
14. Kopylov, A.V. (2000) *Veshchnyye prava na zemlyu* [Property rights to land]. Moscow: Statut.
15. Afanasiev, I.V. (2018) *Servitut v grazhdanskom prave* [Easement in Civil Law]. Moscow: Yurayt.
16. Boltanova, E.S. (2018) Chastnyye servituty na zemel'nye uchastki dlya vozvedeniya zdaniy, sooruzheniy i ikh ekspluatatsii: real'noe i perspektivnoe pravovoe regulirovanie [Private easements on land plots for the construction of buildings, structures and their operation: real and future legal regulation]. In: Boltanova, E.S. & Tuzov, D.O. (eds) *Centesimus annus: pamyati B.L. Khaskel'berga (1918–2011)* [Centesimus annus: In memory of B.L. Haskelberg (1918–2011)]. Vol. 5. Moscow: Infotropik Media. pp. 69–94.
17. Russian Federation. (2019) *Proekt federal'nogo zakona № 47538–6/5 "O vnesenii izmeneniy v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* [Draft Federal Law No. 47538–6/5 "On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <http://privlaw.ru/sovet-po-kodifikatsii/2019-1/obzor2019-12/>.
18. Kozlova, N.V. & Bilenko, A.I. (2016) K voprosu o prirode prava khozyaystvennogo vedeniya i prava operativnogo upravleniya [On the nature of the right of economic management and operational management]. *Zakonodatel'stvo*. 2. [Online] Available from: SPS KonsultantPlyus.
19. Sukhanov, E.A. (2017) *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyy ocherk* [Property law: A scientific and educational essay]. Moscow: Statut.
20. Sherstobitov, A.E. (2023) Problemy prava khozyaystvennogo vedeniya i prava operativnogo upravleniya v kontekste osushchestvleniya prava gosudarstvennoy i munitsipal'noy sobstvennosti [Problems of the right of economic management and the right of operational management in the context of the implementation of the right of state and municipal property]. In: Vitryansky, V.V. (ed.) *Grazhdansko-pravovyye otnosheniya: problemy doktriny, zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki* [Civil Law Relations: Problems of Doctrine, Legislation and Judicial Practice]. Moscow: Statut.
21. Russian Federation. (2009) *Proekt Kontseptsii razvitiya zakonodatel'stva o veshchnom prave. Rekomendovan Prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii po kodifikatsii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva k opublikovaniyu v tselyakh obsuzhdeniya (protokol ot 18.03.2009 № 3)* [Draft Concept for the development of legislation on property rights. Recommended by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation for publication for the purpose of discussion (minutes dated March 18, 2009, No. 3)]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*. 4. pp. 104–185.
22. Rybalov, A.O. (2020) Pochemu ya protiv reformy veshchnogo prava [Why am I against the reform of property law]. *Zakon*. 3. pp. 126–131.
23. Arzamastsev, A.N. (1956) *Okhrana sotsialisticheskoy sobstvennosti v SSSR* [Protection of socialist property in the USSR]. Leningrad: Leningrad State University.

24. Venediktov, A.V. (1954) *Grazhdansko-pravovaya okhrana sotsialisticheskoy sobstvenno-sti* [Civil Protection of Socialist Property]. Moscow; Leningrad: [s.n.].
25. Russian Federation. (2022) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 15 dekabrya 2022 g. № 305-ES22-16446 po delu № A40-49895/2020* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022 No. 305-ES22-16446 in Case No. A40-49895/2020]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
26. Novoselova, A.A. & Podshivalov, T.P. (2023) *Veshchnye iski: problemy teorii i praktiki* [Claims in Rem: Problems of Theory and Practice]. Moscow: Infra-M.
27. Sinitsyn, S.A. (2015) *Iskovaya zashchita veshchnykh prav v rossiyskom i zarubezhnom grazhdanskom prave: aktual'nye problemy* [Claim protection of property rights in Russian and foreign civil law: Current problems]. Moscow: Infotropik Media.
28. Podshivalov, T.P. (2022) Sistematizatsiya veshchnykh iskov v grazhdanskom prave [Systematization of property claims in civil law]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 5. pp. 85–118.
29. Gordon, M.V. (1906) *Iski o priznanii* [Claims for Recognition]. Yaroslavl: [s.n.].
30. Russian Federation. (2010) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 (red. ot 23.06.2015) "O nekotorykh voprosakh, voznikayushchikh v sudebnoy praktike pri razreshenii sporov, svyazannykh s zashchitoy prava sobstvennosti i drugikh veshchnykh prav"* [Resolution No. 10 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 22 Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010 (as amended on June 23, 2015) "On some issues arising in judicial practice when resolving disputes related to the protection of property rights and other property rights rights"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
31. Russian Federation. (2022) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 14 iyulya 2022 g. Po delu № A40-128933/2021* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 14, 2022, in Case No. A40-128933/2021]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
32. Krasnova, S.A. (2015) Osvobozhdenie imushchestva ot nalozheniya aresta kak sposob za-shchity veshchnykh prav [Exemption of property from the imposition of seizure as a way to protect property rights]. *Sudebnaya praktika v Zapadnoy Sibiri*. 1. pp. 77–89.
33. Russian Federation. (2023) *Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Povolzhskogo okruga ot 15 avgusta 2023 g. № F06-6305/2023* [Resolution No. F06-6305/2023 of the Arbitration Court of the Volga District of August 15, 2023]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
34. Russian Federation. (2020) *Postanovlenie Arbitrazhnogo Suda Moskovskogo okruga ot 19 oktyabrya 2020 g. po delu № A41-99395/2019* [Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated October 19, 2020, in Case No. A41-99395/2019]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
35. Krasnova, T.S. (2020) *Anatomiya voli i ee ogranichenie v servitutnom prave* [Anatomy of will and its limitation in easement law]. Moscow: M-Logos.
36. Russian Federation. (2013) *Informatsionnoe pis'mo Prezidiuma VAS RF ot 15.01.2013 № 153 "Obzor sudebnoy praktiki po nekotorym voprosam zashchity prav sobstvennika ot narusheni-y, ne svyazannykh s lisheniem vladeniya"* [Information letter No. 153 of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 15, 2013 "Review of judicial practice on some issues of protecting the rights of the owner from violations not related to deprivation of possession"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.
37. Anisimov, A.P., Ryzhenkov, A.Ya. & Boltanova, E.S. (2020) Obshchaya teoriya ogranicheniy prava sobstvennosti na zemel'nye uchastki [General theory of restrictions on land ownership]. In: Anisimov, A.P. (ed.) *Aktual'nye problemy teorii zemel'nogo prava Rossii* [Current Problems of the Theory of Land Law in Russia]. Moscow: Yustitsinform.
38. Russian Federation. (2015) *Opreделение Verkhovnogo Suda RF ot 17.02.2015 № 308-ES14-8502 po delu № A32-7561/2011* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 17, 2015 No. 308-ES14-8502 in Case No. A32-7561/2011]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.

39. Russian Federation. (2019) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Volgo-Vyatskogo okruga ot 23.01.2019 po delu № A11-9898/2017* [Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated January 23, 2019, in Case No. A11-9898/2017]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.

40. Russian Federation. (2022) *Opredelenie Sudebnoy kollegii po ekonomicheskim sporam Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 02.09.2022 № 305-ES22-9221 po delu № A40-173639/2020* [Resolution No. 305-ES22-9221 of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 2, 2022, in Case No. A40-173639/2020]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.

41. Russian Federation. (2019) *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga ot 26 iyunya 2019 g. № F06-46670/2019* [Resolution No. F06-46670/2019 of the Arbitration Court of the Volga District of June 26, 2019]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant-Plyus.

Информация об авторах:

Кузьмина И.Д., доцент, доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (Новокузнецк, Россия). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

Краснова С.А., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Новосибирского государственного исследовательского университета (Новосибирск, Россия); доцент кафедры гражданского права и процесса Сибирского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Новосибирск, Россия). E-mail: numeria@rambler.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Kuzmina I.D., Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: kuzmina-58@mail.ru

Krasnova S.A., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation); The Siberian Institute of Management, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: numeria@rambler.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 14.06.2023;
одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 14.06.2023;
approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья

УДК 347.1

doi: 10.17223/22253513/50/12

Современные представления о частноправовых понятиях

Раиса Петровна Мананкова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, loykon@rambler.ru*

Аннотация. Исследуется частноправовой аппарат современной российской науки. Обосновываются критерии возможной классификации понятий; сообщается об оценках состояния науки в разные периоды истории. Римское происхождение фундаментальных правовых понятий (сделка, обязательство и т.д.) ставится под сомнение в связи с новыми доказательствами. Анализируются «старые» институты (договор, доля в праве, семья) и вклад советских ученых-цивилистов, жилищников и фамилиаристов в формирование теории частного права.

Ключевые слова: категория, критерий, классификация, документ, оценка, семья, законодательство

Для цитирования: Мананкова Р.П. Современные представления о частноправовых понятиях // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 166–176. doi: 10.17223/22253513/50/12

Original article

doi: 10.17223/22253513/50/12

Current thinking on private law concepts

Raisa P. Manankova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, loykon@rambler.ru*

Abstract. We still have no concept of family in the law. And this is only one of the very visible indicators of the real state of the categorical apparatus in private law. But it is hardly appropriate to limit ourselves to an unambiguous assessment and a private case does not turn into a general rule. The absence of a legal or at least acceptable doctrinal concept is usually not given importance. This is not surprising. The situation with the conceptual apparatus in private law doctrine is clearly unsatisfactory, although the issue is usually not directly emphasised.

A huge scientific base has been created by the works of well-known specialists in the field of Soviet family law (A.M. Belyakova, E.M. Vorozheikin, J.R. Webers, O.S. Ioffe, N.M. Ershova, G.K. Matveev, A.M. Nechaeva, A.M. Rabets, Ya.N. Shevchenko). There is confidence in the validity and sustainability of the concept of development of family legislation for the future. At the same time, it is necessary to recognise fair and critical assessments of the quality of family legislation on certain important issues. Since there is no longer any debate about the inclusion of family law

in the system of private law, new tasks arise. The main one is to ensure the quality and effectiveness of legislation that meets the needs of society. The literature suggests the development of a system of concepts reflecting the specifics of family law.

The central place among them is, of course, given to the concept of family. O.S. Ioffe qualified this concept as a fundamental branch concept in the system of legal concepts. Fundamental and other branch concepts, branch theoretical constructions form "a single, well-established mechanism, a system that is structured in all its subdivisions".

In our science it is customary to highlight in the content of a concept its essential features. In relation to the concept of family, there are several such attributes, some of them have a legal nature, others are of a different nature. Sociologists understand family as an association of persons, community of persons, union, small collective. In other words, according to their terminology, the family is a small social group. The next attribute of the family is considered to be the basis, i.e. legal facts that condition its emergence (marriage, kinship, etc.). The essential legal attribute of the concept of family is the mutual legal connectedness of its members. Finally, the fourth essential feature is the community of life, which is characterised as a complex phenomenon. Its components, and there are several independent ones, including legal ones, can be legally irrelevant.

As a result, the doctrinal concept of family is defined as follows. Family is a small social group (association, union of persons) based on marriage, kinship, adoption and other forms of taking children for upbringing, connected by the community of life, as well as family rights and obligations.

This concept of family differs little from those available in the literature, including those that claim to be legal, but in fact are not. And it is quite natural because the essence of such a complex phenomenon as a family can be expressed only taking into account all its attributes. In legislation, this concept may well be used at any level.

Keywords: category, criterion, classification, document, evaluation, family, legislation

For citation: Manankova, R.P. (2023) Current thinking on private law concepts. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 166–176. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/50/12

У нас в законе до сих пор нет понятия семьи. И это только один из очень заметных показателей реального состояния категориального аппарата в частном праве. Но однозначной оценкой ограничиться вряд ли уместно, и частный случай не превращается в общее правило. Отсутствию легального или хотя бы приемлемого доктринального понятия значения обычно не придается. И это неудивительно. Положение дел с понятийным аппаратом в частноправовой доктрине явно неудовлетворительное, хотя прямо на этом, как правило, вопрос не заостряется.

Заметное исключение составляет позиция Б.И. Пугинского и Д.Н. Сафиулина. Авторы обосновали существование проблемы совершенствования категориального аппарата цивилистики. Их выводы: неопределенность и многосмысленность базовых терминов привела к разрушению понятийного аппарата. Он стал неспособен адекватно, точно и однозначно отражать изучаемые объекты и их свойства. Словарный запас науки не располагает необходимыми терминами, налицо явный их дефицит. Отмечается дефектность многих научных понятий: их недостаточная определенность, логическая нестрогость, неточность [1. С. 50–51].

Принципиальная критическая позиция наших известных ученых была воспринята в официальных структурах весьма неблагосклонно, несмотря на блестящую защиту докторской диссертации в МГУ одним из соавторов.

Короче говоря, резкие по форме, но справедливые по существу суждения и выводы видных специалистов вошли в историю цивилистики. С тех пор прошло более 30 лет.

Главные события этого периода времени – распад единой правовой системы и закрепление в законе частной собственности. Объективно они и обусловили потребность в глубоком научном осмыслении сути происшедшего, его последствий и прогнозов.

Для науки гражданского права многие задачи были известны заранее в предпроектной стадии законодательства. Не изменилась и цель предстоящих исследований, а именно обеспечить качество и эффективность правовой регламентации новых и преобразованных отношений и, в конечном счете, обеспечить стабильность законодательства.

Трудно переоценить творческий вклад разработчиков нового и обновленного гражданского законодательства. Процесс его совершенствования продолжается, но и горизонт проблем явно расширяется. Выявляются непредвиденные вопросы, неучтенные обстоятельства, пробелы и противоречия. Легко было отменить частное право, но возвращение его в новую правовую систему оказывается делом довольно сложным и не скорым.

Узаконение частной собственности в Российской Федерации чаще именуется как восстановление, возвращение, возрождение, легитимация, реабилитация. То есть о терминах еще не спорят и значение, как видно, не придают. Между тем точный термин, отражающий более или менее адекватно судьбу частного права в России в XX в., облегчил бы прогнозирование. Аргументация простая: если отменили частную собственность, то ее место заняли советские конструкции, и десятки лет новая правовая система существовала и совершенствовалась. Теперь к ней подключили, присоединили феномен «частная собственность», причем в определенных границах и объеме (принципы в частности) на определенных условиях (постепенно, с ограничениями и т.п.). Это вовсе не возврат того правового явления, которое отменили. Если бы просто перенести старые нормы механически в современное законодательство, вот это и был бы возврат, восстановление. А пока это только дополнение, присоединение на условиях присоединяющей стороны.

О том, насколько комфортно частному праву в отечественной правовой системе сейчас и чего ожидать в перспективе, много говорят на конференциях и пишут. В центре внимания конвергенция частного и публичного права, их дисбаланс, причины и пути разрешения неизбежных проблем. Тенденции к сужению сферы регулирования частного права, экспансии публичного права в частные отношения наиболее убедительно обосновываются в последних по времени публикациях известных советских цивилистов [2. С. 329–330].

В каком же виде и состоянии находится сейчас частное право? Уже немало сделано достойных внимания предложений, аргументов и выводов.

Главное убеждение от этой информации в том, что активно формируется теория частного права. Прежде всего, потребовалось решить вопрос о правовой природе самой конструкции «частное право». Она многогранна:

Частное право – это:

1) элемент системы законодательства;

2) доктрина;

3) учебная дисциплина;

4) элемент правоспособности, конституционное право, субъективное право в конкретном правоотношении.

В плане настоящего исследования имеют значение две грани правовой природы частного права, а именно понимание его как элемента системы законодательства и как науки. Соответственно, анализируются легальные и доктринальные частноправовые понятия.

Объективно существует совокупность правовых норм, содержащих определенные дефиниции. Скорее всего, большая их часть находится в огромном гражданском законодательстве. В последние три десятилетия особенно актуальной стала законотворческая деятельность в форме федеральных законов. Практически почти в каждом из них в структуре присутствует раздел «Основные понятия». Сами федеральные законы содержат нормы различной отраслевой принадлежности, вычленив из них частноправовые понятия совсем несложно и увидеть дефекты тоже.

В цивилистической литературе много раз критиковалась ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ под названием «Основные понятия» за совершенно безграмотные нормы частного права, закрепленные в п. 3, 4, 12, 37 УПК РФ. Эти нормы, по существу, стимулируют правоприменителей к коррумпции, но, по-видимому, не интересуют ученых, считающих, в частности, супругов близкими родственниками. Традиционные семейно-правовые понятия, обозначенные формулами (родители, супруги, сын, дед и т.д.), по существу, игнорируются.

В федеральных законах раздел «Основные понятия» обычно занимает немного места. В качестве редчайшего исключения перед нами предстает Федеральный закон № 61 от 12.04.2010 «Об обращении лекарственных средств», перенасыщенный легальными понятиями (их более 50!). Впечатления добавляет серия авторских понятий, предлагаемых в качестве доктринальных. Рецепт из понятий, адресованный медикам (в широком смысле), фактически реконструируется под юристов [3].

Одно из первых представлений и впечатлений от заявленной темы – это бесчисленное множество даже современных частноправовых понятий. И первый вопрос в плане исследования, возможна ли какая-либо их классификация и если «да», то каковы ее критерии? Классификация необходима, как и всегда при множестве явлений, а с критериями нужно разбираться подробнее. Последовательность их здесь не имеет значения.

1. Отраслевая принадлежность.

Кто бы сомневался в частноправовой природе понятия «семья». Однако оно используется во всех правовых науках, т.е. является универсальным, даже

категорией как предельно широким понятием. Более того, оно применяется во многих науках за пределами правовой, поскольку представляет собой один из сложнейших социальных организмов. Семью изучают философы, социологи, историки, демографы, этнографы, медики, психологи и др. Существует уже наука «фамилистика» или «фамилиаристика», задачей которой объявлена еще в советское время консолидация исследований о семье.

2. Происхождение понятия.

В нашей литературе обычно имеют в виду такие свойства исследуемого понятия, как основной, исходный, первоначальный характер.

Если семья относится к их числу, то понятие «член семьи» точно производное, вторичное. Понятие «член семьи» включает совокупность существенных признаков и широко используется в различных отраслях. Особенно четко это просматривается в современных публикациях по жилищно-правовой тематике. В частности, в монографии М.Н. Рахваловой сообщается о 21 группе титульных пользователей жилой площади и приводится таблица с характеристиками каждой из этих групп [4. С. 187–190].

3. Служебная роль.

Сейчас ее определить легко потому, что обычно в тексте нормативного акта есть фраза «для целей настоящего закона».

Раньше иногда случались казусы именно от непонимания этой функции конкретного понятия. Например, в специальном акте для библиотек было дано понятие «документ» применительно к его служебной роли обязательного экземпляра. Оно совсем непригодно для широкого научного использования.

В арсенал частноправовых понятий у нас принято включать систему фундаментальных институтов (право собственности, договор, обязательство), которым обычно приписывается римское происхождение. В учебниках римского частного права можно встретить интереснейшие образцы определений понятий. Что там было в действительности, уже не установить. Сомнения в достоверности не покидают даже ученых-романистов; ведь по отдельным фрагментам сохранившихся и доступных источников за многие века трудно найти истину. «Основная масса римского правового наследия является своеобразным калейдоскопом решений конкретных случаев, основанных на идеях, хорошо известных лишь самим римским юристам» [5. С. 94].

Ученые-юристы тоже не остаются в стороне при обсуждении этих вопросов. Обосновывая непригодность римского права для нашего времени, они ссылаются на несовпадение римских правил с современными. «Лишь в редчайших случаях (если таковые вообще имеются) современные правила совпадают с римским правом... порой римский образец прямо-таки ставится с ног на голову» [6. С. 213, 218].

Но самые впечатляющие аргументы приводит профессор Е.А. Суханов. Исторически появлением цивилистики как науки мы обязаны германской пандектистике, создавшей в начале XIX в. «юриспруденцию понятий». Оттуда пришли понятия субъективного права, сделки, обязательства, деликта,

виндикации, реституции и т.д., представляющиеся теперь либо само собой разумеющимися, либо идущими «напрямую» от римского частного права, которое в действительности даже на завершающих этапах своего развития (в кодификации Юстиниана) не вырабатывало обобщающих понятий [7. С. 447].

В связи с вышеизложенным, о рецепции основных частноправовых понятий из Рима, утверждать вряд ли бесспорно. Не пришлось бы учебники по римскому частному праву соответственно уточнять.

Проблемы понятийного аппарата осознавались и в советское время, о чем свидетельствуют материалы партийных съездов, в частности XXVII съезда КПСС. Это было начало перестройки, время искренних надежд и решений. На научные учреждения и учебные заведения была возложена обязанность повышать уровень исследований с целью строгого соблюдения законности и усиления защиты субъективных прав граждан.

В развитие этого курса был проведен ряд существенных организационных мероприятий. На кафедрах пересматривалась тематика, выделялись средства для реализации планов.

В это время и появился первый межвузовский научный сборник, полностью посвященный исследованию понятийного аппарата наук цивилистического цикла [8. С. 148].

Авторы были озадачены разработкой понятийного аппарата известной теории защиты субъективных прав. Каждый из них участвовал в формировании соответствующего отраслевого понятия, ориентируясь на свою научную позицию, на свой предмет. Это путь непростой, длительный, но другого не было. Главное, что было положено начало, конкретизирована проблема несовершенства категориально-понятийного обеспечения законодательства. С тех пор «понятия» в правовой науке не утрачивают своего значения и места.

В 1991 г. опубликован сборник Тверского госуниверситета [9. С. 158], специально посвященный этой тематике.

Особенностью исследования понятий является фрагментарный подход. Каждое из правовых понятий имеет свою судьбу, но обычно акцент делается на основном предмете научного анализа. Без понятия, конечно, не обойтись, но не оно в центре внимания. Отсюда и поверхностное отношение, и множество «авторских» понятий в диссертациях, на которые законодатель редко реагирует. Тем не менее в последние 20 лет наблюдается определенное позитивное направление. Предлагаются новые конструкции, новые понятия, обусловленные в первую очередь социально-экономическими причинами. Вечно актуальна «непреодолимая сила», конкретизируется «чрезвычайная ситуация», обозначилась «реквизиция», «безвестное отсутствие» и др. В монографиях и диссертациях современных авторов довольно четко формулируются и соответствующие понятия. Конечно, в идеале будет исследование с эпицентром на понятии, но это редкий случай [10. С. 195].

Понятийный аппарат, несомненно, совершенствуется, шлифуется, пополняется. По-прежнему много внимания уделяют ученые «старым» понятиям и категориям.

Универсальная категория «договор» во все времена была и остается в центре внимания и законодотворцев, и ученых. В советском научном мире договор исследовался как инструмент плановой экономики; сообщалось, например, в журнале «Советское государство и право», что только по поставке было защищено более 100 диссертаций. В разгаре была и дискуссия о хозяйственном праве; к материалам по ней придется возвратиться и сейчас, если предложение М.И. Клеандрова о Предпринимательском кодексе найдет поддержку. Теория договора продолжает развиваться [11. С. 32].

Понятие «доли в праве» тоже одно из древних и спорных, и понятно почему: заинтересованные в справедливом законе лица были, есть и будут. Это, разумеется, наследники. Для нашего времени характерно, что армия предпринимателей довольно активна и стимулирует ученых и законодотворцев к разработке четких предписаний, затрагивающих их насущные интересы. Но легального понятия «доли в праве» так и не появилось. Второй век спорят и российские цивилисты; доктрина насыщена мнениями настолько, что, как представляется, пошли уже по очередному (даже не второму) кругу. А главное успел сказать профессор Г.Ф. Шершеневич: «Едва ли можно считать удачной конструкцию общей собственности в смысле совокупности долей самого права собственности. Право собственности неделимо само по себе, а представление о доле права лишено всякой юридической определенности. В действительности право одно и принадлежит нераздельно всем субъектам. Право каждого из сособственников в отдельности имеет своим объектом только долю ценности вещи» [12. С. 305].

Жилищное право в период своего расцвета стало темой многочисленных исследований прежде всего потому, что миллионам советских граждан дали реальную возможность решить жилищную проблему за счет государства.

Конституционное право на жилище обеспечивалось надежными гарантиями, а весь мир увидел преимущества социализма. Для выработки соответствующего законодательства нужна была теория.

Выдающиеся цивилисты Союза ССР сосредоточились на разработке системы понятий: правовой природы права, правовом режиме элементов жилищного фонда страны, основаниях возникновения, изменения и прекращения жилищных правоотношений, выселении и др. Принятие Жилищного кодекса РСФСР стало значительной победой российской правовой науки. Но одного кодекса было недостаточно: жизнь постоянно требовала ответов на бесчисленные вопросы населения, обусловленные незнанием прав, нарушением законных интересов. Особенно много правонарушений фиксировалось на стадии предоставления жилья. Бытовало мнение, что здесь закон вообще не действует. Учет нуждающихся очередников на предприятиях даже и под контролем профсоюзов осуществлялся далеко не всегда законно.

Много внимания и сил уделялось совершенствованию и законодательства, и практики его применения.

Все это советское наследие ушло в историю, но остались имена: в первую очередь, академика Ю.К. Толстого; по его учебной литературе жилищное право осваивали и применяли поколения юристов. Казахстан представлял

профессор Ю.Г. Басин, Грузию – профессор Ш.Д. Чиквашвили, Белорусию – профессор В.Ф. Чигир.

Высокий научный уровень поддерживался при дефиците необходимых норм и Верховными Судами ССР и РСФСР. Руководящие разъяснения Пленумов по многим проблемам гражданского и семейного права широко известны и до сих пор. Есть несколько сборников постановлений пленумов, содержащих разъяснения и по жилищным спорам.

В научных кругах периодически обсуждалась противоречивая активность Верховного Суда: не должен суд творить право для себя. А это, по сути, и происходило в условиях отсутствия конкретных норм. Разъяснения пленума восполняли, заполняли «пустое» место и обязывали суды руководствоваться ими. Если судья не сослался на это разъяснение, его решение отменялось. Пленум буквально разжевывал для судов законную и обоснованную позицию [13. С. 390]. И что это было, закон или доктрина?

Огромная научная база создана трудами известных специалистов в области советского семейного права (А.М. Белякова, Е.М. Ворожейкин, Я.Р. Веберс, О.С. Иоффе, Н.М. Ершова, Г.К. Матвеев, А.М. Нечаева, А.М. Рабец, А.Е. Казанцева, А.И. Пергамент, В.А. Рясенцев, В.П. Шахматов, Я.Н. Шевченко). Существует уверенность в обоснованности и устойчивости концепции развития семейного законодательства на перспективу. В то же время надо признать справедливым и критические оценки качества семейного законодательства по отдельным важным вопросам. Поскольку теперь уже не спорят о включении семейного права в систему частного права, встают новые задачи. Главная из них – обеспечить качество и эффективность законодательства, отвечающего потребностям общества. В литературе предлагается разработать систему понятий, отражающих специфику семейного законодательства [14. С. 40].

Центральное место среди них отводится, естественно, понятию семьи. О.С. Иоффе квалифицировал это понятие как фундаментальное отраслевое в системе юридических понятий. Фундаментальные и иные отраслевые понятия, отраслевые теоретические конструкции образуют «единый, четко налаженный механизм, стройную во всех своих подразделениях систему» [15. С. 103].

Основные дискуссии о понятии семьи состоялись в советское время: много конкретных вариантов и до сих пор не забыто. Но, что удивительно, до законопроекта даже дело не доходит. Хотя, например, в Белоруссии понятие семьи уже получило титул легального. В КоБС 1999 г. появились новые главы и нормы, отражающие новые подходы или новые явления в изменившихся социально-экономических условиях. Так, в разделе III «Семья» в гл. 9 «Права и обязанности семьи в обществе» даются понятия семьи и другие относящиеся к семье категории и указывается специальная роль семьи [16. С. 170].

В нашей науке принято выделять в содержании понятия его существенные признаки. Применительно к понятию семьи таких признаков несколько, одни из них имеют правовую природу, другие иную. Социологи понимают семью как объединение лиц, общность лиц, союз, малый коллектив. Иначе

говоря, по их терминологии, семья – это малая социальная группа. Следующим атрибутом семьи считается основание, т.е. юридические факты, обуславливающие ее возникновение (брак, родство и т.д.). Существенным юридическим признаком понятия семьи является взаимная правовая связанность ее членов. Наконец, четвертым существенным признаком называют общность жизни, которую характеризуют как сложное явление. Его составляющие, а их несколько самостоятельных, в том числе и правовых, могут быть юридически иррелевантны.

В результате доктринальное понятие семьи определяется следующим образом. Семья – это малая социальная группа (объединение, союз лиц), основанная на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанная общностью жизни, а также семейными правами и обязанностями.

Это понятие семьи мало чем отличается от имеющихся в литературе, в том числе от тех, которые претендуют на роль правовых, а на самом деле таковыми не являются. И это вполне закономерно потому, что сущность такого сложного явления, как семья, может быть выражена только с учетом всех его признаков. В законодательстве это понятие вполне может использоваться на любом уровне.

Список источников

1. Пугинский Б.И., Сафиуллин Д.Г. Правовая экономика: проблемы становления. М. : Юрид. лит., 1991. С. 50–51.
2. Микеленас В. Развитие частного права в Литве в период 1990–2020 гг. Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. ст. / под. ред. Л.Ю. Михеевой. М. : Статут, 2022. С. 329–330.
3. Шандра М.Ю. Правовое регулирование оборота лекарственных средств на потребительском рынке Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2021.
4. Рахвалова М.Н. Отказополучатели и получатели ренты как субъекты жилищных правоотношений. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2009. С. 187–190.
5. Полдников Д.Ю. Истоки современного понятия «гражданско-правового договора» // Вестник Московского университета. 2006. № 5. С. 94.
6. Циммерман Р. Римское право и европейская культура // Вестник гражданского права. 2007. № 4, т. 7. С. 213, 218.
7. Суханов Е.А. Проблемы реформирования Гражданского кодекса России: Избранные труды 2008–2012 гг. М. : Статут, 2013. С. 447.
8. Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права : сб. науч. тр. / под ред. В.А. Носова. Ярославль, 1987. 148 с.
9. Понятийный аппарат науки советского гражданского права и процесса и терминология законодательных актов : сб. науч. тр. Тверь, 1991. 158 с.
10. Имекова М.П. Правовое регулирование отчуждения земельных участков по законодательству Российской Федерации / под ред. Е.С. Болтановой. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та систем управления и радиоэлектроники, 2018. 195 с.
11. Мананкова Р.П. Развитие теории гражданско-правового договора. Томск : Том. гос. ун-т, 2007. 32 с.
12. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. 9-е изд. М. : Издание: Бр. Башмаковых, 1911. С. 305.

13. Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по гражданским делам. М. : Спарк, 1994. 390 с.
14. Мананкова Р.П. Пояснительная записка к концепции проекта нового Семейного кодекса Российской Федерации. Томск : Том. гос. ун-т, 2008. 40 с.
15. Иоффе О.С. Логические пределы понятий юридического лица, оперативного управления, хозяйственного обязательства // Правоведение. 1979. № 6. С. 103.
16. Годунов В.Н., Мещанова М.В. Частное право Республики Беларусь: история становления, развития и перспективы совершенствования // Частное право в странах бывшего СССР: итоги 30-летия : сб. ст. / под ред. Л.Ю. Михеевой. М. : Статут, 2022. С. 170.

References

1. Puginskiy, B.I. & Safiullin, D.G. (1991) *Pravovaya ekonomika: problemy stanovleniya* [Legal economics: Problems of formation]. Moscow: Yurid. lit., 1991. pp. 50–51.
2. Mikelenas, V. (2022) *Razvitie chastnogo prava v Litve v period 1990–2020 gg.* [Development of private law in Lithuania in the period 1990–2020]. In: Mikheeva, L.Yu. (ed.) *Chastnoe pravo v stranakh byvshego SSSR: itogi 30-letiya* [Private law in the countries of the former USSR: Results of the 30th anniversary]. Moscow: Statut. pp. 329–330.
3. Shandra, M.Yu. (2021) *Pravovoe regulirovanie oborota lekarstvennykh sredstv na potrebitel'skom rynke Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of the circulation of medicines on the Russian consumer market]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnoyarsk.
4. Rakhvalova, M.N. (2009) *Otkazopoluchateli i poluchateli renty kak sub"ekty zhilishchnykh pravootnosheniy* [Legatees and rent recipients as subjects of housing legal relations]. Novosibirsk: NSTU. pp. 187–190.
5. Poldnikov, D.Yu. (2006) *Istoki sovremennogo ponyatiya "grazhdansko-pravovogo dogo-vora"* [The origins of the modern concept of "civil contract"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 5. p. 94.
6. Tsimmerman, R. (2007) *Rimskoe pravo i evropeyskaya kul'tura* [Roman law and European culture]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 4(7). pp. 213, 218.
7. Sukhanov, E.A. (2013) *Problemy reformirovaniya Grazhdanskogo kodeksa Rossii: Izbrannye trudy 2008–2012 gg.* [Problems of reforming the Civil Code of Russia: Selected works of 2008–2012]. Moscow: Statut.
8. Nosov, V.A. (1987) *Problemy ponyatiynogo apparata nauk grazhdanskogo i grazhdanskogo protsessual'nogo prava* [Problems of the Conceptual Apparatus of the Sciences of Civil and Civil Procedural Law]. Yaroslavl: [s.n.].
9. Chentsov, N.V. (ed.) (1991) *Ponyatiynyy apparat nauki sovetskogo grazhdanskogo prava i protsessy i terminologiya zakonodatel'nykh aktov* [The conceptual apparatus of the science of Soviet civil law and process and the terminology of legislative acts]. Tver: Tver State University.
10. Imekova, M.P. (2018) *Pravovoe regulirovanie otchuzhdeniya zemel'nykh uchastkov po zakonodatel'stvu Rossiyskoy Federatsii* [Legal regulation of alienation of land plots under the legislation of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics.
11. Manankova, R.P. (2007) *Razvitie teorii grazhdansko-pravovogo dogovora* [Development of the Theory of Civil Contract]. Tomsk: Tomsk State University.
12. Shershenevich, G.F. (1911) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Russian Civil Law]. 9th ed. Moscow: Br. Bashmakovy.
13. Russian Federation. (1994) *Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federatsii) po grazhdanskim delam* [Decisions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) on civil cases]. Moscow: Spark.

14. Manankova, R.P. (2008) *Poyasnitel'naya zapiska k kontseptsii proekta novogo Semeyno-go kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Explanatory note to the concept of the draft of the new Family Code of the Russian Federation]. Tomsk: Tomsk State University.

15. Ioffe, O.S. (1979) Logicheskie predely ponyatiya yuridicheskogo litsa, operativnogo upravleniya, khozyaystvennogo obyazatel'stva [Logical limits of the concepts of legal entity, operational management, economic obligation]. *Pravovedenie*. 6. pp. 103.

16. Godunov, V.N. & Meshchanova, M.V. (2022) Chastnoe pravo Respubliki Belarus': istoriya stanovleniya, razvitiya i perspektivy sovershenstvovaniya [Private law of the Republic of Belarus: History of formation, development and prospects for improvement]. In: Mikheeva, L.Yu. (ed.) *Chastnoe pravo v stranakh byvshego SSSR: itogi 30-letiya* [Private law in the countries of the former USSR: Results of the 30th anniversary]. Moscow: Statut.

Информация об авторе:

Мананкова Р.П., доктор юридических наук, профессор, старший научный сотрудник лаборатории социально-правовых исследований Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: loykon@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Manankova R.P., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: loykon@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.09.2023;
одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 21.09.2023;
approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

Научная статья
УДК 347.728.2
doi: 10.17223/22253513/50/13

Акции в российском законодательстве и их роль в практике корпоративного управления

Юлия Владимировна Сахарова¹

¹ *Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,
1887342@mail.ru*

Аннотация. Рассмотрен ряд актуальных и проблемных вопросов функционирования института акций как инструмента корпоративного управления. Исследовано понятие и сущность акции как вида ценных бумаг, сформулировано расширенное определение акции. Рассмотрены отдельные виды акций в российском правопорядке: обыкновенные и привилегированные, дробные, казначейские и квазиказначейские, а также недавно появившиеся цифровые акции как цифровые финансовые активы.

Ключевые слова: акция, корпоративные ценные бумаги, корпоративное управление

Для цитирования: Сахарова Ю.В. Акции в российском законодательстве и их роль в практике корпоративного управления // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 50. С. 177–193. doi: 10.17223/22253513/50/13

Original article
doi: 10.17223/22253513/50/13

Shares in Russian legislation and their role in corporate governance practice

Yulia V. Sakharova¹

¹ *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
1887342@mail.ru*

Abstract. The relevance of the topic of the article is mediated by the fact that the institution of shares, inextricably linked to the issues of creation and operation of joint stock companies, is of great importance for the socio-economic development of Russia. To date, the analysis of the legal regime of shares, improvement of legal regulation of civil turnover of shares, protection of shareholders' rights and prevention of abuses by the management of joint-stock companies, elimination of contradictions in the legislation remain topical tasks.

The article considers the concept, certain types of shares, as well as the issues of functioning of the institute of shares as an instrument of corporate governance.

In Russian legislation, the "book-entry" nature of a share is compensated for by the documented fixation of the rights certified by the security by an authorised person in the relevant accounting records, i.e. only the method of legitimisation of the rights secured by the share has changed.

With regard to fractional shares it is noted that the Russian legislation does not have their legal definition, but only their features and three cases of occurrence are fixed. The study of the legal nature of fractional shares has allowed to argue the expediency of expanding the list of cases of formation of fractional shares by including in this list cases of arising of the ownership right to the whole share of two or more persons.

Speaking about treasury shares, it should be emphasised that they are not a separate type of shares, but are characterised by a special legal regime due to the shares belonging to the joint-stock company that placed them. In this case, a condition arises when the joint-stock company itself possesses shares certifying the rights in respect of this company, and the corporate rights are disposed of by the company itself, but in the person of an authorised body.

The study of the issuance of securities in digital form allowed us to note that today we should not talk about the possibility of issuing "digital shares" by a non-public joint-stock company, but about a new type of joint-stock companies built around "digital shares".

The legal nature of the rights granted by a share to participate in the management of a joint-stock company is mediated by the fact that the shareholder's non-property rights, together with property rights, are synthesised into a single right of membership, which is generally of a property nature. The value of non-property rights granted by shares is much higher than property rights. By exercising participation rights through the management of a joint stock company, shareholders can earn both on the growth of the company's capitalisation and on its cash flow management. Such income may be higher than dividends, the decision on payment of which depends on voting at the general meeting of shareholders, i.e. on the realisation of non-property rights. In these circumstances, the non-property right that provides an opportunity to influence decision-making by the management bodies of a joint stock company is key.

Keywords: share, corporate securities, corporate governance

For citation: Sakharova Yu.V. (2023) Shares in Russian legislation and their role in corporate governance practice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 50. pp. 177–193. doi: 10.17223/22253513/50/13

Институт акций, неразрывно связанный с вопросами создания и деятельности акционерных обществ, имеет большое значение для социально-экономического развития Российской Федерации, устойчивости ее экономики и защиты прав акционеров.

Акции получили наибольшее распространение среди ценных бумаг в силу того, что данный вид ценных бумаг является инструментом концентрации капитала, инвестиционным финансовым инструментом и инструментом корпоративного управления и контроля.

На протяжении развития российского законодательства о ценных бумагах происходило усложнение акционерных правоотношений. Это повлекло за собой появление проблемных вопросов в правовом регулировании. Актуальными задачами остаются анализ правового режима акций, совершенствование правового регулирования гражданского оборота акций, защита прав акционеров и предупреждение злоупотреблений менеджмента акционерных компаний, устранение противоречий в законодательстве.

Несмотря на эволюцию акционерного законодательства, остаются актуальными вопросы правового регулирования дробных акций, казначейских

акций и «квазиказначейских» акций. Федеральный закон от 31.07.2020 «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ [1] (далее – Закон о ЦФА) открыл дорогу новому виду акций, которые вправе выпускать непубличные акционерные общества – акции в виде цифровых финансовых активов.

На современном этапе российский законодатель определяет акцию как бездокументарную ценную бумагу. Обозначенная позиция выражается в нормах ст. 142 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [2], а также в Федеральных законах «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о РЦБ) [3] и «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) [4].

Изначально документарная форма придавала акции внешние признаки вещи, разрешая вопрос существования «право на право» (права собственности на акцию, дающую набор прав). В настоящее время историческую бумажную форму акции заменяют системы учета прав в электронном виде, в том числе развивающаяся технология блокчейн.

Первое упоминание о возможности выпуска акций в не обособленной форме, а в опосредованной (пусть пока и на бумажном носителе) появилось в Положении об акционерных обществах, утвержденном Постановлением Совмина РСФСР № 601 в 1990 г. [5]. В данном Положении была предусмотрена возможность выпуска сертификатов акций – ценных бумаг, которые являются свидетельством владения поименованного в нем лица определенным числом акций. То есть данная ценная бумага удостоверяла право владения другой ценной бумагой – акцией. Передача сертификата от одного лица к другому означала совершение сделки и переход права собственности на акцию только в случае регистрации операции в установленном порядке.

Появление сертификатов акции вместо обособленных ценных бумаг (акций) было первым шагом к бездокументарной форме акций, так как сертификат по своему содержанию был записью о владении, пусть и в бумажной форме.

Следующим шагом к бездокументарной форме ценных бумаг стало Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР [6], которое закрепило возможность существования ценных бумаг в бездокументарной форме – записей на счетах. В этом же нормативном акте было закреплено расширенное определение акций. На тот момент акции могли быть как документарными, так и бездокументарными. Возможность выпуска акций в виде записей на счетах облегчила процесс приватизации государственной собственности и преобразование госпредприятий в акционерные общества, когда акционерами становилось большое число работников этих самых предприятий. В данном случае документарная форма акции

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

увеличивала издержки акционирования госпредприятий. Однако для сделок с акциями в бездокументарной форме потребовалось создание институтов учета прав собственности. Такими институтами в прошлом веке стали реестродержатели и депозитарии.

Закон о РЦБ в нормах ст. 2 закрепляет определение акции, буквальное толкование которых позволяет говорить, что акция – именная ценная бумага. Правовая конструкция акции как бездокументарной ценной бумаги однозначно закреплена в ст. 25 Закона № 208-ФЗ.

Следует отметить, что введение конструкции бездокументарных акций вызвало полемику среди ученых. По мнению В.А. Белова, бездокументарные акции противоречат нормам общей теории ценных бумаг, это «субстанция, похожая на ценные бумаги в некоторых отношениях (например, в названии похожая), – но все-таки отличающаяся от нормальных классических ценных бумаг» [7. С. 16].

Анализ норм ст. 128 ГК РФ позволяет отнести бездокументарные ценные бумаги к категории «иное имущество», а по смыслу норм Закона о РЦБ и Закона № 208-ФЗ, право на акцию является правом собственности. Права, предоставляемые акцией своему владельцу в соответствии со ст. 31 и 32 Закона об № 208-ФЗ, представляют собой комплекс имущественных и неимущественных прав, в том числе корпоративных, участника акционерного общества. Акция порождает право ее владельца на имущество, выраженное в виде определенного стоимостного блага (например, дивиденды). При этом сущность акции как права собственности, гарантии его осуществления, порядок приобретения или отчуждения акции и другие аспекты правового регулирования получают свое развитие в корпоративных правоотношениях акционера и акционерного общества [8. С. 83].

В связи с принятием Федерального закона от 02.07.2013 № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [9] к бездокументарным ценным бумагам применяются правила об именных документарных ценных бумагах, правообладатель которых определяется в соответствии с учетными записями, если иное не установлено ГК РФ, законом или не вытекает из особенностей фиксации прав на бездокументарные ценные бумаги (ст. 143 ГК РФ).

Иными словами, российский законодатель легально закрепил бездокументарную форму акции и допускает использование классического понятия ценной бумаги. «Бездокументарность» акции восполняется документированной фиксацией управомоченным лицом в соответствующих учетных записях прав, удостоверенных ценной бумагой, т.е. изменился лишь способ легитимации закрепляемых акцией прав.

Сделки, предметом которых являются акции, реализуются посредством воздействия не на сами акции как совокупность прав, а на субъективное право на бездокументарную ценную бумагу. Например, передача акций (и комплекса предоставляемых ими прав) в доверительное управление означает наделение управляющего правом использовать их в период договора доверительного управления.

Обыкновенные и привилегированные акции

Основным типом акций, размещаемых акционерным обществом, выступают обыкновенные акции, выпуск привилегированных акций в соответствии с Законом № 208-ФЗ не является обязательным. Определяющим отличием привилегированных акций от обыкновенных следует назвать объем прав, связанных с участием в управлении обществом и получением дивидендов. Основное право привилегированной акции – возможность получения части прибыли (дивидендов), в отличие от обыкновенной акции, где основным правом выступает право голоса она общем собрании акционеров.

Выплата дивидендов по привилегированным акциям представляет собой право акционерного общества, но не обязанность, поскольку не является гарантированной, она реализуется при принятии общим собранием акционеров соответствующего решения. Отсутствие выплат дивидендов по привилегированным акциям становится предметом судебных споров. Вопросы, связанные с нарушением прав акционеров, владеющих привилегированными акциями, рассматривались и в Конституционном Суде Российской Федерации, который определил, что невыплата дивидендов владельцам привилегированных акций не является обязанностью даже при наличии прибыли, а относится к рискам, которые принимает акционер, приобретая акции [10].

Федеральный закон от 27.12.2018 № 514-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О рынке ценных бумаг” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг» [11] изменил нормы ст. 32 Закона № 208-ФЗ, которые предоставляют возможность акционерным обществам выпускать новый тип привилегированных акций с преимуществом в очередности получения дивидендов.

В данном случае устав акционерного общества может закреплять возможность выпуска обществом привилегированных акций определенного типа, дивиденды по которым выплачиваются в первую очередь – перед выплатой дивидендов по привилегированным акциям любых типов и обыкновенным акциям. Размер дивидендов по таким привилегированным акциям определяется в твердой денежной сумме или в процентах к номинальной стоимости акций. Привилегированные акции с преимуществом в очередности получения дивидендов не имеют ликвидационной стоимости и предоставляют их владельцам право голоса на общем собрании акционеров только по вопросам о ликвидации общества.

Дробные акции

Дробные акции получили законодательное закрепление в 2002 г., когда в ст. 25 Закона № 208-ФЗ был внесен п. 3, определяющий, что такое дробная акция. До внесения этих дополнений в Закон № 208-ФЗ дробные акции не признавались акциями как таковыми, представляя собой временное явление, и, по сути, не признавались объектами гражданских прав.

До 01.01.2002 проблема дробной части акций, которая не признавалась ценной бумагой, решалась путем принудительного выкупа этих дробных частей по рыночной стоимости. Такая схема «образование дробной части акций – принудительный выкуп» широко использовалась для вытеснения миноритарных акционеров (и не только миноритарных в корпоративных конфликтах). Злоупотребления при консолидации акций с образованием дробных частей акций и последующим их выкупом в целях перераспределения корпоративного контроля в конце концов привели к тому, что в 2002 г. внесенные изменения в Закон № 208-ФЗ признали дробные акции полноправным объектом гражданских прав.

При дроблении акции совокупность прав, которую она удостоверяет, остается неразделимой. Нельзя разделить права акции на отдельные части, оставив часть из них за одной дробной акцией, а другую – за другой. При образовании дробных акций объем закрепленных в одной акции прав разветвляется на несколько групп аналогичных по своему содержанию прав. Расчленения прав, удостоверяемых ценной бумагой, не происходит.

Закон № 208-ФЗ не закрепляет легального определения дробной акции, указывая только ее признаки и три случая возникновения.

По общему правилу, голосование на общем собрании акционеров происходит по принципу «одна акция – один голос». Применительно к дробной акции это правило не соблюдается, хотя прямо об этом в законе не сказано, и порядок голосования дробными акциями прямо не прописан.

Закрытый перечень оснований для возникновения дробных акций ставит вопросы правового регулирования иных ситуаций, когда допустимо появление дробных акций. Например, предварительный договор купли-продажи или договор залога. По мнению К.И. Скловского, если к моменту исполнения предварительного договора купли-продажи акций или договора о залоге акций номинал акций (предмета договора) «изменен таким образом, что соответствующий процент уставного капитала включает не целое число акций, то и в этом случае могут возникнуть дробные акции в силу предварительного договора или договора о залоге» [12. С. 3].

Вторым актуальным вопросом регулирования дробных акций выступают правоотношения наследования. Согласно ст. 1176 ГК РФ, акции входят в наследственную массу, а наследники становятся акционерами акционерного общества. Но это правило не действует в отношении акций работников народного предприятия.

При рассмотрении споров, связанных с наследованием акций, судебная практика свидетельствует о недопустимости образования дробных акций. «При наличии нескольких наследников наследуемым имуществом является пакет акций, при разделе которого недопустимо образование дробных акций. При невозможности избежать дробности суд отказывает в разделе пакета акций и выделе долей в натуре» [13]. В Постановлении от 16.07.2008 Федеральный арбитражный суд Уральского округа указал, что «дробление

целой акции в результате действий ее собственника, совершенных без каких-либо правовых оснований, не может служить причиной для возникновения дробной акции как самостоятельного объекта вещного права, соответственно, такая дробная акция не может быть предметом сделки» [14]. Список оснований возникновения дробных акций по п. 3 ст. 25 Закона № 208-ФЗ четко регламентирован и очерчен, так как иные случаи возникновения дробных акций законодательством не предусмотрены.

Правовая природа дробной акции связана с сущностью акции как таковой. Акция – разновидность ценных бумаг, одновременно выступает родовым понятием по отношению к своим видам: целая акция и дробная акция. Началом в общей собственности является имущество, которым собственники распоряжаются сообща. Вместе с вещным объектом в отношениях общей долевой собственности существуют неимущественное имущественное право на долю. Сособственники своей долей вправе распорядиться самостоятельно, а общая долевая собственность продолжает свое существование. По отношению к общей долевой собственности в отношении акции имеет место один важный вопрос. Сособственники акции, по существу, имеют долю на права, закрепляемые акцией. Таковой долей они вправе распорядиться самостоятельно. Но права, предоставляемые акцией, не могут расщепляться, поскольку предоставляют собой цельную совокупность прав.

Ответом на этот вопрос должно стать расширение перечня случаев образования дробных акций. Более радикальным вариантом можно назвать подход, когда соответствующий перечень становится открытым. Гражданский оборот, так или иначе, будет воспроизводить ситуации, при которых применение норм о дробных акциях наиболее адекватно.

Иными словами, целесообразным видится расширение перечня случаев образования дробных акций за счет включения в этот перечень случаев возникновения права собственности на целую акцию двух и более лиц (общей долевой собственности). Для чего в п. 3 ст. 25 Закона № 208-ФЗ необходимо добавить второй абзац следующего содержания: «Дробные акции образуются в случае возникновения права собственности на целую акцию двух или более лиц по основаниям, установленным законодательством Российской Федерации».

Казначейские акции

По способу отчуждения акции можно классифицировать на акции публичных акционерных обществ, которые отчуждаются неопределенному кругу лиц (открытая эмиссия), и акции, выпускаемые непубличными акционерными обществами, продажа которых неопределенному кругу лиц и без соблюдения требования о праве преимущественной покупки невозможна. Таким образом, существенное отличие акций непубличных обществ от акций публичных обществ – это ограничение их обращения [15. С. 190].

В соответствии с положениями гл. IX Закона № 208-ФЗ, акционерное общество вправе приобретать собственные акции по решению общего собрания акционеров или совета директоров. Соответствующие акции, которые переходят в собственность акционерного общества, называются казначейскими.

Прежде чем рассматривать казначейские акции, стоит отметить, что они не являются особой категорией акций, но характеризуются особым правовым режимом, обусловленным принадлежностью акций разместившему их акционерному обществу. В данном случае возникает состояние, когда само акционерное общество обладает акциями, удостоверяющими права в отношении этого общества, и распоряжается этими корпоративными правами само общество, но в лице его единоличного исполнительного органа. Собственные акции акционерного общества, перешедшие во владении к обществу, учитываются на его балансе и традиционно называются казначейскими акциями. При этом казначейские акции – это исключение из правил о прекращении обязательств вследствие совпадения кредитора и должника в одном лице согласно ст. 413 ГК РФ.

Дефиниция «казначейская акция» в действующем российском законодательстве отсутствует, хотя в правовой доктрине широко употребляется [16. С. 161]. Казначейские акции не составляют отдельный вид акций, размещаемых акционерным обществом. По своей правовой природе они могут быть и обыкновенными, и привилегированными.

Казначейские акции образуются в следующих случаях: 1) приобретение акционерным обществом акций в порядке реализации его преимущественного права (п. 3 ст. 7 Закона № 208-ФЗ); 2) переход акций к акционерному обществу по причине их своевременной оплаты учредителями (п. 1 ст. 34 Закона № 208-ФЗ) и др.

Казначейские акции не предоставляют права голоса, не учитываются при подсчете голосов, по ним не начисляются дивиденды. В течение одного года с момента их приобретения общество обязано принять решение об уменьшении своего уставного капитала и погасить акции или реализовать приобретенные акции (п. 1 ст. 34, п. 3 ст. 72, п. 6 ст. 76 Закона № 208-ФЗ).

Ограничение по выплате дивидендов по этому виду акций вполне логично, поскольку если бы оно не было введено, то сложилась бы ситуация, когда акционерное общество распределяет чистую прибыль из одного своего «кармана» в другой.

Однако остаются неурегулированными отдельные корпоративные права, закрепленные за казначейской акцией как за корпоративной ценной бумагой. Одним из таких прав выступает право на получение информации о деятельности акционерного общества. В данном случае регулирование представляется избыточным, так как абсурдно заявлять право на предоставление информации о самом себе. Куда более значимым правом, которое обошел вниманием российский законодатель, выступает преимущественное право приобретения размещаемых публичным обществом посредством открытой

подписки дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции (п. 1 ст. 40 Закона № 208-ФЗ).

По смыслу ст. 40 Закона № 208-ФЗ, публичное акционерное общество, имеющее в собственности казначейские акции, имеет наряду с другими акционерами преимущественное право приобретения размещаемых посредством открытой подписки дополнительных акций и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в акции, в количестве, пропорциональном количеству принадлежащих им акций публичного общества этой категории (типа). Возможность реализации этого преимущественного права акционерным обществом, владеющим казначейскими акциями, неоднозначна. Казалось бы, ситуация, когда такое общество, используя преимущественное право, в ходе дополнительной эмиссии привлекает деньги и выкупает часть акций с рынка, которые ограничены в праве голоса и дивидендов, не имеет смысла. Но если посмотреть на это с другой стороны, то данное преимущественное право акционерного общества с казначейскими акциями создает условия для инсайдерской торговли акциями менеджментом компании в своих интересах либо интересах крупных акционеров.

Иными словами, реализация казначейских акций требует совершенствования правового регулирования, поскольку существующий механизм не защищает акционеров и допускает возможность злоупотреблений менеджментом акционерных обществ.

Предусмотренное ст. 40 Закона № 208-ФЗ преимущественное право приобретения размещаемых посредством открытой подписки акций следует ограничить в отношении акционерного общества, которому принадлежат акции по основаниям, предусмотренным п. 1 ст. 34, п. 3 ст. 72, п. 1 ст. 75 Закона № 208-ФЗ.

Реализация казначейских акций в отдельных случаях может приводить к злоупотреблениям со стороны единоличного и (или) коллегиального исполнительного органов акционерного общества и нарушения интересов акционеров. Исходя из этого, представляется целесообразным применять к сделкам акционерного общества, связанным с отчуждением, в том числе залогом казначейских акций, правил Главы XI Закона № 208-ФЗ о сделках с заинтересованностью, внося соответствующие изменения в Закон № 208-ФЗ.

Кроме того, в российском праве допускается перекрестное владение акциями акционерных обществ друг друга или взаимное участие акционерных обществ в уставном капитале друг друга. Такие акции получили название «квазиказначейские». Они дают право голоса своему владельцу, а также право на получение дивидендов и могут находиться на балансе акционерного общества без ограничений по времени в один год.

Перекрестное владение акциями в группе компаний позволяет менеджменту получить фактическую возможность осуществлять права акционера через директивы на голосование единоличным исполнительным органам дочерних и (или) взаимозависимых обществ. Таким образом, менеджмент присваивает корпоративные права акционеров.

В правовой литературе озвучивается позиция об ограничении перекрестного владения акциями или ограничения прав по квазиказначейским акциям. На это же указывает и Банк России, отмечая, что введение запрета голосования квазиказначейскими акциями будет способствовать стабильности гражданского оборота, повышению прозрачности структуры владения акциями общества, повышению уровня защищенности прав акционеров [17].

Цифровые акции

Проникновение в гражданский оборот информационных технологий и сопутствующая цифровизация оборота активов, перевода прав на активы в цифровой вид создали условия для возникновения новых форм фиксации прав владельцев ценных бумаг в распределенных реестрах на основе технологии блокчейн и возможности эмиссии ценных бумаг в цифровой форме.

Поправки в ГК РФ (ст. 141.1 «Цифровые права») и принятие Закона о ЦФА разрешили непубличному акционерному обществу (и только ему) при его учреждении выпускать акции в виде цифровых финансовых активов («цифровых акций») с учетом особенностей и условий, определенных Законом о ЦФА. При этом Закон о ЦФА сразу устанавливает ограничение для непубличных акционерных обществ – оно может выпускать и иметь в обращении либо «цифровые акции», либо акции в традиционном понимании: параллельное обращение и взаимная конвертация акций запрещены.

Выпуск, учет обращение «цифровых акций» регулируются Законом о РЦБ с учетом особенностей, предусмотренных Законом о ЦФА. Главное и единственное отличие «цифровых акций» непубличного акционерного общества от его же акций, только в бездокументарной форме, выступает иной способ учета прав на эти ценные бумаги.

При этом ст. 13 Закона о ЦФА прямо устанавливает ряд запретов. Возможность выпуска «цифровых акций» должна быть предусмотрена уставом непубличного акционерного общества при его учреждении. Соответствующие положения не могут быть внесены в устав, изменены и (или) исключены из устава по решению, принятому общим собранием акционеров такого общества.

Иными словами, следует говорить не о возможности выпуска непубличным акционерным обществом «цифровых акций», а о новом виде акционерных обществ, построенном вокруг «цифровых акций».

Выпуск, учет и обращение «цифровых акций» осуществляются в соответствии с Законом о РЦБ с учетом особенностей, установленных Законом о ЦФА. «Цифровые акции» в отличие от традиционных учитываются в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск, в виде записей способами, установленными правилами указанной информационной системы, а не в реестре или счете депо. Лицом, осуществляющим учет прав на «цифровые акции», признается оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, поднадзорный Банку России.

По цифровым акциям еще не сложилась правоприменительная практика, однако в самом Законе о ЦФА заложено существенное противоречие, на которое следует обратить внимание. Статья 1 Закона о ЦФА в п. 11 указывает, что требования Закона о ЦФА не распространяются на выпуск, учет и обращение бездокументарных ценных бумаг.

Акция, как следует из доктрины и по смыслу ст. 2 и 16.1 Закона о РЦБ, является бездокументарной ценной бумагой. С одной стороны, Закон о ЦФА разрешает выпуск акций в виде цифровых финансовых активов и регулирует порядок их выпуска в соответствии с Законом о РЦБ. С другой стороны, действие этого закона на правоотношения по бездокументарным ценным бумагам, коими являются акции, не распространяются.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что при принятии Закона о ЦФА было недостаточно уделено внимания понятийному аппарату акций как бездокументарных эмиссионных ценных бумаг. В связи с чем существует необходимость внесения в Закон о ЦФА соответствующих коррективов.

Акция как инструмент корпоративного управления

Одним из определяющих свойств акции выступает предоставление ею корпоративных прав своему владельцу.

В первую очередь, корпоративные права предопределяют участие их владельцев в управлении акционерным обществом. Через участие и голосование на общем собрании акционеров они делают возможным обеспечение реализации акционером своего экономического интереса к получению имущественной выгоды. И только во вторую очередь корпоративные права предоставляют право на получение дивидендов и на получение части имущества акционерного общества после его ликвидации.

Нормы о корпоративных правах владельцев обыкновенных акций и владельцев привилегированных акций общества содержатся в ст. 31 и 32 Закона № 208-ФЗ соответственно. Однако в ряде законодательно установленных случаев привилегированная акция становится голосующей на общем собрании акционеров. Это происходит тогда, когда затрагиваются имущественные права владельцев привилегированных акций.

Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [18] открывает возможность сделать привилегированные акции непубличного общества голосующими. И привилегированные акции закрепляют неимущественные права, связанные с имущественными.

Правовая природа прав, предоставляемых акцией на участие в управлении акционерным обществом, опосредована тем, что неимущественные права акционера в совокупности с имущественными синтезируются в едином праве членства, которое в целом носит имущественный характер. Содержание акции связано с правом членства в корпорации, поскольку акция –

это корпоративная ценная бумага, и право голоса, право избирать и быть избранным на должности в обществе следует отнести к корпоративным правам.

Как показывает практика, ценность неимущественных прав, предоставляемых акциями, гораздо выше, чем имущественных. Реализуя права участия через управление акционерным обществом, акционеры могут зарабатывать как на росте капитализации компании, так и на ее управлении денежными потоками (через назначение исполнительных органов компании, согласование экстраординарных сделок на условиях выгодных акционеру и т.д.). Такой доход может быть выше, чем дивиденды, решение о выплате которых зависит от голосования на общем собрании акционеров, т.е. опять-таки от реализации неимущественных прав. В этих условиях неимущественное право, предоставляющее возможность влиять на принятие решений органами управления акционерного общества, является ключевым.

В этой связи стоит отметить самостоятельную имущественную ценность прав, предоставляемых акциями во взаимосвязи со степенью участия акционера в управлении обществом или прав на корпоративный контроль.

Из этого вытекает накопительный эффект акционерных прав или объем корпоративных прав владельца акций, который зависит от количества, от величины пакета принадлежащих акционеру акций. Величина пакета принадлежащих акционеру акций позволяет ему получить преимущества по отношению к другим акционерам или третьим лицам, т.е. получить преимущественные права, закрепленные Законом № 208-ФЗ. От величины пакета акций во владении зависит объем неимущественных прав (возможность через число голосов акционеров на их общем собрании принимать те или иные решения в свою пользу) и размер прямой имущественной выгоды от владения – размер возможного дивиденда и стоимости имущества при ликвидации. Можно сказать, что размер имущественной выгоды от владения акциями определяется в качестве первичного признака акции как корпоративной ценной бумаги.

Акционерные права, которые предоставляет владение определенным пакетом обыкновенных акций (более 30%, более 50%, более 75%, более 95%), лежат в основе приобретения корпоративного контроля как способа корпоративного управления. При этом дефиницию «корпоративное управление» в узком значении, как управление акциями, стоит отличать от непосредственной операционной деятельности акционерного общества. В данном случае это способ установления корпоративного контроля.

В практике корпоративного управления применительно к акциям сложились следующие термины, важные для понимания акции как отдельного вида корпоративной ценной бумаги. Контрольный пакет акций – количество обыкновенных (голосующих) акций, находящихся в собственности акционера – 50% + 1 акция, предоставляющее последнему количество голосов, необходимое для принятия большинства решений на общем собрании акционеров. Собственник контрольного пакета или контролирующий акционер через своих представителей в совете директоров акционерного общества

назначает единоличный исполнительный орган общества, контролирует назначение дивидендов, а через голосование на общем собрании акционеров – решение о выплате. Контрольный пакет акций не дает полного контроля над акционерным обществом.

Существенные вопросы жизнедеятельности акционерного общества можно решить в соответствии с Законом № 208-ФЗ только квалифицированным большинством обыкновенных (голосующих) акций в 75% + 1 акция. Обратная ситуация возникает, когда акционеру принадлежит 25% + 1 акция или так называемый блокирующий пакет, когда акционер на общем собрании может заблокировать все решения, для принятия которых необходимо квалифицированное большинство.

Приобретение голосующих акций выступает одним из быстрых способов установления корпоративного контроля над акционерным обществом. Законодательством предусмотрены специальные режимы для определенного числа акций публичного общества, содержащие специфические права и обязанности для их владельцев.

При этом необходимо иметь в виду, что с момента приобретения более 30% общего количества акций публичного общества и до даты направления в публичное общество обязательного предложения, акционер-владелец такого пакета и его аффилированные лица имеют право голоса только по акциям, составляющим 30% таких акций. При этом остальные акции, принадлежащие этому лицу и его аффилированным лицам, голосующими акциями не считаются и при определении кворума не учитываются (ст. 84.2 Закона № 208-ФЗ).

В случае приобретения 95% акций предусмотрен особый правовой режим данной процедуры, закрепленный в ст. 84.7 и 84.8 Закона № 208-ФЗ. С одной стороны, обязанность выкупа оставшихся ценных бумаг у миноритарных акционеров по их требованию согласно ст. 84.7 Закона № 208-ФЗ. С другой стороны, право требования к миноритарным акционерам, чтобы они продали принадлежащие им акции в соответствии со ст. 84.8 Закона № 208-ФЗ. Отметим, что законодатель склоняется в сторону поддержки интересов контролирующего акционера.

Таким образом, можно выделить одно существенное свойство акции как корпоративной ценной бумаги: несмотря на равный объем прав каждой акции одного выпуска, в сумме они накапливаются и объем корпоративных прав, предоставляемых акциями, увеличивается пропорционально их числу (размеру пакета акций) у владельца.

Приведенная в Законе о РЦБ дефиниция акции через определение круга прав владельца представляется недостаточно полной. Акция является корпоративной ценной бумагой и имеет свои уникальные черты как объект акционерных правоотношений:

- формирует уставный капитал акционерного общества;
- закрепляет совокупность неимущественных и имущественных прав владельца, вытекающих из его участия в корпорации;

- предоставленные акцией права осуществляются в порядке, установленном Законом № 208-ФЗ и другими актами, в том числе Банка России;
- закрепленные акцией субъективные права передаются полностью и одновременно с самой акцией и др.

Таким образом, исходя из свойств акции как корпоративной ценной бумаги и инструмента корпоративного управления, можно сформулировать расширенное определение акции как эмиссионной ценной бумаги, участвующей в формировании уставного капитала акционерного общества и представляющей своему владельцу совокупность имущественных и неимущественных прав, вытекающих из его участия в акционерном обществе.

Список источников

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301.
3. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 17.
4. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.
5. Об утверждении Положения об акционерных обществах: Постановление Совмина РСФСР от 25.12.1990 № 601 // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 92. Утратило силу.
6. Об утверждении Положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР: Постановление Правительства РСФСР от 28.12.1991 № 78 // СП РФ. 1992. № 5. Ст. 26. Утратило силу.
7. Белов В.А. Ценные бумаги в коммерческом обороте : курс лекций. М. : Юрайт, 2019. 306 с.
8. Сахарова Ю.В., Дебушевский Т.И. Акции и криптовалюта как предмет для инвестирования: сравнительное исследование // Экономика. Социология. Право. 2022. № 1 (25). С. 83–87.
9. О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 02.07.2013 № 142-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.
10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы акционерного общества «Управляющая компания «Арсатера»» на нарушение конституционных прав и свобод статьями 32 и 42 Федерального закона «Об акционерных обществах»: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.01.2017 № 1-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 4.
11. О внесении изменений в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования осуществления эмиссии ценных бумаг: Федеральный закон от 27.12.2018 № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53. Ст. 8440.
12. Склоцкий К.И. Дробные акции и акции в общей собственности // ЭЖ-Юрист. 2004. № 40. С. 3.
13. Решение Центрального районного суда г. Омска от 20.01.2016 по делу № 2-65/2016, 2-6650/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/25n5YQPJxyV/?ysclid=l5wkon5h30305728136> (дата обращения 01.10.2022).
14. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 16.07.2008 № Ф09-5032/08-С4. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=>

doc&base=AUR&n=83654&ysclid=l5wkszbxi208151138#tU6МКCTXWlsABfdA (дата обращения: 01.10.2022).

15. Сахарова Ю.В., Дебушевский Т.И. Акционерное общество как коммерческая корпорация и эмитент акций // Право: история, теория, практика. Вып. 25 : сб. ст. и материалов межвуз. науч. форума, 3 декабря 2021 г. Брянск : Новый проект, 2021. С. 187–197.

16. Копылов Д.Г. Правовой режим казначейских акций и их юридическая судьба // Закон. 2018. № 9. С. 161–171.

17. О совершенствовании корпоративного управления в публичных акционерных обществах. Доклад Банка России для общественных консультаций (декабрь 2015 г.). URL: <https://nand.ru/upload/cbrf-corporate.pdf> (дата обращения: 01.10.2022).

18. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 29.06.2015 № 210-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2015. № 27. Ст. 4001.

References

1. Russian Federation. (2020) O tsifrovyykh finansovykh aktivakh, tsifrovoy valyute i o vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ [On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 31(1). Art. 5018.

2. Russian Federation. (1994) Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii, chast' pervaya: Federal'nyy zakon ot 30 noyabrya 1994 g. № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation, part one: Federal Law No. 51-FZ of November 30, 1994]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 32. Art. 3301.

3. Russian Federation. (1996) O rynke tsennykh bumag: Federal'nyy zakon ot 22.04.1996 № 39-FZ [On the securities market: Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 17. Art. 17.

4. Russian Federation. (1996) Ob aktsionernykh obshchestvakh: Federal'nyy zakon ot 26.12.1995 № 208-FZ [On joint stock companies: Federal Law No. 208-FZ of December 26, 1995]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 1. Art. 1.

5. Russian Federation. (1991) Ob utverzhdenii Polozheniya ob aktsionernykh obshchestvakh: Postanovlenie Sovmina RSFSR ot 25.12.1990 № 601 [On approval of the Regulations on joint stock companies: Resolution No. 601 of the Council of Ministers of the RSFSR dated December 25, 1990]. *SP RSFSR*. 6. Art. 92.

6. Russian Federation. (1992) Ob utverzhdenii Polozheniya o vypuske i obrashchenii tsennykh bumag i fondovykh birzhakh v RSFSR: Postanovlenie Pravitel'stva RSFSR ot 28.12.1991 № 78 [On approval of the Regulations on the issue and circulation of securities and stock exchanges in the RSFSR: Resolution No. 78 of the Government of the RSFSR dated December 28, 1991]. *SP RF*. 5. Art. 26.

7. Belov, V.A. (2019) *Tsennye bumagi v kommercheskom oborote* [Securities in commercial circulation]. Moscow: Yurayt.

8. Sakharova, Yu.V. & Debushevskiy, T.I. (2022) Aktsii i kriptovalyuta kak predmet dlya in-vestirovaniya: sravnitel'noe issledovanie [Shares and cryptocurrency as a subject for investment: a comparative study]. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*. 1(25). pp. 83–87.

9. Russian Federation. (2013) O vnesenii izmeneniy v podrazdel 3 razдела I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 02.07.2013 № 142-FZ [On amendments to subsection 3 of section I of part one of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law No. 142-FZ of July 2, 2013]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 3434.

10. Russian Federation. (2017) Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby aktsionernogo obshchestva “Upravlyayushchaya kompaniya ‘Arsagera’ na narushenie

konstitutsionnykh prav i svobod stat'yami 32 i 42 Federal'nogo zakona Ob aktsionernykh obshchestvakh": Opredelenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 17.01.2017 № 1-O [On the refusal to accept for consideration the complaint of the joint-stock company "Management Company Arsagera" for violation of constitutional rights and freedoms by Articles 32 and 42 of the Federal Law "On Joint-Stock Companies": Resolution No. 1-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 17, 2017]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*. 4.

11. Russian Federation. (2018) O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O rynke tsennykh bumag" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v chasti sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya osushchestvleniya emissii tsennykh bumag: Federal'nyy zakon ot 27.12.2018 № 514-FZ [On amendments to the Federal Law "On the Securities Market" and certain legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the legal regulation of the issue of securities: Federal Law No. 514-FZ of December 27, 2018]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 53. Art. 8440.

12. Sklovskiy, K.I. (2004) Drobnye aktsii i aktsii v obshchey sobstvennosti [Fractional shares and shares in common ownership]. *EZh-Yurist*. 40. p. 3.

13. Russian Federation. (2016) *Reshenie Tsentral'nogo rayonnogo suda g. Omska ot 20.01.2016 po delu № 2-65/2016, 2-6650/2015* [Decision of the Central District Court of Omsk dated January 20, 2016, in Case No. 2-65/2016, 2-6650/2015]. [Online] Available from: https://sudact.ru/regular/doc/25n5YQPJxyV/?ysclid=l5wkon_5h30305728136 (Accessed 1st October 2022).

14. Russian Federation. (2008) *Postanovlenie Federal'nogo arbitrazhnogo suda Ural'skogo okruga ot 16.07.2008 № F09-5032/08-S4* [Resolution No. F09-5032/08-S4 of the Federal Arbitration Court of the Ural District dated July 16, 2008]. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AUR&n=83654&ysclid=l5wks_zbxi208151138#U6MKCTXWlsABfDA (Accessed 1st October 2022).

15. Sakharova, Yu.V. & Debushevskiy, T.I. (2021) Aktsionernoe obshchestvo kak kommercheskaya korporatsiya i emitent aktsiy [Joint-stock company as a commercial corporation and issuer of shares]. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika* [Law: History, Theory, Practice]. Vol. 25. Bryansk: Novyy proekt. pp. 187–197.

16. Kopylov, D.G. (2018) Pravovoy rezhim kaznacheyskikh aktsiy i ikh yuridicheskaya sud'ba [Legal regime of treasury shares and their legal fate]. *Zakon*. 9. pp. 161–171.

17. Russian Federation. (2015) *O sovershenstvovanii korporativnogo upravleniya v publichnykh aktsionernykh obshchestvakh. Doklad Banka Rossii dlya obshchestvennykh konsul'tatsiy (dekabr' 2015 g.)* [On improving corporate governance in public joint-stock companies. Report of the Bank of Russia for public consultation (December 2015)]. [Online] Available from: <https://nand.ru/upload/cbrf-corporate.pdf> (Accessed 1st October 2022).

18. Russian Federation. (2015) O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii: Federal'nyy zakon ot 29.06.2015 № 210-FZ [On introducing amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and invalidating certain provisions of legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 210-FZ of June 29, 2015]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii*. 27. Art. 4001.

Информация об авторе:

Сахарова Ю.В., доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия). E-mail: 1887342@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Sakharova Yu.V., Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation). E-mail: 1887342@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2022;
одобрена после рецензирования 25.02.2023; принята к публикации 20.12.2023.*

*The article was submitted 20.10.2022;
approved after reviewing 25.02.2023; accepted for publication 20.12.2023.*

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Право» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2011 г.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзором) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-45814 от 08.07.2011 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 2225–3513).

Журнал включен в «Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук, на соискание ученой степени кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии. «Вестник ТГУ. Право» выходит ежеквартально и распространяется по подписке, его подписной индекс – 46014 в объединенном каталоге «Пресса России». Полнотекстовые версии вышедших номеров публикуются на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе. С требованиями по оформлению материалов можно ознакомиться на сайте журнала: <http://vestnik.tsu.ru/law>.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет (ТГУ), Юридический институт.

Телефоны: 8 (382-2) 52-98-68, 8 (382-2) 78-35-81

Факс: 8 (382-2) 52-98-68

Ответственный секретарь редакции журнала – Н.Г. Геймбух.

Научный журнал

**ВЕСТНИК
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ПРАВО**

Tomsk State University Journal of Law

2023. № 50

Редакторы Ю.П. Готфрид
Редактор-переводчик В.Н. Горенинцева
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 24.12.2023 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Печ. л. 14,8. Усл. печ. л. 19,3. Цена свободная.
Тираж 500 экз. Заказ № 5734.

Дата выхода в свет 07.03.2024 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании
Издательства Томского государственного университета,
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru